BT 921
.N317
1865
Copy 1

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

GPO

1597/50
18630
2
R

ВѢЧНАЯ ЖИЗНЬ.

ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ

ЭРНЕСТА НАВИЛЯ

БЫВШАГО ПРОФЕССОРА ФИЛОСОФІИ ВЪ ЖЕНЕВѢ.

ПЕРЕВОДЪ

Священника Н. Сергіевскаго

Ординарнаго Профессора Богословія въ Московскомъ Университетѣ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ДОПОЛНЕННОЕ АВТОРОМЪ ВЪ ТЕКСТѢ И ОСОБЫМИ ОБОЗРѢНІЯМИ СОДЕРЖАНІЯ КАЖДАГО ЧТЕНІЯ ВЪ КОНЦѢ КНИГИ.

МОСКВА.

1865.

Naville, Ernest
"Vechnaia zhizn'

ВѢЧНАЯ ЖИЗНЬ.

ПУБЛИЧНЫЯ ЧТЕНІЯ

ЭРНЕСТА НАВИЛЯ

БЫВШАГО ПРОФЕССОРА ФИЛОСОФІИ ВЪ ЖЕНЕВѢ.

Naville, Ernest.

ПЕРЕВОДЪ

Священника Н. Сергіевскаго

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА БОГОСЛОВІЯ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ДОПОЛНЕННОЕ АВТОРОМЪ ВЪ ТЕКСТѢ И ОСОБЫМИ ОБОЗРѢНІЯМИ СОДЕРЖАНІЯ КАЖДАГО ЧТЕНІЯ ВЪ КОНЦѢ КНИГИ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°).

1865.

BT921
.N317
1865

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 12 дня 1865 г.

Цензоръ Протопресвитеръ *Д. Ивскій.*

ZL 50ef 71

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Эта книга, въ оригиналѣ, составилась изъ публичныхъ чтеній, записанныхъ посредствомъ стенографіи и пересмотрѣнныхъ авторомъ. Онѣ были два раза читаны,— сначала въ Женевѣ, потомъ въ Лозаннѣ, — и тамъ и здѣсь предъ многочисленнымъ собраніемъ, около тысячи человѣкъ разнаго званія, различныхъ вѣроисповѣданій и разнообразныхъ религіозныхъ убѣжденій. Успѣхъ чтеній побудилъ автора издать ихъ въ свѣтъ, хотя, по его словамъ, онѣ были задуманы и исполнены не для печати.

Переводя эту книгу на русскій языкъ, переводчикъ думалъ принести пользу русскимъ читателямъ, въ виду современныхъ потребностей мысли и жизни. Книга эта представляетъ серіозное и вмѣстѣ живое, общедоступное изслѣ-

15 sep. 71

дованіе важнѣйшихъ вопросовъ Религіи вообще и Христіанства въ особенности, противъ воззрѣній новаго матеріализма.

Москва, 3 октября 1862.

Приступая нынѣ ко второму изданію перевода *Чтеній о Вѣчной Жизни*, мы провѣрили его по послѣднему, четвертому, изданію оригинала, немало пополненному и въ текстѣ, и еще — особымъ обозрѣніемъ содержанія каждаго чтенія. Значеніе этого обозрѣнія такъ объясняется авторомъ: «Многіе изъ слушателей и читателей этихъ *Чтеній* жаловались, что не для всѣхъ довольно легко представляется общій ходъ мысли, въ ея существенныхъ элементахъ. Для устраненія этого неудобства, еще во второмъ изданіи (французскомъ), въ самомъ текстѣ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія. Но дабы еще болѣе удовлетворить читателей, здѣсь предлагаются отдѣльно краткія обозрѣнія (résumés) содержанія каждаго чтенія, гдѣ главныя идеи и ихъ связь изображаются съ достаточною ясностію».

Мартъ 1865.

Свящ. И. Сергіевскій.

ПЕРВОЕ ЧТЕНІЕ.

Назначеніе человѣка.

Зачѣмъ мы живемъ на землѣ? къ чему мы назначены?—Идеалъ и дѣйствительность.— Истина и наши познанія. — Требованія долга и жизнь.—Нравственное добро и счастіе.—Неотразимость вопроса о назначеніи человѣка.—Отношеніе къ этому вопросу со стороны современнаго скептицизма.

Всякое время имѣетъ свои интересы. Каждое поколѣніе приноситъ съ собою нѣкоторыя убѣжденія, какихъ не знало поколѣніе предшествовавшее, и о которыхъ, можетъ-быть, забудутъ поколѣнія будущія.

Но есть интересы неизмѣнно важные для всякаго времени. Есть убѣжденія, есть вопросы, присущіе всему человѣчеству: чередуются поколѣнія, а эти вопросы постоянно остаются одни и тѣ же, какъ неизмѣнныя задачи. — Таковъ вопросъ *о назначеніи человѣка*.

Куда нашъ путь? Зачѣмъ мы живемъ на землѣ? Наше существованіе выполняется ли въ настоящей экономіи? Какая цѣль нашего существованія? Жизнь коротка; почти съ самаго исходнаго ея пункта уже видится другой ея берегъ. Чего намъ ждать, чего бояться и чего надѣяться на томъ берегу? Стóитъ подумать объ этомъ вопросѣ. Только крайнее легкомысліе можетъ не думать о немъ. Да едва ли

кто и забываетъ этотъ вопросъ, — онъ непремѣнно присущь всякой душѣ. Только жизнь разсѣеваетъ насъ, и мы не смотримъ прямо на задачу, которую однако устранить мы не въ силахъ. У каждаго свои дѣла, и каждому нужно жить,— думать о множествѣ предметовъ въ настоящемъ. Гдѣ же взять времени заниматься отдаленнымъ будущимъ? Такимъ образомъ нерѣдко глохнетъ въ заросли житейскихъ хлопотъ зерно высокихъ помысловъ, которые должны бы составлять обычныя занятія разумнаго существа. Скажутъ, что я толкую общими мѣстами. Положимъ; но мнѣ кажется,— если пословицы составляютъ мудрость народовъ, то общія мѣста — мудрость человѣчества.

Кто не говорилъ сотни разъ и другимъ и себѣ того, что мы сейчасъ сказали? Кто не знаетъ о суетности предметовъ, которые порабощаютъ человѣка? Сколько людей, которые жалуются на свое существованіе, поносятъ его, злословятъ въ нуждѣ; однако мы вѣримъ въ жизнь, готовы всегда верить ея обѣщаніямъ, ея обаянію, и можетъ-быть особенно вѣримъ ей въ минуты, когда она насъ разочаровываетъ. Этому ослѣпленію надобно противопоставить отчетливый ясный взглядъ на все, что̀ есть несостоятельнаго въ настоящемъ нашемъ существованіи и наивнаго въ нашей привязанности къ тому, что̀ мы называемъ дѣйствитеностьтью. Здѣсь намъ нечего искать новыхъ мыслей и выраженій; можно воспользоваться извѣстными. Непрочность всѣхъ вещей, ничтожество видимой дѣйствительности,—это такой предметъ, котораго никогда не обходили и краснорѣчіе, и философія,—органы, которыми человѣчество высказывается самому себѣ. Послушайте.

«Всякое существо, измѣряющее себя, есть ничто; потому что все измѣримое имѣетъ свой предѣлъ, и какъ скоро до-

шло до этого предѣла, послѣдній шагъ разрушаетъ все, какъ будто оно никогда и не существовало. Что̀ такое сотня лѣтъ, что̀ такое тысячи лѣтъ, когда послѣдняя минута изглажываетъ ихъ? Представьте продолженіе вашей жизни равнымъ долговѣчности тѣхъ деревъ, подъ которыми отдыхали наши предки и будетъ отдыхать наше потомство; соберите себѣ на всемъ этомъ, повидимому, безмѣрномъ пространствѣ времени, почести, богатства, удовольствія: какую пользу принесетъ вамъ эта громада, когда послѣднее дыханіе смерти вдругъ разрушитъ все это, какъ карточный домикъ — забаву дѣтей? Къ чему намъ книга жизни, которой каждая страница наполнена прекраснымъ письменами, когда одинъ почеркъ замарываетъ ее всю? Еще бы этотъ почеркъ оставилъ хоть какой-либо слѣдъ собою; на землѣ не остается никакого слѣда отъ того, что̀ мы были.

«Что̀ же такое наше существо? Вступаемъ въ жизнь, чтобъ тотчасъ выдти изъ нея; приходимъ показаться какъ и другіе; а потомъ приходится исчезнуть. Все призываетъ насъ къ смерти; природа, какъ бы изъ зависти къ тѣмъ благамъ, которыя даетъ намъ, часто напоминаетъ намъ, что она не можетъ надолго оставить за нами ту небольшую частицу вещества, которое для насъ приготовляетъ и которое не должно оставаться въ однѣхъ рукахъ, а вѣчно должно быть въ обращеніи;—ей оно нужно для другихъ, и она требуетъ его назадъ отъ насъ.

«Какъ будто совершается постоянно новый наборъ въ родѣ человѣческомъ,—я говорю о дѣтяхъ, которыя рождаются, и по мѣрѣ того, какъ выростаютъ и мужаютъ, кажется толкаютъ насъ плечомъ, и говорятъ намъ: уйдите, теперь наша очередь! Такимъ образомъ, мы видимъ, что передъ нами выступаютъ другіе; а они смотрятъ, какъ мы

удаляемся, и сами испытаютъ нашу участь. Что же такое мы? Взглянуть впередъ, какое безграничное пространство, гдѣ меня нѣтъ! взглянуть назадъ тамъ тоже, меня нѣтъ ужь болѣе! Какъ мало мѣста занимаю я въ безмѣрномъ пространствѣ времени! Яничто; мнѣ трудно отличить себя отъ ничтожества; я только для счету; не будь меня, и жизнь не хуже бы шла и безъ меня.

«Образъ міра сего преходитъ, и мое существо есть ничто. Я такъ быстро несусь, что, кажется, все бѣжитъ отъ меня, и все ускользаетъ. Да, все бѣжитъ; и въ то время, какъ мы, въ этомъ собраніи, увѣрены, что стоимъ на одномъ мѣстѣ, всякій совершаетъ свой путь, всякій, не думая о томъ, удаляется отъ своего сосѣда, потому что всѣ нечувствительно идемъ къ послѣдней разлукѣ!» (Боссюетъ, *Слово о смерти.*)

Такъ, наѣтоящая жизнь не такова, чтобъ намъ нечего было заботиться о будущемъ. Если бы даже наше существованіе здѣсь было полно и достигало полной своей мѣры, и тогда было бы достаточно смерти, и скоротечности всѣхъ вещей, приближающей насъ къ смерти,—чтобъ сдѣлать насъ серьезными въ жизни. Но опытъ даетъ намъ предостереженія болѣе рѣшительныя. Много ли здѣсь существованій полныхъ? Ступайте на кладбище, считайте могилы дѣтей, юношей, молодыхъ дѣвицъ! Кто изъ насъ не знаетъ нѣсколько жизней разбитыхъ преждевременно? У кого изъ насъ нѣтъ воспоминанія о комъ-нибудь, чья жизнь была полна будущности, надежды, и однако была прервана совершенно неожиданно? Сколько скорби въ ударахъ смерти! и сколько тоже ироніи! Человѣкъ полезный, предметъ самой живой привязанности, умираетъ въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, тогда какъ жизнь другаго, тяжелая и для него самого, и

для окружающихъ, будто и конца не имѣетъ. Тяжело продолжать объ этомъ; всякій самъ знаетъ множество подобныхъ безпорядковъ смерти.

Безпорядокъ! Если мы говоримъ о безпорядкѣ, значитъ имѣемъ чувство порядка. Неужели же нѣтъ никого ни на небѣ, ни на землѣ, нѣтъ никого болѣе великаго, чѣмъ мы, кто могъ бы вполнѣ знать и осуществить этотъ порядокъ, — порядокъ, котораго требуетъ наше сердце, наша совѣсть, — который мы, бѣдные, понимаетъ, по крайней мѣрѣ предчувствуемъ? Неужели за нестройными звуками, которые насъ оскорбляютъ, никогда не послѣдуетъ гармонія?

Такъ жизнь и смерть, скоротечность жизни и ея неизбѣжный конецъ рѣшительно разрушаютъ чары нашего легкомыслія, и заставляютъ насъ быть внимательными къ вопросу: куда нашъ путь, къ чему мы назначены?

Спросимъ нашу природу, обратимся къ нашей душѣ. Нѣтъ ни одной силы духа, нѣтъ ни одной потребности нашего сердца, которыя, будучи внимательно изучаемы, не ставили бы предъ нами вопроса: «Назначеніе человѣка выполняется ли здѣсь?» Возьмемъ напримѣръ, чувство изящнаго и его область — искусство.

Въ этой обширной области поэзія, кажется, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ другія искусства. Она посвоему дѣлаетъ то, что дѣлаютъ своими средствами живопись и музыка, — она старается выразить идеалъ, т. е. она старается подъ различными образами дать почувствовать нѣчто болѣе возвышенное, болѣе богатое, болѣе поражающее, чѣмъ положительная дѣйствительность. Исканіе идеала — сущность искусства, сущность и поэзіи. Но въ этомъ исканіи представляются два направленія, глубоко различныя.

Есть поэзія, которая только раскрашиваетъ настоящую жизнь, дѣлаетъ изъ нея обманчивый образъ, который обольщаетъ насъ и тотчасъ разбивается отъ прикосновенія съ дѣйствительностью, оставляя на сердцѣ только досаду и разочарованіе. Я говорю не объ испорченномъ воображеніи, которое украшаетъ порокъ, грѣхъ, и облекаетъ блестящимъ покровомъ раны и струпы человѣческаго сердца; я говорю просто о томъ романтическомъ расположеніи, благодаря которому жизнь надоѣдаетъ, долгъ становится скучнымъ. Въ этомъ случаѣ идеалъ похожъ на фосфорическій свѣтъ, выходящій изъ предметовъ, а не изъ высшаго его центра. Искусство, которое ищетъ такого идеала, есть пріятное увеселеніе, благородное — если угодно, но преходящее и гибнущее.

Есть другаго рода поэзія. Есть поэзія, которая вѣритъ въ источникъ свѣта, старается возвыситься до него, и по преходящимъ здѣсь красотамъ, понять вѣчную красоту, которой—онѣ только блѣдныя отраженія. Послушайте греческаго философа Платона: «Человѣкъ, встрѣчая красоту на землѣ, воспоминаетъ объ истинной красотѣ, окриляется и горитъ желаніемъ летѣть къ ней; но въ своемъ безсиліи, онъ поднимаетъ глаза къ небу.» (*Федръ.*) Послушайте еще Сократа: «Чудная красота есть цѣль всѣхъ поисковъ мудраго,—вѣчная красота, которая не умаляется и не возрастаетъ, которой причастны всѣ другія красоты, однако такъ, что ихъ рожденіе или разрушеніе не приносятъ ей ни умаленія, ни прибавки, ни малѣйшаго измѣненія... Зрѣлище этой-то вѣчной красоты даетъ цѣну нашей жизни». (*Пиршество*).—Итакъ есть идея красоты, которая даетъ цѣну нашему существованію, потому что эта идея дѣлается для насъ залогомъ высшаго существованія. Есть поэзія, кото-

рая не довольствуется только увеселеніемъ духа, но которая облагораживаетъ жизнь, освѣщяя ее высшимъ свѣтомъ, — есть поэзія, которая не только не отвращаетъ отъ дѣйствительности и отъ долга, но преобразуетъ дѣйствительность и освящаетъ долгъ. Здѣсь идеалъ есть отраженіе свѣта свыше; искусство становится звеномъ той золотой цѣпи, которая соединяетъ небо съ землею.

Вотъ два совершенно различныхъ способа понимать искусство, идеалъ, поэзію. На которой сторонѣ правда? Идеалъ есть ли только блуждающій огонь, который угасаетъ, едва освѣтивши своимъ фантастическимъ свѣтомъ тѣ болота, которыя произвели его, — или онъ есть лучъ, который сходитъ съ неба, чтобъ просвѣтить землю? — Обратимъ вниманіе на другой элементъ нашей природы.

Болѣе двухъ тысячъ лѣтъ назадъ философъ Аристотель въ одномъ изъ своихъ знаменитыхъ твореній сказалъ: «Всякій человѣкъ имѣетъ естественное желаніе—знать». Спрашивается, это желаніе знанія соразмѣрено ли только съ нашимъ настоящимъ существованіемъ? Такъ можно бы думать, если бы наука была лишь слугою промышленности, доставляя ей своими изысканіями, своими открытіями орудія къ побѣдѣ надъ природою. Но такъ ли въ самомъ дѣлѣ? Геометрія, говорятъ, явилась у египтянъ вслѣдствіе потребности розыскать границы наслѣдственныхъ земель, послѣ наводненія Нила. Необходимость отыскивать дорогу въ обширныхъ равнинахъ, гдѣ странствовали съ своими стадами халдейскіе пастухи, натолкнула на астрономическія наблюденія. Нужда есть мать изобрѣтеній! Положимъ: въ наше время особенно, нельзя отрицать практическихъ выгодъ науки. Но неужели въ этихъ выгодахъ—вся цѣль и

полное объясненіе вѣковыхъ трудовъ мысли? Еслибы человѣкъ искалъ знанія не ради истины, еслибы онъ изучалъ, изслѣдовалъ только въ видахъ матеріальныхъ и практическихъ результатовъ отъ своего изученія, самая промышленность не знала бы тѣхъ чудесъ, которыя теперь удивляютъ насъ. Только послѣ долгихъ безкорыстныхъ научныхъ работъ являются практическія примѣненія науки. Возьмите хоть теорію электричества. Что жь? Ея изобрѣтатели имѣли что́ ль въ виду ея приложимость къ новѣйшимъ телеграфамъ?!

Любовь къ знанію есть изначальный элементъ нашей природы. Когда мы перестаемъ любить истину ради ея самой, мы уничижаемъ самихъ себя. Наше желаніе знать безконечно по своей природѣ. Между тѣмъ сопоставьте съ этою внутреннею потребностію, которая не имѣетъ предѣловъ,— сопоставьте тѣ результаты, до которыхъ мы доходимъ въ знаніи.

Обратитесь къ матеріальной природѣ. Вооружите ваши глаза самымъ сильнымъ телескопомъ; думаете ли вы, что вашъ взоръ достигнетъ конца вселенной? Возьмите самый сильный микроскопъ: увидите вы первые элементы матеріи? Самое воображеніе тутъ теряется, безконечное какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ равно ускользаетъ отъ насъ. Притомъ, что̀ такое наши чувства, которыми мы допрашиваемъ природу? Какъ бы небольшія окна въ стѣнахъ темницы, изъ которыхъ намъ видна можетъ быть самая малая часть существующаго. Для слѣпаго нѣтъ и свѣта, для глухаго не существуетъ и очарованія звуковъ. И кто скажетъ, сколько сторонъ вселенной ускользаетъ отъ насъ, отъ нашего понятія, потому что намъ нечѣмъ воспринять ихъ, потому что мы слѣпы и глухи въ отношеніи къ нимъ.

Всюду вопросы, всюду тайны. Величайшія задачи возбуждаются и полетомъ насѣкомаго, и послѣдней былинкой, каждой частичкой воздуха, которымъ дышемъ, самымъ прахомъ, который попираемъ ногами. Наука дѣлаетъ успѣхи, но сколько еще препятствій непреодолимыхъ для науки? если сравнить то, что̀ извѣстно, съ тѣмъ, что еще неизвѣстно, легко будетъ понять глубокое изреченіе Сократа: «Я знаю одно, — что я ничего не знаю.»

Если таково наше знаніе въ отношеніи къ видимой природѣ, которая такъ доступна нашимъ изслѣдованіямъ, что̀ же сказать о вопросахъ, которые выше опыта: — о началѣ и послѣдней цѣли всѣхъ вещей, о существѣ духа? Стремленіе къ рѣшенію задачъ этого порядка соразмѣрено ли съ этою жизнію? Отъ чего эти задачи интересуютъ насъ все болѣе и болѣе, если рѣшеніе ихъ безразлично для интересовъ настоящаго? Желаніе разсѣять мракъ, которымъ естественно окружены начало и конецъ нашего существованія, неужели есть фальшивая потребность мысли, которая въ движеніи своемъ переступаетъ самый дѣйствительный предметъ и потомъ уже носится въ пустотѣ? Неужели самая высокая любознательность есть только странная и незаконная утонченность ума? Между тѣмъ, самые первые вопросы, какіе задавало себѣ человѣчество, были вопросы именно этого порядка. Когда еще не знали ни физики, ни химіи, философія уже спрашивала о началѣ вещей и о послѣднемъ концѣ вселенной. Таково свидѣтельство исторіи древности. И эта исторія юнаго человѣчества воспроизводится даже вокругъ насъ. Прислушайтесь къ вопросамъ ребенка: они наивны, но эта наивность подъ-часъ бываетъ возвышенна. Не случалось ли вамъ быть свидѣтелемъ, какъ иногда въ необширномъ кругу дѣтской мысли вдругъ поднимается

одинъ изъ вопросовъ—*почему?* который ставитъ въ тупикъ всю нашу метафизику.

Мы рождены для знанія. Мы хотимъ полной ясности въ знаніи, и со всѣхъ сторонъ наталкиваемся на тайны, со всѣхъ сторонъ встрѣчаемъ то *тусклое стекло,* о которомъ говорилъ апостолъ Павелъ 18 вѣковъ тому назадъ. Дѣло въ томъ: несоразмѣрность между стремленіемъ мысли и результатами, какихъ она можетъ достигнуть, такъ ясна, что невозможно отрицать ее; что̀ отсюда слѣдуетъ? Сказать ли съ Плиніемъ, что «природа человѣка фальшива, потому что въ ней соединяется крайняя бѣдность съ безмѣрною гордостію?» Сказать ли, будто взоръ ума, несущійся къ свѣту, есть не больше, какъ болѣзненное раздраженіе? Или сказать, что наша душа имѣетъ предчувствіе своихъ высокихъ судебъ, и что, если смутныя тѣни не могутъ удовлетворить насъ, значитъ мы созданы для полнаго свѣта? Итакъ, опять тотъ же вопросъ поднимается мыслію и знаніемъ, какой поднимаетъ и искусство и потребность идеала.

Но кромѣ прекраснаго и истиннаго, мы стремимся еще къ доброму. Неужели фальшиво это стремленіе? Мы ищемъ нравственнаго добра, котораго не можемъ вполнѣ достигнуть; слѣдуетъ ли отсюда, что это исканіе напрасно и что его надо оставить? или слѣдуетъ, что оно законно и что цѣль его — по ту сторону жизни? Не будемъ пока настаивать на этомъ заключеніи. Постараемся основать наши мысли на соображеніяхъ общедоступныхъ.

Обыкновенно говорятъ, что нравственность требуетъ санкціи? «Будь добръ, и ты будешь счастливъ», говоритъ внутренній голосъ. Это голосъ правды; онъ утверждаетъ,

что счастіе человѣка, въ его нормальномъ состояніи, должно быть соразмѣрно съ тѣмъ добромъ, которое исходитъ извнутри его. Но нашъ слухъ истерзанъ жалобами, подымающимися со всѣхъ сторонъ, жалобами, что этой правды, этой соразмѣрности нѣтъ вокругъ насъ. Мы это хорошо знаемъ: что касается радостей жизни, онѣ вовсе не даны въ удѣлъ строгому соблюденію вѣчныхъ законовъ нравственности; богатство, вліяніе, власть не соединены неразрывною связью съ честностію, съ правдою, съ самоотверженіемъ. Но это еще не такъ важно. Говорятъ, что и въ этой жизни бываетъ возмездіе этимъ несправедливостямъ счастія,— что добродѣтель сама въ себѣ имѣетъ свою награду, а порокъ—свое наказаніе. Пусть такъ, но такое возмездіе, какъ бы ни было оно дѣйствительно, въ состояніи ли устранитьвопросъ о будущемъ?

Моралисты много говорили о радостяхъ доброй совѣсти; но они мало говорятъ о скорбяхъ—*правой* совѣсти. Долгъ есть неумытный владыка. Совѣсть становится тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ болѣе она очищается: что̀ прежде казалось ей позволительнымъ, потомъ уже не кажется такимъ; въ ней является безпокойство, странное въ глазахъ міра, тяжелое для того, кто носитъ его въ своей груди. Такимъ образомъ одинъ долгъ, безъ цѣли, безъ надеждъ, безъ будущности, былъ бы небольше, какъ тяжелымъ игомъ для человѣчества!

Указываютъ на угрызенія совѣсти, и особенно имѣютъ въ виду тѣ ужасные примѣры, когда воспоминаніе преступленія, какъ тѣнь, преслѣдуетъ виновнаго, отравляетъ его дни и возмущаетъ покой его ночи. Да, совѣсть говоритъ; но она также и молчитъ,—не надо забывать объ этомъ молчаніи. Внутренній голосъ строгъ; когда имъ пренебрегаютъ, онъ больше не отзывается. Совѣсть черствѣетъ, и нравственное существованіе мало-по-малу уни-

жается, и для души наступаетъ ночь. Нѣтъ солнца, зажигаютъ свѣчи; нѣтъ радости, ищутъ наслажденій. Безъ сомнѣнія, когда молніи прорѣзываютъ эту темь, совѣсть просыпается, можетъ-быть въ страшной тоскѣ; но сколько совѣстей легкихъ, которыя легко опятъ засыпаютъ, лишь кончились страхи!

Взвѣсьте эти факты. Съ одной стороны мы видимъ мученія чувствительной совѣсти, съ другой—сонъ, глубокій сонъ совѣсти созженной. Что же? Правда не исполняется въ этомъ мірѣ; неужели она и никогда не осуществится? неужели никогда не будетъ удовлетворена жажда святости? неужели никогда не проснутся души спящія? Подумайте, вопросъ о будущемъ не заслуживаетъ ли серьезнаго вниманія?

Здѣсь мы должны указать еще на одно затрудненіе, рѣдко представляемое, которое однако встрѣчается. Иногда говорятъ, будто нравственность не нуждается въ санкціи: поступайте по закону, этого и довольно съ васъ, а искать счастія въ исполненіи долга, — это ужь эгоизмъ; надобно любить добро для добра; добродѣтель достаточна сама себѣ, и не имѣетъ нужды ни въ какихъ видахъ на будущее.—Возраженіе повидимому благородное. Отвѣтимъ на него въ немногихъ словахъ.—Нѣтъ, не эгоизмъ заставляетъ насъ утверждать, что, въ сущности, счастіе должно быть соразмѣрно съ добромъ. Безъ сомнѣнія, я желаю этого для себя самого, и не могу перемѣнить моей природы, которая заставляетъ меня безусловно желать этого; но здѣсь такъ мало участія моей личности, что я того же самого желаю и столь же безусловно для другихъ, какъ и для самого себя. Тамъ, гдѣ счастіе не слѣдуетъ за добромъ, хотя бы въ этомъ случаѣ лично я нисколько не былъ заинтересованъ, — внутренній мой голосъ возвышается и гово-

ритъ, что тутъ безпорядокъ и что этотъ безпорядокъ долженъ быть исправленъ.

Разсмотримъ теперь эту потребность счастія, безъ отношенія ея къ идеѣ правды. Есть люди, которые отрицаютъ долгъ, но никто не отрицаетъ того, что въ насъ есть желаніе быть счастливыми. Это желаніе удовлетворяется ли земными предметами? Настоящая жизнь имѣетъ свои радости, и мы нерѣдко въ отношеніи къ ней бываемъ вдвойнѣ несправедливы, и — излишкомъ привязанности къ ней и излишнею неблагодарностью. Есть радости въ природѣ, есть онѣ въ жизни домашней, есть въ общественной дѣятельности, радости законныя, чистыя.... и однако, чувство жизни въ сущности печально. Припомните предсмертныя слова римскаго императора, достигшаго высшей степени могущества: «У меня было все, и я видѣлъ, что все есть ничто.» Припомните также слова Премудраго царя: «Суета суетъ.» Въ лѣтописяхъ литературы можно найдти множество свидѣтельствъ, что поэты, которые хотѣли воспѣвать только однѣ шумныя радости, невольно примѣшивали грустную элегію къ своей веселой пѣснѣ. Но оставимъ поэтовъ. Послушаемъ спокойнаго мыслителя:

«Съ самаго начала жизни, наша природа, пробуждаясь со всѣми ея потребностями и силами, встрѣчаетъ міръ, повидимому, представляющій безграничную область для удовлетворенія первыхъ и для развитія послѣднихъ. При взглядѣ на этотъ міръ, который кажется полонъ счастья, наша природа порывается къ нему съ горячими надеждами и упованіями. И ни одна изъ этихъ надеждъ не исполняется, ни одно изъ этихъ упованій не оправдывается. Пока мы молоды, несчастіе насъ больше удивляетъ, чѣмъ ужасаетъ; намъ кажется, что оно есть только аномалія, и наша вѣра въ счастіе еще не колеблется. Аномалія эта повторяется,

и мы все еще крѣпимся. Но наконецъ какой-нибудь слишкомъ сильный ударъ поражаетъ насъ, и внезапно открываетъ намъ глаза, а затѣмъ,—чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ яснѣе и яснѣе представляется намъ печальная истина; надежды, которыми прежде смягчались несчастья, исчезаютъ и смѣняются горькимъ негодованіемъ; тогда изъ глубины сердца, удрученнаго скорбію, изъ глубины разума, уязвленнаго въ самыхъ внутреннихъ его вѣрованіяхъ, неизбѣжно подымается грустный вопросъ: для чего же человѣкъ поставленъ въ этомъ мірѣ?

«Не думайте, однако, будто бѣдствія жизни одни имѣютъ привилегію обращать нашъ умъ къ этой задачѣ: она одинаково исходитъ и изъ нашего счастія, какъ и несчастія, потому что наша природа и въ томъ и въ другомъ одинаково обманывается. Въ первую минуту удовлетворенія нашихъ желаній, мы имѣемъ предубѣжденіе или, лучше сказать, наивность считать себя счастливыми; но если это счастіе продолжается, его прелесть скоро увядаетъ; и тамъ, гдѣ мы думали найдти полное удовлетвореніе, мы испытываемъ только нѣкоторое удовлетвореніе, которое, постепенно умаляясь, превращается наконецъ въ скуку и отвращеніе. Такова неизбѣжная развязка всякаго удовольствія, таковъ роковой законъ, отъ котораго ни одно изъ нихъ не можетъ освободиться. Конечно, если въ минуту еще торжества какой-нибудь страсти вамъ пришлось отдаться другой, то увлеченіе этой новою страстью помогаетъ вамъ избѣжать разочарованія первой; и такимъ образомъ въ жизни слишкомъ возбужденной есть возможность довольно долго прожить счастіемъ этого міра, пока узнаешь его суетность. Но такая безчувственность не можетъ же продолжиться навсегда: придетъ же минута, когда остановится эта гоньба за удовольствіями, когда наскучитъ нерѣшительность

желаній и явится потребность остановиться на одномъ предметѣ, и на немъ сосредоточить свои желанія. Тогда, какова бы ни была эта послѣдняя страсть, неизбѣжно приходитъ горькая опытность, которую случай только отсрочивалъ; желанное счастіе едва достигнуто, и уже страшитъ душу своею недостаточностью; напрасно человѣкъ усиливается отыскать въ немъ то, о чемъ мечталъ; желанное счастіе достигнуто, а желаніе счастія все-таки не удовлетворено. Итакъ счастіе есть тѣнь, жизнь — обольщеніе, наши желанія — обманчивая западня? Не найдешь отвѣта на подобный доводъ; онъ болѣе рѣшителенъ, чѣмъ тотъ, который выводится изъ фактовъ несчастія; потому что въ несчастіи вы можете еще обольщаться, слагая вину на судьбу, на природу вещей, — тогда какъ здѣсь сама природа вещей какъ бы извращается: сердце человѣка испытываетъ всѣ утѣхи жизни, и все-таки не удовлетворяется. Такъ опытъ счастія ставитъ предъ человѣкомъ все тотъ же неизбѣжный вопросъ о его судьбѣ въ этомъ мірѣ.» (Жуфруа, *Melanges philosophiques* стр. 399—403.)

Таковъ голосъ личныхъ обольщеній, результатъ опытности. Но въ нашемъ сердцѣ есть скорби болѣе благородныя, чѣмъ печали личныхъ неудачъ. Есть души, которыя живутъ жизнію другихъ, страдаютъ ихъ скорбями, и на дѣлѣ осуществляютъ прекрасную мысль римскаго поэта: «Я человѣкъ, и ничто человѣческое не чуждо мнѣ». Въ эту минуту, какъ мы бесѣдуемъ съ вами, сколько несчастій совершается и тамъ и сямъ, въ цѣломъ родѣ человѣческомъ! Знаете ли вы, сколько въ эту минуту есть въ нашемъ городѣ больныхъ въ агоніи, душъ, возмущенныхъ нравственно, уязвленныхъ въ самыхъ дорогихъ имъ привязанностяхъ, разочарованныхъ въ самыхъ справедливыхъ надеждахъ! А вдали отъ насъ? Въ Америкѣ, гордой своею свободою, дѣти разлу-

чаются отъ ихъ матерей и продаются въ розницу, если нельзя продать цѣлаго семейства. Въ фабричныхъ городахъ нашего Стараго свѣта цѣлыя семейства осуждены на тяжелый трудъ, который все-таки не спасаетъ ихъ отъ голода. Прибавьте обычныя сцены войны, кровопролитія, и проч. и проч.!... Есть души, которыя сострадаютъ всѣмъ этимъ скорбямъ, хотя бы личное ихъ состояніе было самое счастливое. Есть сердца, на столько благородныя, что обливаются кровью, помышляя о несчастіи имъ подобныхъ. Поймите: счастіе только для эгоиста, а для сердецъ самоотверженныхъ его нѣтъ въ этомъ мірѣ; и однако мы желаемъ счастія. Что жь это за обольщеніе? Что хочетъ сказать это страданіе, которое преслѣдуетъ насъ, навязывается намъ подъ тысячею формъ, и представляетъ такую грустную противоположность съ желаніями нашей души? Если мы не созданы для счастья, къ чему эти проблески радости, прорывающіяся въ нашемъ существованіи? Что значатъ эти лучи, теряющіяся во мракѣ, эти предвкушенія, кончающіяся горечью? Неужели нѣтъ мѣста, гдѣ бы ожидала насъ радость, — радость, которая усладитъ горечь нашихъ скорбей, и обольщенія нашихъ удовольствій?

Такъ, вопросъ о назначеніи человѣка поднимается со всѣхъ сторонъ. Легкомысліе забываетъ о немъ, индифферентизмъ пренебрегаетъ имъ; это извѣстно и неудивительно. Но вотъ что удивительно и грустно: люди серіезные, люди мыслящіе, считающіеся мудрыми міра, заботятся отнять у людей всякую заботу о будущемъ, изгладить въ нашихъ душахъ знаки нашего достоинства, стараясь легкомысліе возвести въ систему, индеффферентизмъ — на степень теоріи!

Нѣкоторые изъ современныхъ литераторовъ и ученыхъ рѣшительно закружились, усиливаясь разсмотрѣть въ исторіи движеніе мнѣній человѣческихъ; — обращая вниманіе

на измѣняющееся, они теряютъ изъ виду неизмѣнно пребывающее, и говорятъ намъ: «Мысли и вѣрованія, разнообразные продукты цивилизаціи, временемъ невозвратно увлекаются въ бездну прошедшаго. Это постоянное теченіе человѣческихъ идей есть прекрасное зрѣлище, полное интереса для философа, и больше ничего. Разумъ, желая уловить истину, бросается въ пустое пространство и встрѣчаетъ однѣ химеры. Религія, философія, говорящія намъ о будущемъ, о лучшемъ существованіи, суть цвѣты жизни, но цвѣты земные. Не лишайте себя этихъ прекрасныхъ грезъ, но считайте ихъ именно за грезы; не ищите въ вымыслахъ воображенія твердой, устойчивой истины для опоры вашей жизни. Такое обольщеніе позволительно умамъ, отставшимъ отъ своего вѣка.»—Иные говорятъ иначе, хотя и въ томъ же родѣ. «Прогрессъ, говоритъ «положительная» философія, есть основной законъ человѣчества. Въ силу этого закона человѣкъ проходитъ различныя степени умственнаго развитія точно такъ же, какъ преемственные возрасты въ образованіи тѣла. Человѣчество жило религіею, которая есть удѣлъ дѣтства; потомъ, мало-по-малу выростая, оно дошло до метафизики; наконецъ ступивши дальше, оно должно оставить и метафизику, какъ религію, оставить область умозрѣній, и держаться только *положительнаго*, т. е. фактовъ физическихъ и соціальныхъ, подлежащихъ опыту и вычисленію: вотъ послѣдній терминъ прогресса. Наука естествознанія и ея приложенія: телеграфы, желѣзныя дороги и пароходы;—наука соціальная и вырабатываемыя ею общественныя установленія — вотъ успѣхъ человѣчества и больше ничего. Дальше—область невинныхъ грезъ, которыми могутъ забавляться отсталые умы.»

И вотъ какъ думаютъ разрѣшить великій вопросъ о на-

значеніи человѣка люди, считающіе себя передовыми людьми мысли. Они объявляютъ самый вопросъ не существующимъ. Согласитесь, это — не рѣшеніе вопроса, а бѣгство отъ вопроса, и не только бѣгство самихъ этихъ мудрецовъ, но и насильное отпугиваніе отъ него другихъ, помощію холодной и гордой іроніи, голосословно выставляющей свое мнимое превосходство, прикрывающейся знаменемъ *науки*.—Что же общаго у науки съ этой іроніей? Наука не отрицаетъ сомнѣнія, *ставящаго вопросы* и отдающагося трудолюбивому, безпокойному изысканію истины. Такое сомнѣніе почтенно. Но этотъ скептицизмъ, вовсе не видящій и не желающій *знать вопросовъ*, самодовольный и презрительный, обзывающій невѣжествомъ серьезное вѣрованіе цѣлаго человѣчества, — этотъ скептицизмъ достоинъ презрѣнія, потому что отъ него вѣетъ смертью не только для вѣры, но и для разума; потому что онъ сокрушаетъ основу нравственности, уничтожая различіе между добромъ и зломъ; потому что подвигъ духа онъ низводитъ къ безцѣльному исканію, къ пустому удовольствію, и тѣмъ унижаетъ самое благороднѣйшее изъ свойствъ нашей природы.

Нѣтъ, при такомъ вопросѣ, каковъ вопросъ о нашемъ назначеніи,—вопросѣ, который поднимается всѣми силами нашей природы, всѣми событіями нашей жизни, надобно неотступно стучаться въ дверь истины; и если бы всѣ наши попытки проникнуть въ нее оказались безполезными, то все-таки лучше хоть предъ затворенною дверью стоять со скорбію въ сердцѣ,—пусть эта скорбь будетъ намъ свидѣтельницею, что мы созданы для истины! Это не слова отчаянія, напротивъ, въ нихъ — чувство увѣренности и надежды, что для добросовѣстнаго исканія не неразрѣшимъ вопросъ о назначеніи человѣческомъ.

ВТОРОЕ ЧТЕНІЕ.

Матеріализмъ.

Общія его основанія.—Старый матеріализмъ. — Новый матеріализмъ. — Его противорѣчіе общему смыслу.—Его невѣрность даннымъ науки. — Его противорѣчіе нравственому сознанію. — Выводы матеріализма: его теоріи о нравственности и политикѣ. — Руссо.

На вопросъ: чего человѣкъ можетъ ожидать, чего надѣяться за предѣлами настоящей жизни?—прежде всего мы встрѣчаемъ отвѣтъ удивительно ясный и краткій: *ничего*. Это отвѣтъ матеріализма. Мы намѣрены изслѣдовать его.

Въ предѣлахъ нашего опыта, мы не видимъ ни рожденія, ни разрушенія ни одного изъ элементовъ, составляющихъ природу; въ области нашего наблюденія нѣтъ ни творенія, ни уничтоженія ни одной матеріальной частицы. Эти частицы, эти атомы, или какъ иначе назвать ихъ, представляются въ рядѣ различныхъ соединеній, группъ, которыя являются и исчезаютъ, уступая мѣсто новымъ соединеніямъ. Газъ получается изъ разложенія воды, вода въ свою очередь вырабатывается изъ газа въ обширной лабораторіи природы. Это кругообращеніе соединеній и разложеній особенно поразительно въ классѣ органическихъ и живыхъ существъ, къ которымъ принадлежимъ и мы. Корни расте-

ній погружены въ почву, которая составляетъ какъ бы оболочку земнаго шара. Начиная отъ этого исходнаго пункта растительной жизни, и восходя къ животнымъ даже до человѣческаго организма, совершается непрерывное и никогда ненарушимое движеніе всѣхъ атомовъ. Растеніе получаетъ свою пищу изъ почвы. Растеніе же служитъ пищею для человѣка, или, лучше, оно съѣдается животнымъ, которое идетъ на нашъ столъ и преобразуется въ субстанцію нашего тѣла. Такимъ образомъ матерія земнаго шара, или по крайней мѣрѣ его внѣшней оболочки, безпрестанно переходитъ отъ одной формы къ другой, и элементы, изъ которыхъ состоятъ всѣ нынѣ живыя существа, собственно суть тѣ же элементы, изъ которыхъ состояли существа, жившія назадъ тому двѣ, три тысячи лѣтъ, и въ самые отдаленные періоды, какіе только можно вообразить. При поверхностномъ разсмотрѣніи этого факта, на умъ приходитъ самая странная мысль. Если сказать, напримѣръ, что полѣно, которое вы бросили въ печку, заключаетъ въ себѣ, можетъ-быть, какую-нибудь частицу кедра изъ Соломонова дворца, или — что такой-то современный человѣкъ въ волосахъ своей бороды носитъ тѣ же атомы, которые выдѣлились изъ волосъ Ахилла, — конечно, такіе предположенія вамъ покажутся недостойными вниманія; однако ими, хотя и въ странной формѣ, выражается неоспоримый результатъ науки. Древній греческій философъ Эмпедоклъ можетъ-быть имѣлъ, хотя и смутныя понятія объ этихъ истинахъ, когда замѣтилъ, что на пиру мы съѣдаемъ *подъ иной формой,* плоть нашихъ друзей и нашихъ ближнихъ, а о самомъ себѣ говорилъ: «Думаю, я былъ нѣкогда мальчикомъ или молодой дѣвицей, деревомъ, птицею, безгласною рыбою на днѣ моря.» Такъ размышленіе изъ самыхъ про-

стыхъ вещей, къ которымъ мы привыкли, дѣлаетъ тайны, которыя окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ.

Во всеобщемъ обращеніи тѣлесныхъ элементовъ, наблюденіе открываетъ твердые и постоянные законы, которыми условливаются всѣ явленія. Эти законы и ихъ дѣйствія составляютъ предметъ наукъ, которыя удивляютъ насъ своими открытіями: механики, физики и химіи. Теперь матеріализмъ отправляется отъ положенія, что внѣ матеріи и законовъ, управляющихъ ею, *нѣтъ ничего*, и, слѣдовательно, физика, механика и химія достаточны къ изъясненію всего, и происхожденія мысли также, какъ происхожденія пламени, — чувствъ человѣческаго сердца, какъ цвѣта и тяжести предметовъ.

Это очень старое ученіе, но и отрицаніе этого ученія не менѣе древне. Мыслители всѣхъ временъ проводили глубокую пограничную черту между явленіями, которыми занимаются физики, и явленіями жизни, которыя составляютъ предметъ изученія натуралистовъ. Механика, физика и химія недостаточны для объясненія вселенной. Наука, заключенная въ этихъ предѣлахъ, недостаточна даже къ полному объясненію былинки и падаетъ при встрѣчѣ съ червемъ. Но мы не намѣрены здѣсь рѣшать задачи философіи природы, обратимся прямо къ человѣку.

Подъ именемъ матеріализма мы встрѣчаемъ два ученія, которыя приходятъ къ одному и тому же выводу; разсмотримъ каждое отдѣльно.

Первое, довольно распространенное въ древности, учитъ, что души образованы изъ особой матеріи, тонкой, прозрачной, отличной отъ обыкновенныхъ грубыхъ тѣлъ, — это разрѣженный воздухъ, свѣтоносные атомы. Въ минуту разрушенія тѣлъ, души, какъ самая тонкая ихъ часть, тот-

часъ поступаютъ въ общее обращеніе атомовъ. Отсюда идея о перехожденіи душъ отъ индивидуума къ индивидууму, впрочемъ безсознательномъ, безличномъ: лица умираютъ, но души пребываютъ; каждое поколѣніе оживаетъ въ слѣдующемъ поколѣніи, — ничто не теряется. Это родъ безсмертія, которое выполняется на землѣ: за предѣлами настоящей жизни нѣтъ ничего.

Такой взглядъ нынѣ совершенно оставленъ, и въ этомъ одинъ изъ рѣшительныхъ успѣховъ философіи. Въ наше время едва ли найдется одинъ ученый, который вздумалъ бы утверждать, будто существуетъ особый видъ матеріи, изъ которой образуется душа. Успѣхъ анализа показалъ всю фальшь претензіи утончать матерію. Въ самомъ дѣлѣ, за чѣмъ говорятъ о матеріи тонкой, разрѣженной? За тѣмъ, что боятся сказать, будто души имѣютъ форму, — боятся приписывать душѣ качества обыкновеннаго тѣла. Но напрасно усиливаются избѣгнуть этого вывода. Утончайте матерію сколько угодно, она все-таки сохранитъ свойство матеріи.

Для новаго матеріализма, умственныя и нравственныя явленія суть результатъ организаціи,— не сама матерія, но обнаруженіе извѣстныхъ свойствъ матеріи. Объяснимся сравненіемъ. Вѣтеръ производитъ волны на морѣ и на его неровной поверхности клубитъ пѣну: вотъ опредѣленное явленіе. Утихаетъ вѣтеръ, и вода возстановляетъ свой обычный уровень; — что остается отъ пѣнившихся волнъ? ничего, кромѣ того, что волны были; вода остается, а волна проходитъ и уничтожается. Въ ученіи новаго матеріализма наше умственное и нравственное существо имѣетъ родъ существованія, подобнаго существованію волнъ, которыя на нѣкоторое время являются на поверхности воды.

Въ извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ матерія производитъ свѣтъ и теплоту; въ другихъ условіяхъ, осуществляемыхъ въ растеніи, она производитъ жизнь; въ другихъ, наконецъ, осуществляемыхъ въ животномъ, а на высшей степени—въ человѣкѣ, она производитъ чувства, мысль, волю. Всѣ эти явленія суть результатъ только организаціи, болѣе и болѣе развивающейся. Когда эта организанія разрушается, то и явленія духовныя прекращаются вмѣстѣ съ группою матеріальныхъ частицъ, которыя производили эти явленія; и матерія нашего тѣла входитъ въ новыя соединенія съ другими свойствами. Таково ученіе новаго матеріализма.

Для общаго смысла, человѣкъ, разсматриваемый въ цѣлости его природы, представляетъ собою два ряда фактовъ существенно различныхъ. Мы замѣчаемъ въ себѣ форму, цвѣтъ, тяжесть, — свойства тѣлъ, которыя подлежатъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ. Но рядомъ съ этими свойствами мы встрѣчаемъ въ человѣкѣ радость, страданіе, страхъ, надежду, желаніе, — явленія, которыя не сказываются ни слуху, ни зрѣнію, ни осязанію, а только внутреннему чувству, которое мы называемъ сознаніемъ. Отсюда — вообще утверждаемое различіе между душою и тѣломъ, между духомъ и матеріею, между физическимъ и нравственнымъ. Этимъ двумъ классамъ фактовъ соотвѣтствуютъ двѣ отдѣльныя науки. *Физіологія* изучаетъ наше тѣло, его форму, его строеніе, законы его жизни. *Психологія* изучаетъ явленія души, ея природу и законы ея внутренней жизни. Эти двѣ науки соприкасаются между собою, потому что душа и тѣло находятся въ тѣсномъ единствѣ. Но средства изученія, которыми пользуются физіологи, и средства, какія въ рас-

поряженіи у психологовъ, совершенно различны. Никогда и ни на какой степени одна изъ этихъ наукъ не можетъ замѣнить другую. Соберите философовъ со всего міра, дайте имъ вѣка на философствованіе, въ строгомъ научномъ смыслѣ этого слова, и потомъ попросите ихъ сдѣлать описаніе желудка, или строеніе мозга. Если они умны, они промолчатъ; или — они настроютъ пустыхъ гипотезъ — законный предметъ смѣха для натуралистовъ. Соберите теперь всѣхъ физіологовъ міра, дайте имъ для ихъ работъ столько же времени, сколько и философамъ, предоставьте въ ихъ распоряженіе инструменты самаго безукоризненнаго совершенства, самые лучшіе микроскопы, и потомъ спросите у нихъ объясненія словъ: хотѣть, желать, бояться, надѣяться. Еслибъ физіологи не были людьми, если бы они не знали смысла этихъ словъ, какъ знаете вы, какъ знаю я, — благодаря внутреннему свидѣтельству сознанія, совершенно независимо отъ ихъ спеціальныхъ занятій, то имъ было бы невозможно, совершенно невозможно даже понять предлагаемаго вопроса. Вотъ признаніе одного физіолога, которое мы заимствуемъ изъ предисловія къ одному изъ послѣднихъ физіологическихъ трактатовъ: «Животное принадлежитъ вполнѣ физіологу. По нѣкоторымъ отправленіямъ, человѣкъ также есть животное, но животное разумное: онъ мыслитъ, имѣетъ чувства добраго и прекраснаго, управляетъ своими потребностями, возвышаясь надъ ними. И вотъ есть науки двухъ родовъ. Однѣ имѣютъ предметомъ изученіе явленій духа, другія занимаются фактами физическими.... Очевидно онѣ различаются самою природою ихъ предмета.» (Beclard, *Traité élementaire de phisiologie.)* Это говоритъ одинъ изъ извѣстныхъ представителей науки естествознанія.

Безъ сомнѣнія, нужны твердыя основанія, чтобы допустить, будто явленія сознанія, которыя не могутъ быть ни видимы, ни слышимы, ни взвѣшиваемы, которыя рѣшительно ускользаютъ отъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, — будто эти явленія суть продуктъ, или обнаруженіе другихъ явленій, которыя сказываются глазу, уху, рукѣ. Матеріализмъ не оспариваетъ (и какъ бы онъ сталъ оспаривать?) различія этихъ явленій; но онъ настаиваетъ на ихъ единствѣ. Станемъ на его почву, и будемъ безпристрастно соглашаться съ нашимъ противникомъ во всемъ, въ чемъ онъ дѣйствительно правъ.

Начнемъ съ очерка ученія, которое чрезвычайно послужило интересамъ матеріализма; мы говоримъ о лжеспиритуализмѣ Онъ представляетъ душу живущею своею собственною жизнію,—познающею себя въ себѣ самой, не нуждающеюся въ органахъ. Эту душу, съ такою самобытною и независимою жизнію, онъ помѣщаетъ въ тѣлѣ только для того, чтобъ ей была возможность посредствомъ органовъ чувствъ и членовъ тѣла дѣйствовать на внѣшній міръ и имѣть объ немъ свѣдѣнія. Словомъ, тѣло есть только орудіе души, къ которому она обращается, когда имѣетъ въ немъ нужду. Такое понятіе легко разбивается фактами. Тѣло не есть только орудіе воли, оно есть условіе обнаруженій нашей духовной жизни; всѣ наши способности, чтобъ дѣйствовать, имѣютъ нужду въ органахъ, и находятся подъ ихъ вліяніемъ. Излѣдуемъ этотъ предметъ, — это намъ необходимо.

Прежде всего обратимся къ тѣмъ случайнымъ вліяніямъ, которыя производитъ тѣло на душу. Влейте въ желудокъ извѣстную дозу алкоголя, — человѣкъ пьянѣетъ. Дайте ему опіуму, — онъ засыпаетъ, и всѣ обнаруженія его мысли и воли прекращаются. Умножать подобные примѣры—нечего.

Но душа подвержена еще болѣе значительнымъ вліяніямъ, которыя проистекаютъ не отъ случайныхъ обстоятельствъ, а изъ самого устройства организаціи. Всякій изъ насъ имѣетъ извѣстный темпераментъ, которымъ опредѣляется самый характеръ. Одинъ человѣкъ отъ природы веселъ; другой, тоже отъ природы, склоненъ къ ревности, къ гнѣву. Физіологи говорятъ о темпераментѣ желчномъ, сангвиническомъ... Не будемъ спорить о словахъ, для насъ важенъ фактъ: извѣстное расположеніе тѣла необходимо налагаетъ каждому — не говоримъ то или другое дѣйствіе, но то или другое расположеніе. Этимъ расположеніямъ воля уступаетъ или противится, но расположеніе само въ себѣ остается, какъ неопровержимое свидѣтельство пребывающаго, сокровеннаго, глубокаго дѣйствія нашихъ органовъ на нашу душу. Этого мало. Самый центръ нашей жизни, чувство, которое мы имѣемъ о нашемъ собственномъ существѣ, однимъ словомъ — сознаніе существуетъ ли независимо отъ организма? Напримѣръ, подъ впечатлѣніемъ сильной скорби, иногда просто тяжелаго состоянія, человѣкъ доходитъ до обморока, то-есть теряетъ сознаніе, вслѣдствіе простаго измѣненія въ тѣлѣ. Больному даютъ эфиръ или хлороформъ, и дѣлаютъ ему операцію; онъ пробуждается и спрашиваетъ, начали ли операцію: человѣкъ потерялъ способность видѣть, слышать, чувствовать, отъ того, что нѣкоторыя окопечности его нервной системы приведены были въ соприкосновеніе съ хлороформомъ, или эфиромъ.

Эти факты не подлежатъ сомнѣнію. Напрасно нѣкоторые огорчаются изслѣдованіями физіологіи, какъ будто она можетъ ослабить основу духовнаго порядка, открывая дѣйствіе матеріи на духъ. Это дѣйствіе и безъ того всѣмъ из-

вѣстно и можетъ быть наблюдаемо въ жизни каждодневно. Что же надобно думать о томъ лжеспиритуализмѣ, который представляетъ душу только помѣщенною въ тѣлѣ, которымъ она располагаетъ по своему произволу, *не подчиняясь* его вліянію? Такое ученіе само вызываетъ реакцію и благопріятствуетъ матеріализму. Соединеніе души и тѣла есть соединеніе глубокое, внутреннее. Опредѣленное состояніе органовъ есть условіе дѣятельности нашихъ духовныхъ способностей. Этого нельзя не допускать. Но обратимъ теперь вниманіе на другую сторону вопроса.

Тѣло имѣетъ вліяніе на душу, но и душа дѣйствуетъ на тѣло, управляетъ имъ. Это особенно ясно открывается въ явленіяхъ движенія. Я хочу: моя рука поднимается: я хочу: моя рука опускается. Но это самая малая часть вліянія, какое производитъ наша духовная природа на наши органы. Вотъ человѣкъ совершенно здоровый. Случилось какое-нибудь живое душевное движеніе, чрезмѣрная ли скорбь, особенная ли радость,—мгновенно весь организмъ приходитъ въ дѣйствіе: ускоряется біеніе сердца, текутъ слезы, желудокъ сжимается и теряется аппетитъ. Выражаясь научно, мы сказали бы: обращеніе крови, пищевареніе, отдѣленія нарушены фактомъ моральнаго движенія; организмъ, въ самыхъ внутреннихъ своихъ частяхъ подчинился вліянію чувства, мысли. Предположимъ, что впечатлѣніе произошло тяжелое и не мгновенное; его продолжающееся дѣйствіе разстроиваетъ самое здоровье человѣка. Матеріальныя обстоятельства не измѣнились; между тѣмъ отправленія жизни мало-по-малу ослабѣли; болѣзнь явилась отъ безпокойства, отъ мысли. Есть болѣзни духа, происходящія отъ тѣла; но спросите медиковъ, сколько болѣзней физическихъ, которыя происходятъ отъ нравственныхъ причинъ!

Разсмотримъ теперь одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ фактовъ природы: привычку. Есть привычки, которыя рождаются подъ владычествомъ чувственнаго возбужденія, подчиняющаго себѣ волю: тутъ явленіе начинается въ тѣлѣ. Другія же привычки рождаются при отсутствіи всякаго чувственнаго возбужденія, отъ однѣхъ нравственныхъ причинъ. Руссо замѣтилъ, что плотскія страсти суть далеко не единственная причина развращенія нравовъ, и что суетность создала много распутствъ. Вотъ одинъ изъ множества примѣровъ этого рода. Въ Женевѣ на улицахъ можно встрѣтить 8-лѣтнихъ дѣтей съ сигарами во рту. Неужели возбужденіе слизистой перепонки, желаніе удовлетворить физической потребности влагаетъ свернутый листъ табаку въ ротъ молодаго мальчика? Совсѣмъ нѣтъ. Ему хотѣлось казаться взрослымъ, и для этого онъ побѣдилъ естественное отвращеніе, онъ боролся противъ него съ настойчивостію, достойною лучшаго дѣла; мало-по-малу пришла привычка, и возбужденіе чувствъ стало требовать себѣ удовлетворенія: привычка, выходя изъ причины нравственной, укоренилась въ органахъ. Такъ воля создаетъ въ тѣлѣ потребности, которымъ послѣ рабствуетъ.

Перейдемъ собственно къ нравственнымъ привычкамъ. Есть у насъ склонности, принадлежащія собственно нашей природѣ, которыя соотвѣтствуютъ тому, что мы назвали нашимъ темпераментомъ. Это фактъ физическаго вліянія на нравственность. Но извѣстно, что наши склонности укрѣпляются или ослабляются, смотря по тому, слѣдуемъ ли мы имъ, или боремся съ ними, смотря по тому участію, которое принимаетъ въ этомъ отношеніи нравственная свобода. Такъ гнѣвъ, ревность, кротость, или суровость въ ихъ принципѣ суть факты природы, но они падаютъ въ область

воли. Смотря потому, уступаетъ ли воля склонностямъ, или противится имъ, склонности растутъ или ослабляются. Человѣкъ жесткій не дѣлается мягче чрезъ одинъ актъ своей воли; но можно ли утверждать, что человѣкъ, который уступаетъ влеченію своихъ страстей, и человѣкъ, который борется съ ними и владѣетъ собою—что оба они достигаютъ одного и того же результата?

Какъ мы объяснимъ эти факты? Естественныя склонности ослабляются, или укрѣпляются сообразно съ дѣятельностію воли: что̀ отсюда? То, что постоянная дѣятельность воли можетъ видоизмѣнять жизнь тѣла въ послѣднихъ глубинахъ ея.

Всѣ говорятъ, что лицо есть зеркало нравственныхъ расположеній. Хотя вообще и нельзя судить о людяхъ по лицу, однако въ иныхъ случаяхъ мы невольно говоримъ объ извѣстныхъ физіономіяхъ: вотъ кротость, вотъ свирѣпость, вотъ искренній человѣкъ, вотъ человѣкъ фальшивый! Можетъ-быть, при большихъ успѣхахъ науки, она откроетъ въ самыхъ внутреннихъ частяхъ нашей организаціи матеріальный слѣдъ тѣхъ расположеній, которыя мы думаемъ видѣть вообще на лицѣ человѣка. Еслибъ медицина достигла совершенства, то врачи при вскрытіи труповъ находили бы, можетъ-быть, въ нихъ всю жизнь души, которая одушевляла тѣло,—видѣли бы слѣды и первоначальныхъ, естественныхъ склонностей души, но открыли бы также и продукты самобытной дѣятельности душевной. Кажется, всѣ тайны нашего существованія должны быть начертаны въ нашихъ бренныхъ остаткахъ. Состояніе нашего тѣла, конечно, есть результатъ нашего рожденія, но не менѣе того оно есть также результатъ употребленія нашей воли.

Итакъ тѣло находится въ тѣсномъ единеніи съ душею; но напрасно матеріализмъ думаетъ найдти себѣ точку опо-

ры въ этой неопровержимой истинѣ. Душа и тѣло составляютъ единство нашей личности. Но въ этомъ единствѣ обнаруживаются двѣ различныя силы, способныя къ взаимной борьбѣ. Иногда дѣйствіе происходитъ изъ тѣла, и душа сочувствуетъ или противится, иногда дѣйствіе выходитъ изъ души, и тѣло повинуется или возмущается. Если воля отказывается отъ своихъ правъ, если она уступаетъ всякимъ склонностямъ и даже ненормальностямъ организма, то человѣкъ постепенно низходитъ до чистой животности. Въ болѣзненныхъ состоянiяхъ, тѣлесное разстройство можетъ разстраивать и мысль,—уничтожать на время чувство нравственной отвѣтственности. Проходитъ кризисъ, и духовное начало всецѣло возстановляется, потому что возстановляются необходимыя условія для его правильныхъ обнаруженій; а также—когда тѣло близко къ разрушенію, когда продолжительная болѣзнь приходитъ къ роковой развязкѣ, тогда случается, что душа озаряется необыкновенно живымъ свѣтомъ, какъ будто она уже вошла въ высшую жизнь. Но замѣтьте, тѣло съ нею еще, и состояніе его есть условіе торжества высшей части нашей природы. Не должно спрашивать въ смыслѣ абсолютномъ, гдѣ кончается жизнь тѣла, и гдѣ начинается жизнь души; тутъ нѣтъ ни конца, ни начала. Человѣкъ есть душа и тѣло вмѣстѣ, во всѣхъ состоянiяхъ нашего существованія, подлежащихъ наблюденію. Душа въ чистомъ состоянiи не только никогда не открывается другой душѣ, но никогда не обнаруживается и для самой себя. А тѣло въ чистомъ состоянiи—это не человѣкъ, а трупъ. Но если душа и тѣло, хотя онѣ тѣсно соединены между собою, видимо различны и могутъ вступать въ борьбу, то странно заключать къ такому ихъ единству, въ которомъ уничтожается самостоятельность

высшаго притомъ начала. А таково именно заключеніе матеріализма: оно противорѣчитъ здравому смыслу.

Доселѣ мы старались только провѣрить анализомъ мысли то, что̀ всякому болѣе или менѣе извѣстно изъ непосредственнаго наблюденія. Теперь намъ надобно войдти собственно въ область науки; впрочемъ мы не будемъ прибѣгать къ отвлеченнымъ школьнымъ терминамъ. — Изучая внутреннее единство физическаго и нравственнаго началъ въ человѣкѣ, наука показываетъ, какое именно состояніе тѣла соотвѣтствуетъ явленіямъ мысли и разумѣнія. Она показываетъ, что нервная система есть главный дѣятель жизненныхъ отправленій. Эта система имѣетъ центръ, называемый мозгомъ, и здѣсь пунктъ притока внѣшнихъ впечатленій, и точка отправленія нравстеннаго дѣйствія на органы. Физіологіи еще много предстоитъ труда. Собственно еще неизвѣстно, что̀ бываетъ въ нервныхъ оконечностяхъ, въ длинномъ нервѣ и въ веществѣ мозга, когда мы получаемъ, напримѣръ, впечатлѣніе свѣта или звука. Неизвѣстно также, каково бываетъ состояніе мозга въ минуту, когда воля становится началомъ движенія. Нѣкоторые ученые можетъ быть предвидятъ природу этихъ явленій: но ихъ теоріи—пока еще ихъ личные взгляды, и вполнѣ не признаны еще наукой. Перенесемся нѣсколько лѣтъ, или, пожалуй, вѣковъ впередъ. Допустимъ, что̀ физіологія достигнетъ того, чего она теперь ищетъ — пойметъ и послѣдній фактъ нервной системы, въ ряду впечатлѣній, и первый фактъ — въ ряду дѣйствій воли. Положимъ, это будетъ, сообразно древнимъ теоріямъ, волненіе особенной жидкости, или, сообразно нынѣшнимъ идеямъ — явленіе электрическое или химическое. Пусть можно будетъ сказать: такому-то чувству,

такой-то мысли, такому-то желанію соотвѣтствуютъ такое-то сотрясеніе фибръ, такое-то выдѣленіе электричества, или такое-то соединеніе фосфора. Отъ такихъ научныхъ открытій (предполагаемъ, что они справедливы) улучшится ли положеніе матеріализма? Нисколько. Наука покажетъ до подробностей внутреннюю связь двухъ порядковъ явленій, совершенно различныхъ, и матеріализмъ будетъ заключать: «эти явленія тѣсно соединены между собою, слѣдовательно онѣ одной и той же природы;—то, что называютъ мыслію, чувствомъ, волею, происходитъ подъ условіемъ извѣстнаго состоянія матеріальныхъ органовъ, слѣдовательно все это свойство или продуктъ матеріи». Софизмъ остается тотъ же самый; переходя изъ области общаго смысла въ область науки, онъ нисколько не измѣняется. Вотъ его діалектика: извѣстные два факта совершаются въ гармоніи, во взаимной связи, *слѣдовательно* это не два факта, а одинъ. Попытайтесь сдѣлать нѣсколько приложеній изъ этого силлогизма, и вы увидите его *силу!*

Одинъ медикъ-философъ, Кабанисъ, рѣшился даже сказать: «Мозгъ выдѣляетъ мысль, какъ желудокъ перевариваетъ пищу.» Мозгъ отдѣляетъ мысль! Извѣстно, что называется отдѣленіемъ: это дѣйствіе, посредствомъ котораго желѣза отдѣляетъ изъ массы крови извѣстныя жидкости, необходимыя для отправленія жизни. Когда говорятъ, что желѣза отдѣляетъ жидкость, вы можете видѣть, по крайней мѣрѣ, представить въ воображеніи струю крови, притекающей къ органу, часть которой отдѣляется изъ нея и получаетъ новый видъ и новыя свойства. Это явленіе во всей его цѣлости однородно; оно начинается и оканчивается въ области внѣшняго и чувственнаго наблюденія. Но когда говорятъ, что совершается такое-то физическое или

химическое дѣйствіе, и изъ него выходитъ выдѣленіе умственнаго факта, т. е. справедливой или ложной мысли, добраго или худаго желанія, акта воли,—не чувствуете ли вы, что тутъ столько же злоупотребляютъ словами, какъ и мыслію? Физіологи обработываютъ одну изъ интереснѣйшихъ наукъ; пусть они остаются на своей почвѣ; имъ много труда на ней! Но когда они воображаютъ, что въ ихъ наукѣ дано *рѣшительно все* для объясненія не только матеріальнаго, но и духовнаго начала, тогда они вносятъ только смутность въ объясненіе отношеній физическаго и нравственнаго, переступаютъ предѣлы своей задачи, не измѣняя ея сущности. Обратимся теперь къ философіи.

Мы не будемъ здѣсь приводить доказательствъ существеннаго различія между физическими и нравственными явленіями,—доказательствъ, которыя выходятъ изъ понятія о тѣлѣ, какъ пространственномъ, и о духѣ, какъ недѣлимомъ, а также—изъ понятія о матеріи, какъ безвольной, и о духѣ, какъ началѣ самоопредѣляющемъ. Эти доказательства давно извѣстны. Обратимъ вниманіе на менѣе извѣстныя.

Одинъ изъ источниковъ матеріализма есть смѣшеніе свойствъ тѣлъ, разсматриваемыхъ самихъ въ себѣ и свойствъ ихъ, какъ они являются для чувственно-разумнаго существа. Матерія, говорятъ, производитъ явленія, болѣе высшаго порядка, каковы: свѣтъ, теплота, звукъ: не можетъ ли она на высшей степени организаціи произвести явленія, болѣе возвышенныя: мысль и чувство? Что отвѣчаетъ на это—изученіе природы при помощи новыхъ открытій? Оно говоритъ намъ, что въ обыкновенномъ способѣ пониманія явленій, мы приписываемъ матеріи то, что̀ не принедлижитъ ей; объяснимся.

Что̀ остается отъ звука, если уничтожить ухо? Физики

скажутъ: колебаніе атмосферическаго воздуха. Что остается отъ свѣта и цвѣтовъ, если уничтожить глазъ? Физики скажутъ: колебаніе весьма тонкой жидкости, называемой эфиромъ. Выходитъ, что музыка со всѣмъ ея обаяніемъ, блескъ свѣта, очарованіе цвѣтовъ, все это—только колебанія, т. е. движенія. Между этими движеніями и существами, способными чувствовать и понимать, существуетъ чудная гармонія,—тайна творенія. Но вѣдь внѣ этой гармоніи, высшія свойства матеріи, собственно говоря, не существуютъ. Естественно ли думать, что еслибъ не было одушевленныхъ и чувствующихъ существъ, вселенная выставляла бы свои чудеса и безъ зрителей, и голось творенія восходилъ бы къ небесамъ, никѣмъ не слышимый?. Мыслимо ли это? Не будь уха, не было бы и звуковъ; не будь глаза, не было бы никакого и свѣта. Колебанія эфира продолжались бы и производили бы всѣ ихъ физическія дѣйствія; но того, что мы называемъ свѣтомъ и цвѣтомъ, не было бы. Былъ бы только тысячеколесный механизмъ, безмѣрное движеніе атомовъ, сближающихся и удаляющихся, и больше ничего. Между тѣмъ, въ этомъ-то движеніи матеріи и въ постоянныхъ законахъ, которые управляютъ этимъ движеніемъ, современная наука ищетъ рѣшительнаго объясненія всѣхъ явленій природы. Выходитъ, что совершенно напрасно изъ болѣе тонкихъ свойствъ тѣлъ, думаютъ сдѣлать какъ бы ступени для перехода отъ тѣла къ духу. Матерія владѣетъ этими свойствами, но—подъ какимъ условіемъ? подъ тѣмъ, что есть существа одушевленныя и чувствующія, — сказать бы — дающія ей эти свойства. Послѣ этого говорите, если угодно, что матерія производитъ мысль и волю,—положимъ; но подъ какимъ условіемъ? подъ тѣмъ, что есть существа разумныя и сво-

бодныя. Точно также, какъ есть гармонія между колебаніями воздуха и ощущеніемъ звука, между колебаніями эфира и представленіями цвѣтовъ,—точно также есть гармонія между расположеніями нашего тѣла и состояніями нашей души.

Наконецъ, если съ пріемами науки вопреки общему смыслу, или непосредственному пониманію, и утверждать единство природы человѣческой,—и здѣсь не будетъ торжества для матеріализма. Казалось бы, на что яснѣе идеи, что мы имѣемъ тѣло? Но если изслѣдовать, что̀ такое тѣло само въ себѣ, то мы становимся въ такое затрудненіе, что скорѣе рѣшаемся признать болѣе ясною идею, которую мы имѣемъ о духѣ мыслящемъ, чувствующемъ, желающемъ, нежели идею о матеріи, тѣсно соединенной съ нашимъ существомъ, однако не непосредственно подпадающей взгляду нашего сознанія. Мы обыкновенно думаемъ, что внѣшніе предметы мы знаемъ лучше, чѣмъ насъ самихъ,—тѣло знаемъ лучше, чѣмъ душу; но какъ мы знаемъ тѣла? По впечатлѣніямъ, которыя они производятъ на насъ,—не иначе. Нѣкоторые философы, отправляясь отъ этой мысли, говорили, что мы знаемъ тѣла не иначе, какъ посредствомъ идей, которыя имѣемъ о нихъ, и старались доказывать, что если существованіе этихъ идей абсолютно достовѣрно, то существованіе тѣлъ, соотвѣтствующихъ этимъ идеямъ, еще сомнительно. Но мы не имѣемъ нужды входить въ подобныя отвлеченности.

Обратимся теперь къ свидѣтельству нравственнаго сознанія. Заключеніе матеріализма таково, что воля лишена всякаго начинанія, всякой свободы, и слѣдовательно всякой отвѣтственности, и есть раба органовъ. Это дѣйстви-

тельно важная сторона нашего предмета. Если матеріализмъ имѣетъ основаніе, оно должно быть въ фактѣ всѣхъ нашихъ идей о добрѣ и долгѣ: правило, законъ, обязательство существуютъ только для существа свободнаго. Если же въ насъ есть начало свободы, то матеріализмъ есть заблужденіе по собственнымъ его посылкамъ о непроизвольности всякаго дѣйствія матеріальнаго. Правда, душа очень часто подчиняется закону органовъ. Но вопросъ въ томъ, можно ли утверждать этотъ фактъ, какъ безусловный, и говорить, что иначе никогда не бываетъ и не должно быть? Наше сознаніе уполномочиваетъ ли насъ утверждать, будто никогда и нисколько мы не отвѣтственны за наши дѣйствія? Свидѣтельство нашего сознанія менѣе ли достовѣрно, чѣмъ свидѣтельство нашихъ чувствъ? Особенно, менѣе ли оно достовѣрно, чѣмъ метеріалистическія гипотезы? Въ настоящемъ случаѣ мы ограничимся однимъ примѣромъ; и одного примѣра достаточно, потому что одного свободнаго акта, одного чувства отвѣтственности достаточно для ниспроверженія положеній матеріализма о несвободѣ воли.

Представимъ себѣ человѣка умнаго и добраго, который подчинился сильной страсти,—уступилъ искушеніямъ плоти. Попробуйте убѣдить его, чтобъ онъ не упрекалъ себя въ этомъ, что это есть неизбѣжное слѣдствіе его темперамента. Выясните ему, что, по законамъ физіологіи, онъ не могъ поступить иначе, что глупо идти противъ природы; что ежели онъ хочетъ сокрушаться о своемъ проступкѣ, на такомъ же основаніи ему придется сокрушаться и о томъ, что камень падаетъ къ землѣ, что вода течетъ сверху внизъ. Можетъ-быть этотъ человѣкъ, встрѣчая слишкомъ жесткое осужденіе своего проступка, и радъ былъ

бы въ вашихъ словахъ найдти облегченіе своему состоянію. Но то, что̀ вы ему предлагаете, — грубое оправданіе, основанное на отрицаніи его свободы, не уменьшаетъ, не облегчаетъ тяжести его проступка. Если его сердце еще бьется подъ вліяніемъ какого-нибудь благороднаго чувства, если онъ не отказался отъ своего достоинства нравственнаго существа, онъ не захочетъ стать на степень животнаго, чтобы избѣжать самоосужденія; онъ обратится къ чувству собственнаго достоиства; онъ напомнитъ вамъ, что онъ человѣкъ, что его внутреннія волненія происходятъ отъ сознанія, что онъ могъ противостоять искушенію; онъ отвергнетъ ваши унизительныя оправданія, и захочетъ лучше считать себя виновнымъ, чѣмъ допуститъ унизить себя.

Таковъ голосъ совѣсти. Вмѣстѣ съ общимъ смысломъ, котораго она есть высшее обнаруженіе, совѣсть протестуетъ противъ матеріализма даже у тѣхъ, которые проповѣдуютъ его. Посмотрите на матеріалистовъ на практикѣ. Это особенно ясно выдается у матеріалистовъ-врачей. Какъ они поступаютъ? Они не ограничиваются предписаніемъ лекарствъ, но совѣтуютъ одному больному не бороться слишкомъ съ впечатлѣніями, другому — рекомендуютъ быть бодрымъ, не оставаться наединѣ съ самимъ собою, противиться впечатлѣніямъ, переступающимъ границы правды и разсудка... Что̀ это такое? Комедія у постели больнаго? Кому это, матеріи ли, что ли, даются такіе мудрые совѣты? Нѣтъ, здѣсь матеріалистъ обращается къ разумной и свободной силѣ, которую неизбѣжно предполагаетъ у подобнаго себѣ. Этотъ матеріалистъ — человѣкъ, и еслибы онъ хотѣлъ оставаться послѣдовательнымъ своему ученію, ему нужно было бы передѣлать свой умъ.

Прослѣдимъ теперь выводы матеріализма. Мы не будемъ доказывать, а будемъ слушать исторію.

Ученіе, которое ничего не хочетъ знать, кромѣ тѣлъ, возводитъ всю нравственность къ удовольствіямъ тѣла; и можетъ ли быть иначе? Но вы слыхали объ Эпикурѣ. Эпикуръ, рѣшительный матеріалистъ, вывелъ изъ своей теоріи заключеніе совершенно неожиданное. Умѣренность во всемъ, почти аскетическая добродѣтель были въ его глазахъ предписаніемъ мудрости и условіемъ счастія. Самъ онъ, по всѣмъ свидѣтельствамъ древности, велъ жизнь трезвую, образцовую, но ученики его не устояли на томъ склонѣ, на которомъ удержался учитель,—естественномъ склонѣ матеріализма: распущенность эпикурейцевъ вошла въ пословицу. Теперь примѣръ другаго рода. Назадъ тому почти 2,200 лѣтъ одинъ изъ учениковъ Сократа основалъ школу въ своемъ отечественномъ городѣ Киринеѣ, на берегахъ Африки. Можно сказать, что онъ былъ матеріалистъ; онъ мало занимался вопросомъ о началѣ вещей; но относительно нравственности онъ строже всѣхъ извлекъ слѣдствіе изъ ученія, которое низводитъ человѣка на степень вещества, способнаго къ скорби и удовольствію, являющагося при рожденіи и уничтожающагося съ смертію. Вотъ какъ говорилъ Аристиппъ (имя этого философа): «Удовольствіе есть единственное благо разумнаго существа, потому что удовольствіе есть единственная дѣйствительность. Должно бросить всякіе разсчеты, какихъ не позволяетъ намъ непостоянство жизни. Не надобно лишать себя настоящаго дня радости изъ опасенія, чтобъ она не причинила намъ скорбь завтра. Можетъ-быть, завтра мы умремъ.»—Таково начало киринейской школы; а вотъ конецъ. Нѣкто по имени Гегезіасъ, подъ вліяніемъ началъ этой школы, вывелъ изъ нихъ

такое заключеніе: «Человѣкъ созданъ для удовольствія; но въ жизни онъ встрѣчаетъ чаще скорбь, чѣмъ радость; жизнь печальна и не достигаетъ своей цѣли. Что̀ дѣлать? Лучше всего лишать себя жизни.» Однако профессоръ, вѣрный своей миссіи, лишилъ себя наслажденія самоубійства, чтобъ имѣть возможность убѣждать другихъ къ этому наслажденію....

Матеріализмъ имѣетъ свою нравственность; имѣетъ также и свою политику. Его политика, съ большимъ знаніемъ дѣла, развита англичаниномъ Ѳомою Гоббесомъ. Вотъ какъ онъ разсуждаетъ: «Поелику тѣла суть все, то внѣ тѣлъ и внѣ ихъ свойствъ мысль встрѣчаетъ однѣ химеры, призраки воображенія. Человѣкъ есть живая машина. Сообразно съ впечатлѣніями, которыя отъ внѣшнихъ чувствъ доходятъ до мозга, или отъ мозга до оконечностей органовъ происходитъ рядъ явленій, называемыхъ скорбію или удовольствіемъ: онѣ единственная основа нравственнаго порядка; право, правда, долгъ, порокъ, добродѣтель суть только слова. Основной законъ человѣка — питаться и жить. Какъ образуется общество? Въ состояніи природы царствуетъ существенное равенство; философія объосновываетъ это равенство такъ, что слабѣйшій, въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ убить сильнѣйшаго. Таково первобытное равенство. При немъ нѣтъ ни свободы, ни братства. Состояніе природы есть всеобщая постоянная война, война всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ. Плоды земли, необходимая пища тѣла, даются борьбой, покупаются цѣной побѣды; пища достается сильнѣйшему. Теперь, общій интересъ, интересъ даже сильнѣйшихъ, которые всегда рискуютъ встрѣтиться съ болѣе сильными, чѣмъ они, и даже могутъ быть убиты слабѣйшими, — общій интересъ, *правый разумъ*, какъ гово-

ритъ Гоббесъ, требуетъ мира. Потребность въ мирѣ есть причина существованія общеста. Но какъ достигнуть цѣли, на какомъ основаніи утвердить общественный порядокъ, потому что собственно нѣтъ ни права, ни правды? На основаніи силы. Для опоры общества нужна власть, способная противостоять общимъ похотямъ. Итакъ, необходимо сильное правительство; оно должно властвовать надъ лицами и надъ идеями; оно должно быть всемогуще, его слѣдуетъ считать непогрѣшимымъ. Какъ скоро оно встрѣтитъ противленіе, оно должно дѣйствовать внѣшнею силою, и только сила можетъ спасти общество отъ анархіи, отъ первобытной войны, всегда угрожающей, всегда готовой вспыхнуть».. Что это? ученіе повиновенія закону, или теорія рабства? Страхъ вызываетъ силу, а сила распространяетъ страхъ. — Общество Гоббеса есть общество матеріализма. Оно осуществляется въ той мѣрѣ, какъ развивается исключительное поклоненіе матеріи. Когда право и правда — одни пустыя слова, когда общественное мнѣніе — только капризъ слѣпой толпы, ищущей наслажденія, когда общественная машина работаетъ только подъ вліяніемъ вражды и ненависти, когда общество стремится только къ тому, чтобъ ему не быть вовсе разрушеннымъ; тогда внѣшняя сила неизбѣжно завладѣваетъ обществомъ, и вызывается на это общимъ голосомъ, потому что, какъ справедливо замѣтилъ Гоббесъ, миръ есть одинъ изъ первыхъ общественныхъ интересовъ. Но утверждать такое положеніе вещей, какъ законное, безъ сомнѣнія, значитъ проповѣдывать ужасное ученіе. Такова политика послѣдовательнаго матеріализма; судите о деревѣ по его плодамъ.

Мы заключимъ наше сужденіе о матеріализмѣ напоминаніемъ о Руссо. Въ его жизни не мало заблужденій; въ

его ученіи есть отрицаніе нѣкоторыхъ истинъ самыхъ существенныхъ; при всемъ томъ онъ совершилъ великій подвигъ, какъ писатель. Онъ жилъ въ обществѣ самомъ распущенномъ, гдѣ подъ-часъ потребно было мужество, чтобъ говорить о своей вѣрѣ въ Бога, чтобъ защищать основныя понятія долга. И онъ — утверждалъ бытіе Бога, безсмертіе души, правосудіе въ будущемъ; онъ громко проповѣдывалъ о своемъ уваженіи къ Евангелію. Тогда какъ одни изъ его соотечественниковъ молчаливо держались подъ знаменемъ спиритуализма, этотъ, какъ называли его, потерянный человѣкъ обратился къ Европѣ со всею силою своего краснорѣчія, проводя высокія мысли человѣчества о его назначеніи (*).

(*) Авторъ, читавшій эти статьи въ Женевѣ, имѣлъ особое побужденіе вспомнить о Руссо, какъ женевскомъ гражданинѣ. *Перев.*

ТРЕТЬЕ ЧТЕНІЕ.

Мысли человѣчества.

Голосъ человѣчества есть рѣшительнѣйшее доказательство противъ матеріализма.—Что̀ лежитъ въ основѣ всѣхъ религій?—Греческая миѳологія: «Одиссея» Гомера; «Ифигенія» Еврипида.—Отношеніе древней философіи къ миѳологіи: Сократъ, Цицеронъ.—Основная мысль греко-римской философіи относительно будущей жизни.—Восточное міросозерцаніе: брамінская религія, переселеніе душъ. Буддизмъ—жизнь Будды и его ученіе. Религія Конфуція.—Сліяніе Востока и Запада: Александрійская философія.—Христіанство.

Мы представили много доказательствъ противъ матеріализма, но рѣшительнѣйшее изъ доказательствъ — это голосъ человѣчества. Находясь между колыбелію и гробомъ, человѣкъ всегда устремлялъ свой взоръ за предѣлы этого тѣснаго пространства; онъ всегда чувствовалъ, что тутъ какъ бы недостаетъ ему воздуха, что онъ задыхается въ этой темницѣ. Если же такъ, то не въ правѣ ли мы спросить у матеріалистовъ: «кто же вамъ сказалъ, будто *вся* судьба человѣка заключена между колыбелію и гробомъ? откуда вы узнали, будто рожденіе есть дѣйствительное начало, а смерть — дѣйствительный конецъ?.. Человѣчество всегда имѣло *иныя* вѣрованія, всегда задумывалось и надъ колыбелію дитяти и надъ гробомъ старца, и доселѣ на-

ставаетъ на своихъ вѣрованіяхъ; и наука не открыла ни одного факта, который бы серьезно колебалъ эти вѣрованія».

Въ основѣ всѣхъ религій лежитъ попытка: опредѣлить порядокъ высшій настоящаго порядка вещей; а религіозныя вѣрованія встрѣчаются всюду, гдѣ есть люди, на какой бы степени развитія они ни находились. И вездѣ ставится вопросъ о будущемъ и вездѣ дается на него отвѣтъ, — только этотъ отвѣтъ разнообразится вмѣстѣ съ различными степенями развитія мысли, и носитъ на себѣ слѣдъ той цивилизаціи, среди которой онъ вырабатывается. Для древнихъ, напримѣръ, обитателей сѣверной Европы, воинственныхъ и жестокихъ, блаженство въ будущемъ представлялось подъ варварскою формою: воины, умершіе въ сраженіяхъ, были вводимы во дворецъ Одина, гдѣ они могли пить изъ черепа своихъ враговъ. — Было бы весьма интересно прослѣдить исторію ученія о будущей жизни; предметъ обширный, — мы не намѣрены исчерпать его, сдѣлаемъ только легкій очеркъ, необходимый для нашей цѣли.

Прежде всего обратимъ вниманіе на первые начала греческой цивилизаціи, которая имѣла значительное вліяніе на нашу собственную.

Развернемъ поэмы Гомера; посмотримъ, что̀ въ нихъ говорится о жизни загробной. Герой Улиссъ желаетъ бесѣдовать съ умершими. Своимъ мечемъ онъ копаетъ ровъ и наполняетъ его жертвенною кровью. Повинуясь силѣ таинственнаго заклинанія, приходятъ, однѣ за другими — блѣдныя тѣни, и отвѣдавши черной крови, начинаютъ говорить. Между ними герой узнаетъ свою мать, которую онъ оставилъ живою въ Итакѣ. Онъ спрашиваетъ у нея: какою изъ Паркъ непреклонныхъ въ руки надолго усыпляющей смерти она предана? Тѣнь отвѣчаетъ:

«...Тоска о тебѣ, Одиссей, о твоемъ миролюбномъ
Нравѣ и разумѣ свѣтломъ, до срока мою погубила
Сладостномилую жизнь.»
— «И умолкла она» (повѣствуетъ герой). — «Увлеченный
Сердцемъ, обнять захотѣлъ я отшедшую матери душу;
Три раза руки свои къ ней, любовью стремимый простеръ я,
Три раза между руками моими она проскользнула
Тѣнью или сонной мечтой, изъ меня вырывая стенанье.
Ей наконецъ, сокрушенный, я бросилъ крылатое слово:
Милая мать, для чего, изъ объятій моихъ убѣгая,
Мнѣ запрещаешь въ жилищѣ Аида прижаться къ родному
Сердцу и скорбною сладостью плача съ тобой подѣлиться?
Иль Персефона могучая вмѣсто тебя мнѣ прислала
Призракъ пустой, чтобъ мое усугубить великое горе?
Такъ говорилъ я; мнѣ мать благородная такъ отвѣчала:
Милый мой сынъ, злополучнѣйшій между людьми...
Такова ужь судьбина всѣхъ мертвыхъ, разставшихся съ
жизнью.
Крѣпкія жилы уже не связуютъ ни мышцъ, ни костей ихъ;
Вдругъ истребляетъ пронзительной силой огонь погре-
бальный
Все, лишь горячая жизнь охладѣлыя кости покинетъ:
Вовсе тогда, улетѣвши какъ сонъ, ихъ душа исчезаетъ.
Ты же на радостный свѣтъ поспѣши возвратиться!...»

— Послѣ своей матери, Улиссъ видитъ мужественнаго Ахиллеса и привѣтствуетъ его такими словами:

«О Ахиллесъ, сынъ Пеллеевъ.....
Ты между людьми и минувшихъ временъ и грядущихъ
былъ счастіемъ
Первый; живаго тебя мы какъ бога безсмертнаго чтили;

Здѣсь же, надъ мертвыми царствуя, столь же великъ ты
какъ въ жизни
Нѣкогда былъ, не роптщи же на смерть, Ахиллесъ бого-
равный.»

— Герой отвѣчалъ, тяжко вздыхая:

«О Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся;
Лучше бъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, работая въ
полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущ-
ный,
Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать,
мертвый.
Ты же о сынѣ извѣстіемъ душу теперь мнѣ порадуй.
Былъ ли въ сраженьи мой сынъ? Впереди ли у всѣхъ
онъ сражался?»

— Улиссъ разсказалъ о высокихъ подвигахъ Неоптолема. Выслушавъ разсказъ,

...«Душа Ахиллесова съ гордой осанкой
Шагомъ широкимъ, по ровному Асфолидонскому лугу
Тихо пошла, веселяся великою славою сына» (*).

Легко привести много подобныхъ мѣстъ. Въ поэмахъ Гомера, въ мысли древнихъ грековъ есть будущее для души; только это будущее представляется не болѣе, какъ печальнымъ, грустнымъ продолженіемъ настоящей жизни; умершіе интересуются тѣмъ, что происходитъ подъ солнцемъ. Земная жизнь прекрасна; блескъ свѣта радостенъ, а въ царствѣ усопшихъ — мракъ. Обитатели этого плачевнаго царства устремляются своими взорами къ странѣ живыхъ, какъ узникъ — къ окошку, чрезъ которое проходитъ въ его тем-

(*) *Одиссея*, Пѣснь XI, переводъ *Жуковскаго*.

ницу слабый лучъ свѣта.—Тѣ же самыя чувствованія позднѣе выражаетъ «Ифигенія» Еврипида. Она умоляетъ отца не приносить ее въ жертву: «Не дай мнѣ умереть прежде времени, потому что сладко видѣть свѣтъ; не посылай меня насильно въ подземное царство мертвыхъ. Я первая назвала тебя моимъ отцемъ, и ты меня первую назвалъ своею дочерью; ты меня первую принялъ на свои колѣни, ты отъ меня, я отъ тебя — мы видѣли взаимныя ласки.... отецъ мой, взгляни на меня, поцѣлуй меня, — пусть я, умирая, унесу хоть этотъ залогъ отъ тебя, если ты остаешься безчувственнымъ къ моимъ мольбамъ... Одно, послѣднее, самое сильное слово: ничего нѣтъ сладостнѣе для смертныхъ, какъ видѣть свѣтъ!.. Жить хотя несчастно лучше, чѣмъ умереть хотя и со славою.»

Впрочемъ такой смутный и грустный взгладъ на будущее, какой мы находимъ въ поэмахъ Гомера, мало-по-малу окрашивается, проходя сквозь призму греческаго воображенія. Будущій міръ одушевляется, — населяется героями, сдѣлавшимися богами. Философскія мысли, отвлеченныя идеи, тѣ или другія представленія аллегорически олицетворяются въ личностяхъ, полныхъ жизни и движенія. Безъ сомнѣнія, такой шагъ въ нѣкоторомъ отношеніи есть неоспоримый шагъ впередъ въ пониманіи будушей жизни; но онъ имѣлъ и плачевныя слѣдствія. По мѣрѣ того, какъ будущій міръ одушевлялся, въ него переводили цѣликомъ всю настоящую жизнь со всѣми ея страстями, удовольствіями и пороками.

Вліяніе подобной религіи, безъ сомнѣнія, было вредно. Положимъ, чувство богопоклоненія, по самой природѣ своей, таково, что въ извѣстной степени оно обезпечиваетъ права нравственнаго порядка, даже тогда, когда предметы

поклоненія сами въ себѣ недостойны его. И потому безнравственныя божества Олимпа не производили на своихъ обожателей всего того вреднаго вліянія, какое можно представить себѣ. Нельзя не допустить, что не всѣ же женщины, обожавшія безстыдную Венеру, слѣдовали примѣру этой богини, и т. п. Однако поощреніе безнравственности со стороны идолопоклонства—неоспоримый фактъ. На это жаловались самые мудрецы языческіе. Исторія показываетъ намъ что греческая религія, — вслѣдствіе ли собственнаго ея развитія, или — восточнаго на нее вліянія, наложила самыя темныя, неизгладимыя пятна на конецъ древней цивилизаціи.

Миѳологія была религіею массы. Какъ относились къ ней мудрецы языческаго міра? Они не раздѣляютъ ея грубыхъ заблужденій; рядомъ съ религіозными ученіями, они кладутъ начало свободнымъ философскимъ изысканіямъ. Разумъ отвергаетъ боговъ, имѣющихъ человѣческія страсти. «Ахъ, говоритъ одинъ философъ, если бы львы и быки умѣли рисовать, они изображали бы боговъ съ львиными и бычьями головами» *(Ксенофанъ Колофонскій)*. Въ одномъ изъ разговоровъ Платона сохранился примѣръ благороднаго протеста совѣсти противъ пороковъ Олимпа *(Евтифронъ)*. Такимъ образомъ духъ человѣческій, просвѣтленный пониманіемъ, свидѣтельствовалъ, что грубое идолопоклонство не могло удовлетворить его законныхъ потребностей. Какъ же философы разсуждали о будущемъ!—Возьмемъ древнюю мысль въ высшемъ ея развитіи. Въ разговорѣ *Федонъ*, Сократъ излагаетъ и защищаетъ положеніе, что человѣкъ въ преходящей оболочкѣ тѣла носитъ начало божественное. Сначала Сократъ опредѣляетъ, что̀ такое смерть, и, сог-

ласно съ общимъ убѣжденіемъ, почитаетъ ее отрѣшеніемъ души отъ тѣла. Потомъ, изслѣдываетъ отличительныя черты истиннаго философа и находитъ, что достойный своего имени мудрецъ, стараясь уразумѣть истину, во всю свою жизнь болѣе и болѣе отрѣшается отъ тѣла, ибо тѣло своими чувствами закрываетъ отъ него истину, и, требуя заботливости о себѣ, отвлекаетъ его отъ разумѣнія; безъ истины же и разумѣнія не возможна никакая добродѣтель. Далѣе, Сократъ умозаключаетъ слѣд. образомъ: «Не это ли, не отрѣшеніе ли души отъ тѣла называется смертію?... Занятіе философа въ томъ и состоитъ, чтобъ отрѣшать душу отъ тѣла; поэтому ему понятно, что̀ такое смерть. Поэтому я, готовясь умереть, оставляя друзей, не жалуюсь и не скорблю; я надѣюсь, что и тамъ не менѣе, чѣмъ здѣсь, встрѣчусь съ добрыми друзьями.» Подробно объяснивши своимъ ученикамъ надежды безсмертія, онъ прибавляетъ: «Такъ вотъ по̀ этимъ-то, сейчасъ раскрытымъ нами, причинамъ надобно употребить всѣ способы, чтобъ быть въ жизни добродѣтельнымъ и разумнымъ: хороша вѣдь награда и велика надежда... Вѣрить въ то, при явномъ безсмертіи души, и можно и должно рѣшиться: ибо эта рѣшимость прекрасна, и ею надобно какъ бы обаять себя.» Надобно читать *Федона* вполнѣ, чтобъ видѣть, съ какою надеждою на безсмертіе и съ какимъ спокойнымъ ожиданіемъ лучшаго будущаго говоритъ Сократъ, стараясь перелить свое убѣжденіе въ скорбныя души друзей, собравшихся вокругъ него на послѣднюю бесѣду (*).

Слѣды тѣхъ же самыхъ воззрѣній можно видѣть у пи-

(*) *Федона* въ прекрасномъ русскомъ переводѣ можно читать въ *Пропилеяхъ*.

сателей, позднѣйшихъ Платона, великаго ученика Сократова. Вотъ страница изъ Цицерона, часто приводимая, и извѣстная подъ именемъ *Сна Сципіона*. Сципіонъ является своему меньшому сыну, и перенося его въ звѣздныя страны, говоритъ ему: «Для возбужденія къ добродѣтели, помни, что на небѣ есть мѣсто, назначенное праведному человѣку. То, что называютъ жизнію на землѣ, это—смерть. Собственно жизнь—въ вѣчной обители душъ, и этой обители достигаютъ только святостію, благочестіемъ, правдою, почтеніемъ къ своимъ родителямъ и преданностію къ отечеству. Не давай цѣны наградамъ земнымъ. Посмотри отсюда, какъ мала земля, какъ самыя обширныя царства занимаютъ мало мѣста на этомъ шарѣ. Сколько пустынь и морей раздѣляютъ народы одни отъ другихъ. Какой же тутъ предметъ для нашихъ исканій? Римляне переступали ли когда горы Кавказа, или потоки Ганга? Сколько народовъ на востокѣ, на западѣ, на югѣ, на сѣверѣ, которые никогда не услышатъ рѣчи африканца? И тѣ, которые теперь въ сношеніяхъ съ нимъ, надолго ли останутся въ этихъ сношеніяхъ? Они умрутъ... Въ паденіи царствъ, въ этихъ великихъ переворотахъ, къ которымъ приводитъ время, память объ насъ погибнетъ безъ возврата... О, сынъ мой! Старайся помышлять только о божественныхъ святилищахъ, гдѣ ты теперь слышишь чудную гармонію міровъ; стремись только къ этимъ вѣчнымъ храмамъ, приготовленнымъ для великихъ душъ и для тѣхъ высокихъ умовъ, которые въ продолженіе своей жизни пріучаются къ созерцанію вещей небесныхъ». *(De republica, Книга VI.)*

Вотъ подлинно высокія мысли и ясныя выраженія надеждъ на будущее, свойственныя душѣ человѣческой. Впрочемъ мы не спѣшимъ заключеніемъ. Нельзя судить о древней фи-

лософіи по отрывкамъ, нарочно выбранымъ, которыхъ значеніе легко преувеличить подъ вліяніемъ собственныхъ мыслей. Постараемся опредѣлить основную мысль греко-римской философіи по вопросу о будущей жизни.

Возвратимся къ Федону. По общему признанію, это—самый полный и самый лучшій изъ памятниковъ, содержащихъ собственно философское ученіе о безсмертіи. За объясненіемъ смысла и значенія этого памятника, мы обратимся не къ апологету религіи, но къ представителю философіи. Кузень раздѣляетъ Федона на двѣ части. Въ первой, говоритъ онъ, проводится мысль о неразрушимости умственнаго начала: душа не одной и той же природы съ тѣломъ; въ ней нѣтъ ничего на долю смерти. Но ученіе о нематеріальности души не есть еще ученіе о личномъ безсмертіи и о будущемъ воздаяніи: не рѣдко и пантеизмъ тоже признаетъ различіе тѣла и духа, однако онъ отрицаетъ будущую жизнь, въ нравственномъ и религіозномъ смыслѣ этого слова. Вопросъ о безсмертіи и о будущемъ воздаяніи ставится во второй части Федона. Здѣсь Сократъ обращается къ религіознымъ преданіямъ: онъ допускаетъ ихъ въ ихъ основѣ. «Слишкомъ просвѣщенный, — говоритъ Кузенъ о Сократѣ, — чтобъ безусловно принимать всѣ народныя аллегоріи, онъ однакоже и не отвергаетъ ихъ всецѣло; на лицѣ добраго и умнаго старца какъ бы видится выраженіе и сомнѣнія и вмѣстѣ надежды». Надобно замѣтить, что Кузенъ допускаетъ такое состояніе мысли, какъ законный результатъ вообще философіи. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Философія показываетъ, что въ человѣкѣ есть негибнущее начало; но что это начало является и въ другомъ мірѣ съ тѣми же силами и законами какъ и въ здѣшнемъ мірѣ, — что оно *несетъ съ собою послѣдствія добрыхъ и худыхъ дѣлъ*,

совершенныхъ здѣсь.... это — высшая вѣроятность, которая можетъ-быть ускользаетъ отъ строгаго доказыванія, но утверждается и освящается тайнымъ голосомъ сердца каждаго человѣка, и всеобщимъ согласіемъ народовъ.» *(Сочиненія Платона, переведен. Кузеномъ*, стран. 178, 179.)

Вопросъ о личномъ безсмертіи, въ общемъ вопросѣ о будущей жизни, есть единственный вопросъ, имѣющій нравственное и религіозное значеніе. Собственно логическое доказываніе не можетъ рѣшить этого вопроса *абсолютнымъ* образомъ: таково признаніе Кузена. Исторія показываетъ, что греческая философія въ этомъ отношеніи останавливается въ положеніи сомнѣнія, смѣшаннаго съ надеждой. Вотъ что говоритъ Сократъ своимъ судьямъ: «Знайте, что смерть собственно не есть зло, ибо одно изъ двухъ: или добро состоитъ въ полномъ уничтоженіи, безпробудномъ снѣ, и тогда смерть есть добро; или добро состоитъ въ лучшемъ состояніи, чѣмъ каково настоящее наше состояніе, и тогда выходъ изъ этой жизни есть добро по преимуществу.» *(Апологія Сократа.)*

Элементъ сомнѣнія, лежащій въ основѣ древней мысли, не позволялъ и религіи стать прочною основою нравственнаго порядка. Сомнительной надежды мало для того, чтобъ направлять настоящую жизнь въ цѣляхъ будущей, чтобы жертвовать временными удовольствіями вѣчнымъ радостямъ, чтобы противиться влеченію похотей и страстей. Нравственность мудрецовъ язычества не лишена чистыхъ сторонъ потому, что совѣсть есть несокрушимая дѣйствительность; ихъ нравственность иногда окрашивается отблескомъ религіозной мысли; но эта нравственность все-таки разсчитана въ цѣляхъ земныхъ. Религія украшаетъ ее, но не проникаетъ. Это — житейское благоразуміе, которое смо-

тритъ только на настоящее, а на отдаленное будущее едва бросаетъ бѣглый взглядъ.

Мы разсматривали древнюю философію въ самый цвѣтущій ея періодъ. Съ дальнѣйшимъ ходомъ греческой цивилизиціи, философія все болѣе только колебала миѳологическія вѣрованія, не полагая основанія инымъ вѣрованіямъ, инымъ чаяніямъ. Философы не заботились проводить свои воззрѣнія въ массу; и не думали объ этомъ. Такимъ образомъ послѣ эпохи Сократа и Платона, духовныя истины — не то чтобъ не развивались, онѣ—просто изглаждались Въ религіи какъ и въ философіи, въ храмахъ какъ и въ школахъ, мы видимъ не укрѣпленіе вѣрованія, но распространеніе духа сомнѣнія и невѣрія, чѣмъ и отличается послѣдній періодъ древности. Общее расположеніе умовъ стало какъ бы противъ всякаго положительнаго убѣжденія. Объ этомъ можно читать у Плинія старшаго. Въ потребности жизни нескончаемой, въ потребности глубоко сердечной онъ видитъ пустую претензію и высказываетъ это въ слѣдующихъ словахъ, полныхъ грустнаго краснорѣчія: «Человѣческая природа фальшива, въ ней соединяется крайняя нищета съ безмѣрною гордостію.»

Оставимъ теперь греко-римскій міръ, и обратимся къ отдаленному Востоку.

Отдаленный Востокъ развивался самобытно и донынѣ остается какъ бы продолженіемъ древности среди новыхъ временъ. Въ обширныхъ пространствахъ Индіи, Тибета и Китая, религіозный элементъ рѣзко выдается. Взорамъ путешественника повсюду представляются храмы и толпы путешествующихъ монаховъ.

Самый древній изъ культовъ Азіи — это культъ браман-

скій, въ Индіи. Эта религія, доселѣ считающая около 60 милліоновъ своихъ послѣдователей, отвѣчаетъ на вопросъ о будущемъ такъ: «Добрые, тотчасъ по совлеченіи смертнаго тѣла, бываютъ ведомы прекрасными путями, подъ тѣнію благовонныхъ деревъ, по берегамъ источниковъ, покрытыхъ лотосомъ; на всемъ этомъ пріятномъ пути, на нихъ дождемъ падаютъ цвѣты, въ воздухѣ раздаются веселые гимны. Напротивъ, злые бываютъ ведомы тѣсными и мрачными стезями по жгучимъ пескамъ, каменистымъ утесамъ, нагіе, томимые жаждою, покрытые кровію и ранами, подъ дождемъ горячаго пепла и угольевъ; имъ встрѣчаются страшныя привидѣнія, которыя наполняютъ воздухъ раздирающими криками и воплями.» (*Законы Ману,* XII, 58.) Изъ этихъ двухъ путей одинъ ведетъ къ блаженству, а другой къ будущимъ мученіямъ.

Вотъ адъ и рай, будущій міръ и будущее воздаяніе. Здѣсь впрочемъ только одна сторона индійской мысли, не самая главная. Послѣднее слово брамаизма состоитъ въ слѣдующемъ: «Цѣлая вселенная есть зрѣлище постояннаго движенія, въ силу котораго души находятся въ состояніяхъ самыхъ различныхъ. Однѣ и тѣ же души преемственно обитаютъ въ тѣлахъ людей, животныхъ, растеній, или достигаютъ степени высшихъ духовъ, — степени существованія болѣе высокаго, чѣмъ земное. Онѣ восходятъ или нисходятъ по этой лѣстницѣ, смотря потому, что̀ заслужили своимъ поведеніемъ. Но въ концѣ этого развитія, по времени, которое надобно считать тысячами лѣтъ, всѣ души погружаются въ *начало* міра, которое одно пребываетъ въ безпредѣльности своего одинокаго величія. Потомъ начинается новое развитіе; отдѣльныя существа являются на время, и снова погружаются въ великое цѣлое.»

Это ученіе было весьма распространено въ древности. Оно встрѣчается въ Египтѣ; его слѣды видны и въ Греціи, гдѣ оно получило названіе *Метемпсихоса* (переселенія душъ). Попытаемся опредѣлить смыслъ этого ученія, какъ оно является въ Индіи. Вотъ что̀ лежитъ въ основѣ браманской мудрости: «Движеніе составляющее жизнь,—переходъ душъ изъ одной формы въ другую есть зло. Будущія мученія, конечно, зло, но и будущее блаженство есть зло, хотя меньшее, потому что жизнь сама въ себѣ, отдѣльная жизнь не есть благо. Цѣль стремленія разумнаго творенія состоитъ въ томъ, чтобъ выдти изъ круга превращеній, и придти къ совершенному поглощенію въ Богѣ, войдти въ великое цѣлое, потерять чувство, личность, сознаніе, жизнь, чтобъ сдѣлаться сразу свободнымъ отъ всѣхъ превратностей существованія.» Съ этой точки зрѣнія міръ есть безпредѣльное чистилище; рай есть прекращеніе движенія, сознанія, разрушеніе личной жизни: такова основная мысль браманской религіи.

Въ этой религіи почти за 700 лѣтъ до нашей эры образовалась отдѣльная секта, извѣстная подъ именемъ буддизма. Ея основатель былъ Сакіямуни, прозванный Буддою, т. е. мудрымъ. Мы остановимся на нѣкоторыхъ біографическихъ подробностяхъ; потому что ученіе Будды тѣсно связано съ его жизнію.

Сакіямуни былъ царскій сынъ. Однажды онъ съ большою свитою отправился восточными воротами города къ саду Лумбини,—съ этимъ мѣстомъ связывались всѣ воспоминанія его дѣтства; и на дорогѣ встрѣтилъ дряхлаго старика,—всѣ члены его дрожали, онъ весь склонился на свой посохъ, и издавалъ хриплые, непріятные звуки. «Что это за человѣкъ, спросилъ принцъ у своего возницы,—обезсилен-

ный, съ побѣлѣвшею головою, съ дрожащими зубами, изсохшимъ тѣломъ,—опираясь на посохъ онъ едва идетъ, спотыкается на каждомъ шагу: особенное ли это состояніе его рода, или это законъ всѣхъ тварей міра?»—Государь, отвѣчалъ возница, этотъ человѣкъ удрученъ старостію; всѣ чувства его ослабѣли; страданіе разрушило его силы; онъ презираемъ своими ближними; его оставили, какъ засохшее дерево въ лѣсу. Это не какое-либо особенное состояніе его рода. Во всякомъ твореніи молодость побѣждается старостію; нѣтъ другаго выхода для тварей. «Итакъ, сказалъ принцъ, неразумное и слабое твореніе напрасно гордится молодостію, не видя старости, ожидающей его. Верни назадъ колесницу. Я, котораго также ожидаетъ старость, не хочу больше удовольствій и радостей.» И молодой принцъ вернулся въ городъ, не посѣтивъ Лумбини.

Подобныя сцены повторяются. Сакіямуни встрѣчаетъ то больнаго, то мертвеца, и полный скорби возвращается въ городъ, откуда выходилъ было искать развлеченія и удовольствій. Послѣдняя встрѣча рѣшаетъ его участь. Однажды онъ встрѣчаетъ человѣка, посвятившаго себя всѣмъ строгостямъ религіозной жизни, и рѣшается подражать ему. Царь противится, но напрасно. «Государь, говоритъ ему сынъ, не препятствуй мнѣ, и не скорби.» Отецъ съ полными слезъ глазами говоритъ ему: «что мнѣ сдѣлать, чтобъ ты перемѣнилъ свое намѣреніе? я готовъ исполнить всякое твое желаніе: меня самого, дворецъ, рабовъ, царство,—бери все.»—«Государь, отвѣчаетъ принцъ, я желаю четырехъ вещей; дай мнѣ ихъ. Если ты можешь мнѣ ихъ дать я останусь съ тобою: Пусть никогда не придетъ ко мнѣ старость; Пусть навсегда останусь я юнымъ; Пусть никакая болѣзнь никогда не касается моего тѣла; Пусть моя

жизнь будетъ безъ границъ и безъ упадка силъ.»—Выслушавши это, царь былъ пораженъ скорбію. «О, сынъ мой, воскликнулъ онъ, ты просишь невозможнаго, я не въ силахъ тебѣ дать этого.»—«Государь, отвѣчалъ юноша, если ты не можешь мнѣ дать этихъ главныхъ четырехъ вещей, дай мнѣ по крайней мѣрѣ вотъ что: Пусть, разставшись съ здѣшнею жизнію, я буду избавленъ отъ превратностей *переселенія*.»

Царь хотѣлъ воспрепятствовать своему сыну силою. Сакіямуни, объятый мыслію: освободить человѣчество отъ его золъ,—внезапно оставляетъ дворецъ и городъ, одѣвается въ одежду нищаго, ходитъ по міру и живетъ въ самомъ строгомъ лишеніи всякихъ удовольствій, въ самомъ строгомъ воздержаніи. Послѣ многихъ лѣтъ поста и подвиговъ его осіяваетъ свѣтъ, и онъ чувствуетъ себя *освободителемъ* міра. Онъ проповѣдуетъ свое ученіе нѣсколькимъ ученикамъ; ученики передаютъ его другимъ, и проповѣдь распространяется (*)

Ученіе Будды было поводомъ къ жестокимъ войнамъ. Рѣками крови оно распространилось и за Индію. Въ настоящее время въ Монголіи, Тибетѣ и Китаѣ буддизмъ считаетъ по крайней мѣрѣ 300 милліоновъ своихъ послѣдователей. Посмотримъ въ чемъ состоитъ это ученіе.

Будда всецѣло отдался своему призванію освободителя. Въ странѣ кастъ онъ провозглашаетъ слово «благоволеніе ко всѣмъ», какъ онъ высказался однажды въ своихъ рѣчахъ къ гордымъ браминамъ, которые смѣялись надъ нимъ потому, что онъ заботился обратить одного нищаго. Безъ сомнѣнія, мысль о религіозномъ равенствѣ была одною изъ

(*) *Le Boudda*, par M. Barthelemy Saint-Hilaire, стр. 12 и слѣд.

тайнъ его могущества. Но что это за «благоволеніе», которое онъ проповѣдывалъ? Что за «освобожденіе«, которое онъ обѣщалъ? Зрѣлище болѣзни, старости и смерти было началомъ его призванія. Жизнь печальна, жизнь есть зло, — разсуждалъ онъ. Корень всѣхъ золъ есть желаніе, потому что желаніе счастія обманчиво. Итакъ, освобожденіе состоитъ въ отрицаніи всякаго желанія; высшая цѣль мудраго—придти въ такое состояніе, которое на священномъ языкѣ буддистовъ называется *Нирвана*. Это слово, заботливо изучаемое европейскими учеными, по однимъ означаетъ полнѣйшее ничтожество, по другимъ — уничтоженіе личности.—Желаніе есть основное обнаруженіе жизни. Пока мы будемъ жить, мы будемъ желать блаженства, исканіе котораго есть обольщеніе. Въ другихъ формахъ существованія насъ ожидаютъ другія обольщенія. Только въ уничтоженіи—миръ; чтобъ избавиться отъ несчастія, надобно перестать существовать, надобно войдти въ *Нирвана*. Мы приведемъ собственныя слова одного знаменитаго ученаго, который спеціяльно изучилъ буддизмъ: «чаяніе, которое Сакіямуни принесъ людямъ, говоритъ Бюрнуфъ.—это возможность избѣжать закона *переселенія* чрезъ достиженіе того, что́ называется Нирвана, т. е. уничтоженія.» (*Введеніе въ истор. Буддизма*, стр. 153.)

Нельзя сказать, чтобъ эти грустныя мысли буддизма были сознательнымъ достояніемъ всѣхъ 300 милліоновъ буддистовъ. Мысль о будущемъ воздаяніи, безъ сомнѣнія, составляетъ народную сторону ученія: буддизмъ сохраняетъ браманскую идею о переселеніи душъ, награждаемыхъ или наказываемыхъ въ различныхъ мѣстахъ, какія имъ назначаются сообразно съ ихъ заслугами, въ чиноначаліи вселенной. Но желаніе мудреца, образованнаго въ школѣ Сакія-

муни, есть именно то, какое самъ Сакіямуни выразилъ своему отцу, и которое составляетъ точку отправленія и ключъ его теоріи,—это желаніе избѣгнуть переселенія, т. е. избѣгнуть движенія жизни. За тѣсными предѣлами настоящаго существованія есть будущее, на этомъ можетъ остановиться обыкновенная мысль; но существованіе отдѣльное, относительно хотя и блаженное, все еще есть страданіе; освобожденіе отъ всякаго зла достигается только прекращеніемъ жизни: вотъ основаніе ученія.

Религія Будды проникла въ Китай, и сдѣлалась достояніемъ народа, тогда какъ ученые, образованные, *мандарины*—какъ ихъ называютъ—исповѣдуютъ религію, которой Конфуцій былъ не основателемъ, а реформаторомъ. Конфуцій былъ философъ, но ему воздаютъ почести богопоклоненія. Онъ думалъ преобразовать общество помимо мыслей о будущемъ, не отыскивая точки опоры внѣ земли. Утверждали, будто Конфуцій повредилъ ученіе, котораго онъ былъ продолжателемъ; обвиняли, будто, дѣлая новое изданіе священныхъ книгъ, онъ исключилъ изъ нихъ древнія ученія. бывшія въ первоначальномъ текстѣ. Но едва ли можно предположить, чтобъ человѣкъ умный, каковъ бы ни былъ его авторитетъ, рѣшился уничтожить въ народной религіи надежду на лучшую загробную жизнь. Безъ сомнѣнія, это невозможно. Въ докательство мы приведемъ тѣ слова изъ сочиненія современника Конфуціева, которыя обыкновенно приводятъ, какъ остатокъ ученія, будто поврежденнаго Конфуціемъ.

«Когда Му-чо находился въ царствѣ Тзинъ, ему на встрѣчу вышелъ Фанъ, и спросилъ: «У людей древности была пословица: *люди умираютъ, но не погибаютъ всецѣло:* какой смыслъ этой пословицы?» Му-чо еще не успѣлъ отвѣтить,

а Фанъ сказалъ: «Видишь-что, — предки наши предшествовали временамъ Шенъ, и были изъ фамиліи Яо... не о продолжаемости ли фамилій говоритъ пословица?» — Му-чо сказалъ: «Моя мысль объ отомъ совершенно различна отъ того, что̀ ты называешь продолжаемостью фамилій. Въ царствѣ Лу въ древности былъ министръ, который говаривалъ: когда умеръ Тзянгъ, о немъ говорили, что онъ всегда существовалъ, т. е., что его добрыя наставленія перешли и въ будущіе вѣка. — Не такъ ли надобно объяснять пословицу? Я такъ ее понимаю. Добродѣтели святыхъ пребываютъ безконечно. Заслуги мудрыхъ тоже пребываютъ безконечно. Ихъ потомки передаютъ ихъ слова будущимъ поколѣніямъ. Хотя тѣ и другіе и третьи живутъ только извѣстное время, однако объ нихъ говорятъ, что они не погибаютъ совсѣмъ. Вотъ что̀ значитъ выраженіе: *не погибать совсѣмъ*» (*).

Итакъ безсмертіе мудраго, это — его полезныя мысли, или добрыя дѣла. Авторъ перевода, изъ котораго мы заимствовали приведенное мѣсто, утверждаетъ, что въ цѣлой книгѣ, откуда взято оно, нѣтъ намека на будущую жизнь; даже и предположительно не выражается мысли, что отдѣльное лицо можетъ имѣть въ самомъ себѣ начало безсмертнаго существованія. «Ничто не переживаетъ въ человѣкѣ, кромѣ его дѣлъ, которыя остаются человѣчеству».

Къ удивленію, тѣ же самыя мысли мы встрѣчаемъ у одного нашего современника, славящагося своею ученостію, извѣстнаго также своимъ антагонизмомъ Христіанству: «Я утверждаю, говоритъ онъ, что тотъ, чей выборъ падаетъ на добро, тотъ истинно мудрый. Онъ будетъ безсмертенъ,

---

(*) *Dictionnaire des sciences philosophiques*, статья о *Конфуціи*

потому что его дѣла будутъ жить въ полномъ торжествѣ правды..... А человѣкъ злой, глупый, легкомысленный — весь умретъ, потому что у него не останется ничего въ общемъ итогѣ его трудовъ... Только дѣла человѣка геніяльнаго и добраго ускользаютъ отъ всеобщаго ветшанія; они одни составляютъ негибнущее пріобрѣтеніе, ихъ плоды постепенно растутъ, хотя бы неблагодарное человѣчество и забыло ихъ. Ничто не теряется.» (*Введеніе въ книгу Іова*, стр. 90, 91.) Это слова Ренана. Такую-то теорію безсмертія этотъ прославленный ученый выдаетъ намъ будто за новое ученіе. Конечно, въ томъ еще нѣтъ бѣды, что теорія стара; но если мы находимъ ее въ твореніяхъ, извѣстныхъ болѣе 2000 лѣтъ назадъ, то справедливо настаивать именно на томъ, чтобъ никто не принималъ ее за произведеніе современнаго ума, за одну изъ послѣднихъ новостей человѣческаго духа.

Итакъ въ основѣ восточныхъ религій лежитъ мысль, что существованіе есть зло, и надобно скорѣе выходить изъ такого состоянія. Этотъ отчаянный взглядъ, это стремленіе къ ничтожеству, безъ сомнѣнія, не представляется раздѣльнымъ въ народномъ вѣрованіи: мы замѣтили это о буддизмѣ; повторяемъ это и вообще относительно восточныхъ религій. Еслибы допустить будто болѣе 400,000,000 намъ подобныхъ исповѣдуютъ столь страшное ученіе, тогда нельзя бы и утверждать, что въ глубинѣ человѣческой души есть инстинктъ безсмертія. Въ религіяхъ народовъ Азіи не мало и такихъ легендъ и аллегорій, въ которыхъ преобладаетъ идея жизни. Если въ нихъ и есть своего рода матеріализмъ, то болѣе обычныя стремленія ихъ духа — представлять матерію только видимостію, тѣло — призракомъ. Тѣсное пространство между колыбелію и гробомъ далеко

не удовлетворяетъ ихъ; ихъ воображеніе вращается въ безконечныхъ областяхъ міра божественнаго; въ этомъ отношеніи они подходятъ подъ общій законъ. Но идея, которая естественно отдѣляется изъ ихъ вѣрованій, которая добывается мышленіемъ изъ глубины ихъ символовъ, во внутреннемъ смыслѣ ихъ священныхъ книгъ, — есть идея, что личная жизнь — преходящее и злое явленіе; такая идея есть отрицаніе блаженной вѣчности. Мы не смѣшиваемъ того, что̀ само въ себѣ различно, мы не стираемъ пограничную линію, раздѣляющую пантеизмъ — ученіе о поглощеніи въ общемъ началѣ, отъ ученій, проповѣдующихъ собственно ничтожество. Но мы не занимаемся здѣсь метафизикой. Никто не споритъ противъ того, что преобладающій характеръ азіатскихъ религій есть пантеизмъ, и что, слѣдовательно эти религіи ведутъ къ отрицанію пребывающей жизни, вѣчной жизни тварей. Въ этомъ отношеніи для насъ важны заключенія одного современнаго ученаго: «Жизнь есть долгая ткань скорбей и бѣдствій; спасеніе состоитъ въ томъ, чтобъ не жить: таково во всемъ индійскомъ мірѣ во всѣ эпохи плачевное вѣрованіе, которое раздѣляется браминами и буддистами всѣхъ школъ, всѣхъ сектъ, всѣхъ оттѣнковъ, всѣхъ временъ» (*Le Budda*, par M. Barthelemy Saint-Hilaire, стр. 120). Брамины, ученые буддисты и ученые китайцы не могли возвыситься до надежды безсмертія. Въ опытѣ бѣдствій, не просвѣтляемыхъ ни однимъ лучемъ вѣчной любви, они находятъ убѣжденіе, что глубокій сонъ лучше всякаго здѣшняго счастія, и потому сладко будетъ умирать. Самая высшая ихъ надежда — стушеваться, уничтожиться, заснуть, потерять чувство своихъ бѣдствій, лишившись самосознанія.

Кто не знаетъ тѣхъ тяжелыхъ дней, которые кажутся

долгими не вслѣдствіе ожиданія слѣдующаго дня, но потому собственно, что хочется скорѣе видѣть конецъ настоящаго дня? Кто не знаетъ тѣхъ безсонныхъ и томительныхъ ночей, въ которыхъ чувство жизни становится бременемъ, и когда желаешь сна, какъ какого-то благодѣтельнаго божества? Кажется, что въ обширныхъ азіатскихъ населеніяхъ ученые постоянно чувствовали жизнь именно только такимъ образомъ, и если проникнуть въ ихъ мысли, то наши самыя скорбныя элегіи представятся въ розовомъ цвѣтѣ, а книга Іова почти вовсе не скорбною.

Въ прошедшій разъ я напомнилъ вамъ о Руссо; теперь я напомню о миссіонерѣ Востока Лакруа, тоже нашемъ соотечественникѣ. Когда я ближе познакомился съ вѣрованіями тѣхъ народовъ, которымъ онъ проповѣдывалъ Евангеліе, тогда только я понялъ всю силу его проповѣди, и всю горячность его ревности, тогда только я понялъ его страстное краснорѣчіе, какимъ полна его проповѣдь о жизни, въ обширныхъ и мрачныхъ странахъ, которыхъ обитатели, погруженные въ безчисленныя суевѣрія, не могутъ слышать отъ своихъ жрецовъ и своихъ мудрецовъ другой вѣсти, кромѣ ужаса жизни и надежды уничтоженія (*).

Доселѣ мы прислушивались къ думамъ Индіи и Греціи, Востока и Запада. Нѣкогда въ исторіи міра, вслѣдствіе великихъ политическихъ событій, измѣнившихъ древнія общества, — Востокъ и Западъ встрѣтились на берегахъ Средиземнаго моря. Тогда произошло великое соединеніе мыслей человѣчества, и не только Востокъ и Западъ встрѣтились, но въ то время религія и философія подали другъ

(*) Миссіонеръ Лакруа умеръ въ Калькуттѣ въ 1859 году.

другу руку. Время было знаменательное; что̀ вышло изъ того?

Перенесемся въ Грецію въ V вѣкѣ нашей эры. Славные Аѳины, городъ мысли и искусствъ, клонились къ упадку. Но предъ послѣднимъ концомъ они оживились какъ бы вспышкою прежняго свѣта. Юношество, сошедшееся со всѣхъ концовъ обширной Римской имперіи, тѣснилось въ амфитеатрахъ этого города, всё еще столицы умственнаго міра. Въ обширныхъ аудиторіяхъ раздавалось слово человѣка, котораго нѣкоторые почитали какъ Бога. Самъ онъ называлъ себя первосвященникомъ вселенной; казалось, онъ соединялъ въ своемъ лицѣ все развитіе вѣковъ прошедшихъ, всю философію и всю религію. Это былъ Проклъ, — послѣдній въ длинномъ ряду мудрецовъ, и его ученіе представляло результатъ четырехвѣковыхъ работъ. Это было ученіе школы александрійской, такъ названной отъ города, гдѣ оно явилось. Въ образованіи этой школы потрудились и Востокъ и Западъ соединеными силами. Здѣсь учили, что греческая миѳологія была только оболочкою истины, а въ основѣ ея лежалъ пантеизмъ. Александрійцы Богу живому, Творцу вселенной подложили отвлеченное и сухое понятіе Бога безъ разума, безъ свободы, безъ власти. Вовсе не заботясь о сохраненіи личнаго существованія человѣка по смерти, напротивъ—это ученіе старалось разрушить личное существованіе даже и въ настоящей жизни, на сколько это возможно. Таковъ былъ результатъ встрѣчи греческой мысли съ восточною.

Умственное движеніе было чрезвычайно; казалось мудрость человѣческая собрала всѣ свои силы, чтобъ утвердиться самобытно. Кипѣла страстная дѣятельность, потому что эта дѣятельность была борьба отчаянная и горячая. Но

напрасно представители древняго міра старались совмѣстить блестящіе вымыслы басни съ глубокими понятіями философіи; почва колебалась подъ ихъ ногами, и они чувствовали, что будущее имъ измѣняетъ. Почему это? Потому что въ отдаленной провинціи *Нѣкто*, не изучавшій ни мудрости Востока, ни философіи Запада, началъ проповѣдывать вѣчную жизнь нѣсколькимъ рыбакамъ Геннисаретскаго озера; потому что Его ученики несли эту проповѣдь на всѣ четыре страны свѣта; потому что эта проповѣдь была полна такою живою вѣрою въ будущее безсмертіе, что на мученіе бѣжали, какъ на праздникъ, не затѣмъ, чтобъ бѣжать отъ существованія, но чтобъ получить вѣнецъ безконечной жизни. Ничто не могло остановить распространенія новаго ученія. Зерно разрослось въ безмѣрное дерево. Распространяя свои вѣтви, покрывая все своею тѣнью, оно какъ бы лишило воздуха и свѣта боговъ Олимпа..... Представьте теперь себѣ борьбу, которая загорѣлась тогда въ мірѣ; поймите, что̀ должны были чувствовать граждане Рима, когда этому гордому городу приходилось отказаться отъ своего капитолія, обремененнаго богатствами всей вселенной, отъ своихъ тріумфовъ, гдѣ владыки земные преклонялись предъ царемъ-народомъ. Поймите чувства этихъ людей, которымъ приходилось разстаться съ воспоминаніями ихъ юности, со свѣхъ своимъ славнымъ прошедшимъ, и всё это — ради простаго и неученаго слова, о которомъ не знали, что̀ сказать: есть ли оно больше безуміе для мудрыхъ, или соблазнъ для людей міра? И это-то слово побѣдило! Древнія религіи, ослабленныя протестами ума и совѣсти, были обречены насмерть въ тотъ самый день, когда на одной изъ горъ іудейскихъ, Іисусъ изъ Назарета былъ вознесенъ на крестъ, окруженный плачущими женами и смѣю-

щимся народомъ.—Въ дѣлѣ религіи душа никогда не остается праздною; она оставляетъ одно вѣрованіе только подъ условіемъ и вслѣдствіе принятія другаго новаго.

Такъ блѣднѣетъ мудрость древнихъ предъ словомъ, которое поставило въ очевидность жизнь и безсмертіе, и этотъ фактъ громко говоритъ о важности Евангелія въ вопросѣ, занимающемъ насъ. Но эта важность, это значеніе, есть ли только чисто историческое? Каково оно въ отношеніи къ намъ?

Когда новая философія доказываетъ будущую жизнь, она пользуется доказательствами Платона, не прибавляя, можетъ-быть, ничего особенно значительнаго въ дѣлѣ метафизики. Она лучше, чѣмъ древняя, признала смутность идей, на которыхъ опирается матеріализмъ, и твердою рукою провела пограничную линію между физіологіею и психологіею. Она развила нравственныя доказательства будущаго возмездія и старалась обосновать такъ-называемую *естественную религію*. И вотъ нѣкоторые, не оспаривая историческаго значенія Евангелія, воображаютъ, будто оно уже потеряло свое значеніе въ ученіи о будущей жизни, потому что уже самъ разумъ утверждаетъ вѣчныя надежды человѣка на прочныхъ основаніяхъ.

Только узкая философія приводитъ къ такому мнѣнію. Положимъ, доказательства спиритуалистовъ полезны, хороши, ихъ слѣдуетъ защищать; но часто этимъ доказательствамъ придаютъ такое значеніе, какого они не имѣютъ. Кузенъ справедливо замѣтилъ, что одинъ разсудокъ не можетъ поставить *въ очевидность* вѣчную жизнь и будущее воздаяніе. Думается (и едва ли не справедливо), что на краснорѣчивыхъ страницахъ Руссо, въ положеніяхъ знаменитаго Канта, и вообще въ сочиненіяхъ современныхъ спи-

ритуалистовъ, можно указать слѣды положительнаго вліянія христіанскаго преданія. Въ этой мысли можно опереться на то, что современные ученые, какъ скоро вполнѣ отказываются отъ Евангелія и отъ его непосредственнаго дѣйствія, и впадаютъ въ матеріализмъ; то они разомъ подаются назадъ, стараются воспроизвести древнее переселеніе душъ, и говорятъ лишь о безсмертіи *дѣлъ* въ этомъ мірѣ. Въ этомъ случаѣ для насъ важно свидѣтельство Сентъ-Илера: «Къ несчастію, среди насъ находятъ благопріятный пріемъ такія ученія, которыя составляютъ основу буддизма. Съ нѣкотораго времени появляются системы, гдѣ произносится *метемпсихосъ*, гдѣ думаютъ объяснить міръ и человѣка, безъ Бога и провидѣнія, гдѣ отказываютъ надеждамъ человѣческаго рода на безсмертную жизнь за гробомъ, гдѣ безсмертію души подлагаютъ безсмертіе дѣлъ, гдѣ Богу подлагаютъ человѣка, какъ единственное существо, въ которомъ безконечное приходитъ къ самосознанію; и это-то во имя науки, во имя исторіи или философіи, даже метафизики, внушается въ теоріяхъ, которыя нисколько не новы, и нисколько не оригинальны; а между тѣмъ душамъ слабымъ наносится страшный вредъ.» (*Le Budda. Введ.*, стр. 6).

При такомъ положеніи дѣла, должно быть понятно, что Евангеліе, которое хранитъ твердое обѣтованіе, а не одну неопредѣленную надежду на будущую жизнь, достойно полнаго вниманія, при серьозномъ рѣшеніи вопроса, занимающаго насъ.

ЧЕТВЕРТОЕ ЧТЕНІЕ.

Евангеліе.

Какъ должно относиться къ Евангелію, чтобъ понять его смыслъ и силу?—Что такое Евангеліе?—Особенное положеніе, какое дается человѣку обѣтованіями Евангелія, сравнительно съ другими религіями. Три параллели: Сократъ, Пурна, Стефанъ первый христіанскій мученикъ и апостолъ Павелъ.—Сущность Евангелія.—Вопросъ о сверхъ-естественномъ.—Современный скептицизмъ въ отношеніи къ этому вопросу.

Евангеліе, — это слово извѣстно всякому изъ насъ съ ранняго дѣтства; мы привыкли къ этому слову и отъ того, конечно, оно не на всякаго такъ дѣйствуетъ, какъ бы слѣдовало: обыкновенно трудно со всѣмъ вниманіемъ останавливаться на мысляхъ, которыя намъ извѣстны. То же самое и съ содержаніемъ Евангелія: дитя слышитъ евангельскія событія и истины изъ устъ своей матери, читаетъ ихъ въ урокахъ дѣтства, привыкаетъ къ нимъ, какъ къ воздуху, которымъ дышетъ, и онѣ нерѣдко въ послѣдствіи скользятъ только по поверхности его ума, не оставляя въ немъ глубокихъ слѣдовъ. Кто желаетъ понять смыслъ и силу Евангелія, тотъ долженъ отнестись къ нему иначе, нежели какъ относится къ предметамъ обыденнымъ, общеизвѣстнымъ.

Въ Римѣ уже царствовалъ императоръ Тиверій, чудовище жестокости и распутства. Но имперія, подъ гнетомъ его правленія, жила еще воспоминаніемъ о славномъ и относительно кроткомъ царствованіи Августа. При Августѣ въ Римѣ, какъ бы въ замѣну потерянной свободы, процвѣтали науки, искусства, извѣстной степени цивилизація, характеризующая одну изъ славныхъ эпохъ исторіи. Творенія того времени и мы изучаемъ въ нашихъ школахъ, какъ достойныя изученія. — Въ эпоху этой-то блестящей цивилизаціи нѣсколько бѣдныхъ людей во всѣхъ концахъ имперіи проповѣдуютъ вѣчную жизнь во имя человѣка, названнаго Іисусомъ, который умеръ, но о которомъ эти люди говорили, что Онъ воскресъ. Отъ ихъ слова всюду зараждается живая и глубокая вѣра въ будущее безсмертіе Это не то, что неполный и смутный взглядъ народовъ язычествующихъ. Это не то, что философскія мысли, остающіяся удѣломъ нѣсколькихъ ученыхъ. Малыя дѣти узнаютъ то, что̀ предвидѣлъ Сократъ; слабыя женщины исповѣдаютъ истины, которыя восхищали Платона. Это — не сомнительная надежда, но свѣтлая и твердая увѣренность. Эта вѣра была такъ глубока, что самое равновѣсіе нашей слабой природы на время какъ бы поколебалось. Христіане бѣгутъ на мученія, такъ что Церковь принуждена была умѣрять эти порывы, проповѣдуя, что «никто не имѣетъ права желать смерти съ такою ненасытною горячностію».

Мало-по-малу общество христіанское образуется, растетъ, устрояется. Оно собираетъ подлинныя свидѣтельства и лѣтописи своей Вѣры, и соединяетъ ихъ въ одну книгу. Эта книга, Новый Завѣтъ, теперь переведена почти на двѣсти языковъ, и извѣстна почти всѣмъ народамъ земли; въ одномъ прошломъ году ее напечатано почти 2,000,000 экземпляровъ. Христіанское общество, предлагающее міру

эту книгу, гдѣ заключаются основы его вѣрованій, представляетъ столь неоспоримое свидѣтельство своего превосходства, что болѣе понимающіе изъ его противниковъ сами говорятъ, что послѣ такой религіи нѣтъ мѣста другой, и что если она не есть истинная религія, по крайней мѣрѣ есть послѣдняя изъ религій.

То, что̀ проповѣдуетъ христіанство, — что̀ заключается въ книгѣ христіанъ, означается однимъ словомъ — Евангеліе, или въ переводѣ на нашъ языкъ — *радостная вѣсть*. Прежде, чѣмъ говорить о сущности этой вѣсти благодати и мира, мы скажемъ нѣсколько словъ о пріемѣ, часто употребляемомъ съ цѣлію отвратить самую постановку христіанскаго вопроса въ его прямомъ и положительномъ смыслѣ. Вотъ этотъ пріемъ: говорятъ: «всѣ религіи родились во мракѣ первыхъ временъ; такъ какъ человѣческій разумъ не былъ еще возбужденъ, то воображеніе, предоставленное себѣ, населило небо призрачными существами. Позднѣе поняли, что религія есть только оболочка метафизическихъ истинъ, и люди умные разорвали эту оболочку, за которую держатся теперь одни невѣжды и осталые». Эта теорія придумана людьми весьма образованными и съ довѣріемъ повторяется менѣе образованными; но факты, — исторія не говоритъ ли противъ безусловности такой теоріи?

По численности послѣдователей извѣстны въ мірѣ три главныя религіи: Вѣра Іисуса Христа, которая обѣщаетъ вѣчную жизнь; религія Магомета, которая повреждаетъ это обѣтованіе, и религія Будды, которая отрицаетъ его. Всѣ эти религіи имѣютъ свое опредѣленное начало, подлинные памятники, — онѣ явились въ историческія времена. Что касается собственно до Евангелія, то время его явленія не было эпохою мрачною, — это было время, когда подданные

Тиверія читали творенія Цицерона. У людей, воспитанныхъ твореніями Виргилія и Горація, уже не было ни дѣтской довѣрчивости, не первобытной воспріимчивости. У нихъ не было недостатка ни въ умственномъ развитіи, остроуміи, даже въ ироніи. И въ такомъ-то обществѣ Евангеліе однако распространяется съ первыхъ минутъ своего появленія. Древній міръ, находясь во всемъ блескѣ своего величія, въ полномъ цвѣтѣ своей образованности, встрѣтился съ безуміемъ Креста, и преклонился предъ нимъ. Послушайте, какъ Боссюетъ изображаетъ дѣло апостола Павла:

«Онъ, неискусный въ словѣ, иноземецъ, идетъ въ образованную Грецію, отечество философовъ и ораторовъ; и несмотря на всѣ видимыя препятствія, основываетъ тамъ гораздо болѣе церквей, чѣмъ сколько Платонъ имѣлъ учениковъ, несмотря на все свое *божественное*, какъ говорили, краснорѣчіе. Павелъ проповѣдуетъ Іисуса въ Аѳинахъ... простираетъ свои побѣды и далѣе: онъ склоняетъ къ ногамъ Спасителя величіе римскаго трибунала въ лицѣ одного проконсула и заставляетъ трепетать самихъ судей, предъ которыми стоитъ какъ обвиняемый. Самъ Римъ слушаетъ его слова, и этотъ гордый городъ вдругъ оказываетъ болѣе уваженія къ одному посланію Павла, которое онъ писалъ къ своимъ соотечественникамъ, — чѣмъ къ знаменитымъ рѣчамъ своего Цицерона.»

Въ этихъ краснорѣчивыхъ словахъ описанъ дѣйствительный фактъ, исторія.

Какая же это *радостная вѣсть?* Что это за ученіе, утвержденное столь удивительнымъ образомъ? Провозглашали (то что̀ провозглашали нѣкогда, то самое мы читаемъ теперь), что оно одолжено своимъ происхожденіемъ Іисусу изъ На-

зарета Галилейскаго. Передавали, что этотъ Іисусъ говорилъ съ властію, что Онъ не употреблялъ длинныхъ разсужденій, но ссылался на истину, присущую Ему, о которой Онъ и свидѣтельствовалъ; — что Онъ не требовалъ отъ своихъ слушателей ни большихъ усилій ума, ни особенныхъ знаній, а только — правой совѣсти и сердца, проникнутаго правдою. Онъ говорилъ о загробномъ будущемъ не какъ объ истинѣ новой, потому что нѣкоторымъ изъ Его слушателей было знакомо это вѣрованіе, но какъ объ истинѣ, съ которой Онъ пришелъ снять всякую неопредѣленность, и поставить эту истину въ полнѣйшую очевидность. Въ Его бесѣдахъ, это будущее представлялось не въ родѣ общей гостинницы, гдѣ всѣ путешественники безразлично находятъ одинъ и тотъ же пріемъ. Онъ представлялъ въ ужасающихъ образахъ бѣдствія, ожидающія души нечестивыхъ, — такія бѣдствія, что наслаждающійся самыми полными радостями земными долженъ считать всѣ эти радости за ничто, если при нихъ онъ губитъ свою душу. Онъ говорилъ также и о радостяхъ, ожидающихъ сердца чистыя, которыя въ тѣсномъ общеніи съ Богомъ будутъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ. Это Онъ называлъ *вѣчною жизнію*, или *царствомъ Божіемъ*, которое Онъ обѣщалъ своимъ ученикамъ и послѣдователямъ. Говоря о вѣчной жизни, Онъ означалъ ее, какъ состояніе блаженства постояннаго, пребывающаго, въ противоположность съ измѣнчивостію всѣхъ вещей въ настоящей жизни; говоря о царствѣ Божіемъ, Онъ указывалъ, что исполненіе воли Бога составляетъ неисчерпаемый источникъ радостей для Его творенія. Наконецъ Онъ съ полною увѣренностію возвѣщалъ, что Его слово распространится во всей вселенной, что преграды между народами должны пасть, что въ одной и той же

вѣрѣ и общей надеждѣ соединятся бѣдные съ богатыми и невѣдующіе съ мудрыми.

Все это Іисусъ возвѣщалъ во имя Бога, покланяемаго въ народѣ израильскомъ, Творца неба и земли, Который все произвелъ и постояннымъ Своимъ дѣйствіемъ все поддерживаетъ, но Который внѣ своихъ твореній Самъ пребываетъ въ Своей собственной сущности, и вселенная, проявляя Его, не можетъ однако исчерпать Его неисчерпаемой силы. — Древность не могла придти къ раздѣльной мысли о вѣчной жизни, собственно потому, что не имѣла понятія о Богѣ свободномъ и всемогущемъ. Древніе и послѣ нихъ та продолжающаяся еще нынѣ древность, которую называютъ Востокомъ, смотрѣли на божество, какъ на сущность разлитую въ мірѣ и внѣ вселенной не существующую. Душа человѣка, въ области доступнаго намъ наблюденія, проявляется и имѣетъ самосознаніе только въ союзѣ съ организмомъ; точно такъ древніе думали и о Богѣ, что Онъ есть душа міра, не существующая внѣ міра. Съ этой точки зрѣнія будущее можетъ быть понято двоякимъ образомъ: или, душа всегда остается въ жизни, подобной настоящей, — такова сущность миѳологіи и ученія о переселеніи душъ; или, чтобы избѣжать непрестаннаго круговращенія жизни, душа возсоединяется съ безсознательнымъ началомъ и теряется — или въ поглощеніи браманскомъ, или въ Нирвана буддистовъ. — Но Богъ Іисуса Христа, явившій Свою верховную силу въ откровеніяхъ еврейскому народу, имѣетъ жизнь независимую отъ міра, сотвореннаго свободнымъ дѣйствіемъ Его воли, и повѣдающаго Его славу, не ограничивая Его могущества. Посему, Онъ можетъ принять насъ въ общеніе этой высшей жизни, ввести насъ въ вѣчный покой, не поглощая насъ въ себѣ,

потому что Онъ не есть только начало жизни. Онъ есть владыка жизни. Для Него это возможно; Онъ хочетъ этого. говорилъ Іисусъ Христосъ. потому что Богъ есть любовь, и Его любовь есть тайна творенія.

Богъ создалъ тварей *для блаженства*. Его воля есть нашъ долгъ; Его же воля есть также наше блаженство: долгъ и блаженство суть только двѣ стороны, два имени одного и того же предмета. А древность не могла понять этого единства. Человѣкъ желаетъ счастія, и носитъ въ себѣ чувство долга: эти два стремленія ей казались противорѣчащими, и вотъ явились двѣ секты, изъ которыхъ одна искала долга, не обращая вниманія на счастіе, другая — счастія, забывая о долгѣ. Болѣе мудрые изъ язычниковъ, и особенно Сократъ, утверждали, что добродѣтель и счастіе должны быть нераздѣльны; но это утвержденіе оставалось шаткимъ въ виду опыта жизни, того сомнѣнія, съ какимъ относились къ будущему, и наконецъ неизвѣстности плановъ вѣчной мудрости. Іисусъ изъ Назарета далъ рѣшеніе этой задачи, которое съ могуществомъ истины примиряетъ противорѣчія прежнихъ ученій. Богъ хочетъ нашего счастія, и хочетъ его навсегда. Его воля есть законъ для насъ, она составляетъ нашъ долгъ; но эта воля состоитъ въ томъ, чтобъ мы были счастливы: Богъ есть нашъ отецъ; долгъ. счастіе — это два различныхъ имени единственнаго намѣренія Его милосердія.

Притомъ Богъ есть отецъ *всѣхъ*, и въ его царствѣ нѣтъ мѣста радостямъ эгоистическимъ. Въ порядкѣ, утвержденномъ Его всемогущею волею, есть счастіе общее, распространяющееся изъ сердца каждаго въ сердца всѣхъ. и отражающееся изъ сердецъ всѣхъ въ сердце каждаго. Надобно войдти въ планъ вѣчной любви, надобно отказаться

отъ того, что̀ раздѣляетъ дѣтей великаго семейства, отказаться отъ похотей и злыхъ страстей, возбуждающихъ соперничество и борьбу; надобно понять, что эгоистическія нечистыя радости исчезаютъ въ пустотѣ и въ притупленіи вкуса, и только радости чистыя и раздѣляемыя съ другими суть радости постоянныя; надобно отречься отъ самого себя, не для того, чтобъ погубить себя, но чтобы найдти себя въ порядкѣ, въ свѣтѣ, въ мирѣ. Тотъ, кто будетъ полагать свое счастіе въ счастіи другихъ, свою радость въ радости всѣхъ подобныхъ ему, тотъ только поймет̀ъ цѣну существованія; онъ увидитъ всѣ вещи въ спокойномъ и ясномъ божественномъ свѣтѣ.

Поймите, что такимъ образомъ вѣчная жизнь не есть только жизнь въ будущемъ. Вѣчность обнимаетъ настоящее и прошедшее точно такъ же, какъ будущее; и мы уже живемъ въ вѣчности. Для того, кто вошелъ въ планъ Бога, небесное царство начинается здѣсь; только—между тѣмъ какъ здѣсь все подчинено измѣнчивости, непостоянству, въ другой экономіи, которую мы называемъ небомъ, жизнь будетъ полная, постоянная и пребывающая, и радость будетъ вѣчная.

«Господь возлюбилъ насъ для вѣчности». — Чьи это слова? Іисуса изъ Назарета Галилейскаго. Произнося ихъ, Онъ не входилъ въ споръ, не доказывалъ, но свидѣтельствовался истиною, какъ обладающій ею. Таково свидѣтельство исторіи.

Для христіанина слово Іисуса изъ Назарета есть слово Богочеловѣка, которому христіанинъ вполнѣ вѣритъ,—говоритъ ли Онъ къ намъ, какъ своимъ братьямъ, говоритъ ли, что Его слово есть слово самого Бога, и что Онъ есть едино со Отцемъ. Тутъ уже не исторія, тутъ вѣра. Пока

мы не изслѣдуемъ Вѣры христіанъ, мы только излагаемъ ее Принимаешь ли ее, отрицаешь ли ее, прежде всего надобно признать ее тѣмъ, что̀ она есть. По отношенію къ вопросу о нашемъ назначеніи, эта вѣра есть увѣренность въ будущемъ, гдѣ совершится правда и гдѣ исполнится любовь; это—твердое упованіе, основанное на обѣщаніи Богочеловѣка,—чаяніе блаженной вѣчности близь Отца небеснаго.

Послѣ смерти Паскаля, въ подкладкѣ его одежды нашли пергаментъ, съ которымъ онъ никогда не разставался; онъ хранилъ его, какъ памятникъ одной поры своей жизни. На этомъ пергаментѣ было написано, «Увѣренность..... Радость.... Богъ Іисуса Христа, а не Богъ философовъ и ученыхъ..... О, еслибъ мнѣ никогда съ Нимъ не разлучаться!» Этими словами Паскаль хотѣлъ сказать, какъ въ одну достопамятную ночь, во время святаго бодрствованія онъ понялъ Бога не только какъ орудіе вселенной, не только какъ субстанцію, или законъ міра, но—Отца, Который хочетъ и устрояетъ счастіе своихъ дѣтей. Такова надежда христіанина!

Намъ хотѣлось бы теперь дать понять читателю, изъ фактовъ, то совершенно особенное положеніе, какое дается обѣтованіями Евангелія всѣмъ, кто принимаетъ евангельскія обѣтованія. Съ этою цѣлію мы сдѣлаемъ нѣсколько сравненій.

Возвратимся къ умирающему Сократу. Онъ, въ тюрьмѣ, готовится принять цикуту; его ученики въ слезахъ окружаютъ его. Напомнивши имъ народныя вѣрованія о загробной жизни, онъ продолжаетъ: «Конечно, утверждать рѣшительно, что все это произойдетъ не иначе, какъ я разсказалъ, человѣку умному не годится: но что съ нашими душами и ихъ жизнію будетъ нѣчто такое или тому подоб-

совершилъ подвигъ добрый, кончилъ поприще, вѣру сохранилъ. А теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судія въ день оный.» Этотъ человѣкъ былъ апослолъ Павелъ. (2 Тимоѳ., г. IV, ст. 6—8.) Сравните силу этихъ христіанскихъ словъ Стефана и Павла съ бесѣдами Сократа и приведеннымъ нами буддистскимъ разговоромъ...

Такова вѣра Евангелія въ несомнѣнное *личное* безсмертіе. Замѣтьте притомъ, древніе мудрецы успѣвали сообщать свое ученіе только небольшому числу способныхъ учениковъ; — апостолы въ короткое время успѣли провести слово своего Учителя во всѣ классы общества. Іисусъ предвозвѣстилъ это; Онъ зналъ, что это — дѣйствительно необычайное дѣло, и когда пришли къ нему просить знаменій Его посольства, то, упомянувши объ исцѣленіи больныхъ, о воскресеніи мертвыхъ, Онъ указываетъ, какъ на самое высшее знаменіе Своего посольства словами:» Евангеліе возвѣщается *нищимъ!*»

Мы указали пока одну сторону Евангелія; мы говорили только о возстановленіи Христомъ первобытныхъ истинъ человѣчества; это — скорѣе послѣдствіе дѣла Христова, чѣмъ самое дѣло. Слова Евангелія, открывающія намъ намѣреніе Божіе и Его любовь, свѣтлы и легко и пріятно воспринимаются. Но вѣрующіе знаютъ, что эти слова не заключаютъ въ себѣ всей ихъ Вѣры; а также и невѣрующіе знаютъ, что они идутъ не противъ этихъ собственно словъ Продолжимъ нашу бесѣду.

Чѣмъ начинаетъ Іисусъ свое дѣло? Проповѣдью покаянія и обращенія. Онъ требуетъ отъ человѣка: отрѣшиться любви къ богатству и облечься духомъ нищеты, отрѣшиться

гордости и сдѣлаться смиреннымъ, отрѣшиться самого себя, но не съ тѣмъ, чтобъ погубить себя, а чтобъ снова пріобрѣсти себя въ порядкѣ, въ законѣ, въ добродѣтели. Евангельскія заповѣди блаженства идутъ рѣшительно противъ обычнаго взгляда на вещи. Богатство, слава, почести называются случаями искушеній и паденій, а страданія уничиженія, поношенія — царскими стезями, приводящими къ жизни вѣчной. Перемѣна, какой требуетъ Іисусъ отъ своихъ учениковъ, такъ велика, такъ существенна, что Самъ Онъ называетъ ее *новымъ рожденіемъ*.

Что значитъ это слово? И кто способенъ ко всѣмъ этимъ дѣламъ? Кто можетъ сказать: я такъ поступаю естественно; я исполняю это собственною моею силою; все мое счастіе я поставляю въ самоотверженіи; отреченіе отъ собственной воли и исполненіе воли Божіей — есть мое единственное правило и все мое наслажденіе? Нѣтъ, мы не можемъ сказать этого, и чувствуемъ, что мы — не въ порядкѣ: мы нарушили основный законъ нашей природы, и чувствуемъ всю тяжесть этого; мы потеряли права на вѣчную жизнь, и, отдѣлившись отъ Бога, мы повержены въ бѣдствія. Іисусъ знаетъ это, и говоритъ, что потому-то Онъ и пришелъ въ міръ: Онъ врачъ, который самъ ищетъ больнаго, чтобъ исцѣлить его; Онъ добрый пастырь, идущій искать овцу заблудшую. Онъ есть *освободитель*, не такой, который обѣщаетъ въ покоѣ смерти конецъ нашимъ страданіямъ, но совершитель спасенія, приносящій грѣшнику помилованіе, и помогающій нашей немощи силою Своей благодати. Онъ самъ говоритъ, что пришелъ «обрѣсти и спасти погибшее, и возставить человѣка въ состояніе блаженства, возстановивши въ святости. Іисусъ Христосъ приноситъ не ученіе только, не теорію о природѣ вещей, —

Онъ возвѣщаетъ *дѣло* милосердія, которое и *исполняетъ* Самъ. Онъ самъ есть совершитель помилованія, чрезъ Него мы получаемъ силу и свѣтъ; Онъ есть жизнь міра, и будетъ побѣдителемъ смерти: Онъ самъ о себѣ даетъ такое свидѣтельство. То же самое проповѣдуютъ Его апостолы. Они возвѣщаютъ помилованіе и спасеніе, пріобрѣтенное ихъ Учителемъ силою Его жертвы; они говорятъ, что вѣчная жизнь — древняя заповѣдь сдѣлалась новымъ даромъ благодати; они говорятъ, что силою Іисуса, душа, въ скорбяхъ раскаянія, должна возродиться къ надеждѣ жизни и къ силѣ добра.

Евангеліе проповѣдуетъ помилованіе отъ Бога и возстановленіе падшей твари, которое должно быть слѣдствіемъ того дара благодати. То и другое нераздѣльно. Нравственность не составляетъ всей религіи, но ничего нѣтъ опаснѣе и фальшивѣе понятія о религіи, будто она не клонится къ исправленію нравственнаго порядка. Дѣло, начавшееся въ тайнѣ Божія совѣта, и явленное на Голгоѳѣ, совершается именно въ совѣсти каждаго человѣка помилованнаго и призваннаго къ свѣту.

Вотъ Евангеліе въ собственномъ смыслѣ этого слова! Это не просто ученіе о благости творческаго Начала вселенной, Евангеліе есть милосердіе Бога, Его помилованіе и Его благодать; Евангеліе есть крестъ и воскресеніе Спасителя. Чтобъ высказать все: Евангеліе имѣетъ двѣ стороны: одна — это миръ и свѣтъ, возвѣщеніе намѣреній творческой любви; другая — есть тѣнь, — это грѣхъ, это крестное жертвоприношеніе, и жертва сердца человѣческаго, приносимая въ глубинахъ совѣсти. Евангеліе есть свѣтъ, но онъ возсіяваетъ въ тѣни смертной. Евангеліе есть слово любви, но также — борьбы, отреченія и жертвы.

Евангеліе всецѣло исполнено великихъ противоположностей. Какая тому причина?

Мы всѣ желаемъ счастія, и когда намъ говорятъ, что Богъ хочетъ сдѣлать насъ блаженными навсегда, мы охотно принимаемъ эту мысль. Но обольщенія жизни и достовѣрность смерти заставляютъ воздыхать всѣ творенія; и если намъ говорятъ о грѣхѣ, мы не понимаемъ, почему Богъ, который хочетъ сдѣлать насъ блаженными, столь часто скрываетъ Свое лице и оставляетъ насъ столь несчастными? — Всѣ мы, въ глубинѣ нашей совѣсти, имѣемъ идею святости, и когда намъ говорятъ, что Богъ хочетъ, чтобъ мы были чисты такъ, какъ Онъ чистъ, то развѣ извращенныя существа остаются безчувственны при этомъ напоминаніи. Но когда намъ молчатъ относительно благодати, то мы не понимаемъ, почему Богъ оставляетъ насъ, столь слабыхъ въ борьбахъ жизни?

Читайте въ VII главѣ посланія апостола Павла къ Римлянамъ, гдѣ онъ говоритъ о самомъ себѣ, какъ бы словами сердца человѣческаго:

«Не понимаю, что̀ дѣлаю; потому что не то дѣлаю, что̀ хочу, а дѣлаю, что̀ ненавижу... Это не я уже дѣлаю, но живущій во мнѣ грѣхъ. Ибо я знаю, что во мнѣ, т. е. въ плоти моей, не живетъ добро; желаніе добра во мнѣ есть, но чтобъ сдѣлать добро, этого нѣтъ. Ибо добра, котораго хочу, не дѣлаю; а дѣлаю зло, котораго не хочу. Если же я дѣлаю то, чего не хочу; уже не я то дѣлаю, а живущій во мнѣ грѣхъ... По внутреннему человѣку я нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ; но въ членахъ моихъ вижу другой законъ, который воюетъ противъ закона ума моего, и дѣлаетъ меня плѣнникомъ грѣховнаго закона, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ!»

То же самое раздвоеніе внутри себя, конечно, чувствуетъ каждый изъ насъ. Мы имѣемъ желаніе добра, имѣемъ тайное чувство, что прочное счастіе возможно только при нравственномъ порядкѣ; и когда намъ говорятъ о великихъ надеждахъ вѣчной и блаженной жизни, то если бы мы могли выразить, что́ происходитъ иногда внутри насъ,—думаю, мы сказали бы: «эти надежды прекрасны и желанны; хотѣлось бы вѣрить имъ, но мы не смѣемъ».

Не смѣемъ! Поймите же теперь, почему слово помилованія есть слово вѣчной жизни,—почему крестъ голгоѳскій есть дверь въ царство свѣта,—почему мудрецы древности видѣли идеалъ на отдаленномъ горизонтѣ, но какъ бы боязливо останавливались на пути къ нему, потому что чувство бѣдствія и зла преграждало имъ путь. «Иное дѣло, говоритъ блаженный Августинъ, смотрѣть съ высоты горы и изъ глубины темнаго лѣса на свое отечество, не имѣя возможности отыскать къ нему дороги... Другое дѣло въ самомъ дѣлѣ идти по дорогѣ, ведущей къ нему. Платоники извѣстнымъ образомъ знали невидимую природу; но путь, который приводитъ къ этому верховному блаженству, т. е. распятый Христосъ, — казался имъ презрѣннымъ; они отказываются идти по этому пути, и оттого не могутъ достигнутъ святилища послѣдняго покоя, хотя свѣтъ, идущій издали и поражаетъ ихъ разумѣніе».

Представимъ теперь вкороткѣ всѣ наши соображенія. Цѣль творенія разумныхъ существъ есть ихъ счастіе; но они сотворены свободными, потому что свобода есть образъ божественной природы и условіе самаго счастія. Явился грѣхъ со всѣми его послѣдствіями: омраченіемъ ума и бѣдствіемъ сердца. Человѣкъ вошелъ въ борьбу съ самимъ собою: разумъ хотѣлъ снова завладѣть лучами зат-

мившагося свѣта, совѣсть протестовала противъ ея униженія; отсюда борьба, успѣхъ, повороты назадъ, крушенія древней мысли. Потомъ, привходитъ въ міръ дѣйствіе божественной силы, управляемой милосердіемъ; оно привзошло, чтобы даровать благодать безъ насилія, возбудить свободу безъ стѣсненія ея.

Итакъ въ Богѣ двѣ воли: творческая и искупительная; но обѣ онѣ составляютъ одну волю, потому что обѣ происходятъ отъ того же Бога, обнаруживаютъ ту же любовь, — дѣло Евангелія возстановляетъ и выполняетъ въ человѣкѣ первоначальный творческій планъ. Это дѣло, это посредство Бога въ спасеніи людей составляетъ собственно порядокъ *сверхъ-естественный*. — Богъ есть въ природѣ, потому что отъ Него и Имъ все движется и существуетъ; но Онъ выше природы въ полнотѣ Своего могущества и въ тайнахъ Его ненарушимой свободы. Свобода твари, божественные законы, вслѣдствіе которыхъ грѣхъ производитъ тьму и бѣдствія, неровная борьба, которой подверженъ человѣкъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, — борьба противъ увлекающаго его потока, — все это *естественно* въ нравственномъ порядкѣ. Но Богъ дѣйствіемъ Своей любви разрушилъ эту роковую цѣпь грѣха и его слѣдствій: явился Іисусъ Христосъ. Все возвѣщало Его, все приготовляло къ Нему. Іудеи и язычники, величіе человѣчества и его бѣдствія, въ порядкѣ Провидѣнія и въ порядкѣ благодати, все это суть знаменія Христа; Востокъ и Западъ пролагаютъ путь къ Нему; религіи и философія вмѣстѣ равняютъ стези къ Нему. Все Его возвѣщаетъ, все приготовляетъ къ Нему, но не производитъ Его. Когда ночь приходитъ къ концу, мракъ на время удвояется, звѣзды блѣднѣютъ, показывается бѣлая полоса на горизон-

тѣ, и мгновенно вспыхиваетъ, — все возвѣщаетъ звѣзду дня; но заря не производитъ солнца. Іисусъ Христосъ есть центръ исторіи, цѣль всего развитія человѣчества; но Іисусъ Христосъ измѣняетъ самый ходъ исторіи, чтобъ знали, что любовь Бога превосходитъ опредѣленіе творенія, которымъ произведена и поддерживается свобода. Онъ измѣняетъ также и природу, дабы послѣ поклоненія Богу въ красотахъ природы мы поклонялись Ему еще въ тайнахъ Его могущества, котораго природа ни поглощаетъ, ни ограничиваетъ. Христа заключаютъ въ гробъ.... Онъ выходитъ изъ него, и во имя Его воскресенія возвѣщается вѣчная жизнь.

Евангеліе въ своей сущности есть искупленіе человѣка. Искупленіе есть дѣло безконечнаго милосердія; и это дѣло есть полное основаніе *сверхъестественнаго* порядка; чудо въ исторіи и въ природѣ есть только внѣшнее и вторичное его обнаруженіе. Судите теперь, можетъ ли дѣло Евангелія быть отдѣлено отъ дѣла сверхъестественнаго порядка. Уничтожьте дѣло Божественнаго милосердія, вы уничтожите Евангеліе въ собственномъ смыслѣ этого слова: тогда нѣтъ Искупителя, остается только мудрецъ назаретскій,— хотя и тутъ, этотъ мудрецъ, оставившій такой глубокій слѣдъ въ исторіи человѣчества, безъ сомнѣнія, превосходитъ всѣхъ мудрецовъ цѣлаго міра.

Отстраняя сверхъестественное, теряютъ Христа. Искупителя; по крайней мѣрѣ сохраняются ли при этомъ первоначальныя истины религіи: Богъ, безсмертіе и нравственность? Говорятъ; но едва ли это справедливо. Когда люди, недовольно понимающіе Евангеліе, думаютъ видѣть въ немъ не болѣе какъ религію *естественную*, поставленную подъ санкцію чуда, тогда ссылаются на то, что истина есть

истина, что потому только ее и должно принимать, что нисколько не важно то, откровенная ли это истина или нѣтъ, и потому вопросъ о сверхъестественномъ есть напрасный вопросъ. И мы говорили, что мудрецы язычества предвидѣли высокія истины, и также въ наше время, люди чуждые откровенія приходятъ иногда къ тому же самому познанію. Но когда люди, знакомые съ Евангеліемъ, принявшіе его обѣтованія, отвращаются отъ него, неужели они становятся въ положеніе Сократа? Конечно, нѣтъ. Когда удаляются отъ Вѣры люди, испытавшіе ея свѣтъ, тутъ въ душѣ происходитъ кризисъ, который именно показываетъ всю важность вопроса о сверхъестественномъ, даже для тѣхъ, кто не различаетъ между проблескомъ сомнительной надежды и полнымъ свѣтомъ очевидности. Для объясненія этого кризиса душевнаго, мы воспользуемся словами человѣка, котораго никто не сочтетъ нашимъ сторонникомъ въ вопросѣ, занимающемъ насъ. Едмонтъ Шерръ въ разговорѣ, изданномъ въ прошломъ году, выводитъ двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ защищаетъ, а другой оспариваетъ сверхъестественный порядокъ. Одинъ изъ спорщиковъ, наконецъ, выражается такъ:

«Когда я чувствую въ себѣ колебаніе вѣры въ чудо, я замѣчаю, что и образъ моего Бога затмѣвается въ моихъ глазахъ; мало-по-малу онъ перестаетъ для меня быть Богомъ свобнымъ, живымъ, личнымъ Богомъ, къ Которому душа обращается какь къ своему Господу и Отцу. Что тогда остается? Какою тогда скорбною и безутѣшною представляется жизнь! Какъ скоро мы живемъ только для того, чтобъ ѣсть, спать, пріобрѣтать деньги, будучи лишены всякой будущности, тогда нашъ зрѣлый возрастъ — просто ребячество, наша старость — несчастіе, всѣ наши за-

боты — безсмыслица. Нѣтъ тайнъ, т. е. неизвѣстнаго, — нѣтъ и безконечнаго, нѣтъ и неба надъ нашими головами, нѣтъ и поэзіи. Будьте увѣрены, — невѣріе, которое отвергаетъ чудо, опустошаетъ и небо и землю. Сверхъестественное есть естественная область души, сущность ея вѣры, ея надежды, ея любви. Я знаю, что доводы критики иногда правдоподобны; но я знаю также, и, можетъ быть, это самое засвидѣтельствуете и вы: переставая вѣрить въ чудо, душа теряетъ тайну жизни божественной; мало-по-малу она лишается благочестія, правоты, генія, падаетъ въ прахъ, а иногда — въ грязь.» Послѣ нѣсколькихъ словъ возраженія, другой спорщикъ отвѣчаетъ:

«Въ сущности, я согласенъ съ вами. Я очень хорошо знаю, что чудо есть необходимый элементъ Вѣры, и что съ отрицаніемъ чуда разсѣяваются небо и адъ,—Христосъ, и даже Богъ, и различіе между добромъ и зломъ, и все, что̀ ставитъ насъ выше язычества. Да, намъ нуженъ Богъ живый и присущій, и только сверхъестественное даетъ намъ такого Бога. Богъ, который не можетъ или не хочетъ сойдти на нашу землю, чтобъ явить на ней Свою силу и славу, есть Богъ деизма, машинистъ, скрывающійся въ небесахъ, отвлеченность ума, мертвый Богъ» (*).

Эти слова не только выражаютъ нашу мысль, они идутъ еще дальше. Но мы ограничиваемся заключеніемъ, что вопросъ о сверхъестественномъ, который для понимающихъ силу слова, есть вопросъ о Евангеліи,—можетъ для многихъ, въ нѣдрѣ христіанства, стать вопросомъ о Богѣ и о будущемъ безсмертіи...

Но скажутъ: «если наука достовѣрно показала, что вмѣ-

(*) *Melanges de critique religiense*, стр. 181 — 183.

шательство Бога есть мечта; нельзя же не принимать ея очевидныхъ показаній, какъбы ни было грустно разставаться съ пріятными надеждами.» Въ самомъ дѣлѣ утверждаютъ, будто современная критика уже низвела всѣ христіанскія вѣрованія на степень суевѣрій. Объ этомъ мы будемъ говорить особо. Но нѣкоторые идутъ еще дальше: стоятъ не только за тѣ или другіе результаты науки, а утверждаютъ вообще, будто вѣра въ сверхъестественный порядокъ несовмѣстна съ умственнымъ образованіемъ, — что введеніе Бога въ міръ есть понятіе грубое, механическое, недостойное просвѣщеннаго человѣка XIX в., не заслуживающее даже и опроверженій. Этотъ голосъ идетъ изъ Германіи и эхо его, къ несчастію, отдается и у насъ.... Конечно, Евангеліе есть безуміе въ глазахъ извѣстной мудрости: это высказалъ еще ап. Павелъ, это далъ понять еще самъ Іисусъ Христосъ. Но мало ли что̀ кажется безуміемъ для извѣстной мудрости? Человѣку безнравственному кажется безуміемъ строгая обязанность долга; для разсчетливой житейской мудрости кажется безуміемъ всякое пожертвованіе. Впрочемъ не всѣ мудрецы, не всѣ ученые одинаково относятся къ Вѣрѣ христіанъ. Ученые александрійцы, отвергавшіе проповѣдь Христа, были вполнѣ образованы и учены; но не менѣе ученъ и образованъ былъ и епископъ иппонійскій, Августинъ. Во времена позднѣйшія, Лейбницъ былъ не послѣдній философъ и не посредственный геометръ; а онъ всегда съ благоговѣніемъ говорилъ объ истинахъ Вѣры. Паскаль былъ первый физикъ своего времени и одинъ изъ значительныхъ математиковъ; а онъ оставилъ наконецъ всѣ свои барометры и всѣ вычисленія, чтобъ все — цѣло отдаться дѣлу Іисуса Христа. Ньютонъ, великій астрономъ, всякій разъ, какъ слышалъ

имя Бога Евангелія, непремѣнно воздавалъ Ему какой-либо знакъ поклоненія, и свою книгу Физики рѣшился заключить напоминаніемъ, что весь законъ состоитъ въ томъ: «любить Бога отъ всего сердца своего и любить ближняго какъ самого себя.» А въ наше время, развѣ мало великихъ людей науки и дѣятелей исторіи, которые вѣрятъ, покланяются, молятся вмѣстѣ съ людьми малыми и необразованными. Становитесь въ ряды этихъ ученыхъ и образованныхъ людей, ни мало не смущаясь рѣчами *иныхъ* мудрецовъ вѣка сего.

Примѣры, конечно, не доказательства. Но когда намъ доказываютъ примѣрами, то и мы должны противопоставить этимъ примѣрамъ—свои. Мы подробно изслѣдуемъ важный вопросъ о сверхъестественномъ.

ПЯТОЕ ЧТЕНІЕ.

Евангеліе предъ наукою и вѣрою.

Христіанское понятіе о сверхъестественномъ. — Возраженія естествовѣденія и философіи. — Отрицательная критика: Штраусъ, Ренанъ. — Историческія изслѣдованія. — Доказательства дѣйствительности сверхъественнаго порядка. — Евангеліе и наука.—Евангеліе и вѣра.

Предметъ нашего изслѣдованія — не какое-нибудь неопредѣленное, но *личное* безсмертіе, вѣчная жизнь, какъ она открыта и обѣщана Іисусомъ Христомъ. Слѣдовательно, намъ было необходимо говорить о Евангеліи Христа. Но судьбы Евангелія тѣсно связаны съ вопросомъ о *сверхъестественномъ*. Это отчасти мы уже и видѣли. Постараемся теперь подробнѣе изслѣдовать этотъ вопросъ. Говорятъ, будто вѣрованіе въ прямое посредничество Бога непримиримо съ новою наукою. Справедливо ли это? Сначала опредѣлимъ точнѣе христіанское понятіе (тезисъ) о сверхъестественномъ.

Физическій міръ сотворенъ и поддерживается постояннымъ дѣйствіемъ божественной воли: но въ этомъ мірѣ матеріи духъ человѣка открываетъ законы его бытія. Можно предсказывать задолго впередъ различные перевороты звѣздъ,

опредѣлять часъ и минуту какого-нибудь затмѣнія; такимъ образомъ ученый, сидя въ кабинетѣ, посредствомъ своихъ вычисленій, открываетъ событія, которыя совершаются въ небесныхъ пространствахъ. Въ природѣ есть опредѣленный порядокъ, твердые законы, и творческая мысль сообщаетъ свою тайну мысли человѣческой. То, что̀ называютъ обыкновенно закономъ природы, для взгляда человѣка, вѣрующаго въ Бога, есть просто способъ дѣйствія Творца неба и земли. Но если мы встрѣчаемъ въ исторіи утвержденіе событія, которое рѣшительно выступаетъ изъ обыкновеннаго хода вещей, напримѣръ воскресеніе мертваго; тогда, съ точки зрѣнія нашего опыта, мы говоримъ, что это событіе вышло изъ обычнаго ряда и есть *необычайное*.

На ряду съ міромъ матеріальнымъ, существуетъ міръ нравственный, слагающійся изъ событій разума и свободы. И здѣсь умъ человѣка открываетъ правильныя явленія, которыя называетъ законами. Онъ утверждаетъ, напримѣръ, что въ жизни отдѣльнаго лица разстройство воли производитъ страданіе, — что въ жизни народовъ распущенность и анархія суть предвѣстіе деспотизма. Но тутъ предъ наукою факты вовсе не тождественные и постоянно пребывающіе; почему? Потому что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ пассивною матеріею, не съ земными атомами, не съ планетами небесными, повинующимися слову, котораго онѣ никогда не разумѣли. Въ мірѣ духовномъ это слово разумѣвается и можетъ быть или нарушаемо, или исполняемо; тутъ двѣ воли: божественная воля, которая сотворила и управляетъ всѣмъ, и духъ человѣческій, который также обнаруживаетъ свою силу. Впрочемъ и въ нравственныхъ явленіяхъ наблюденіе открываетъ дѣйствительную связь,

хотя и небезусловно крѣпкую, особенно же открываетъ границы, которыхъ эти явленія не переступаютъ. Такимъ образомъ, если и въ этомъ новомъ порядкѣ вещей мы встрѣчаемъ утвержденіе, рѣшительно выходящее изъ всего того, что̀ показываетъ наблюденіе, напримѣръ — утвержденіе, что на землѣ явился совершенный человѣкъ: тогда мы опять говоримъ, что это событіе неестественно, или есть событіе *необычайное.*

Христіанство утверждаетъ, что необычайное дѣйствительно существуетъ, и что его центръ и высшая точка — въ Іисусѣ Христѣ, Которому предшествовали и сопутствовали явленія, также превышающія природу. Это необычайное есть для христіанина сверхъестественное, которое онъ объясняетъ такъ: «Тварь была сотворена свободною и по своей свободѣ она могла нарушить божественный законъ. Она дѣйствительно нарушила его; въ міръ вошелъ грѣхъ, и, по опредѣленію, которое восходитъ ко времени творенія и составляетъ нравственную природу, за разстройствомъ воли послѣдовали скорби сердца и потемнѣніе ума. Но чтобъ разрушить рабство грѣха, чтобъ поднять свободу безъ принужденія, Богъ привходитъ, посредствуетъ благодатію Своего помилованія и помощію Своего Духа. Искупительная воля, разсматривая въ Богѣ, какъ опредѣленіе Его милосердія, существенно составляетъ сверхъестественное, *сверхъестественное-божественное,* по противоположности съ порядкомъ природы, по которому тварь подвергалась всѣмъ послѣдствіямъ своего противленія. *Сверхъестественное-историческое,* или чудо, есть только внѣшнее и вторичное обнаруженіе опредѣленія Верховной любви. Итакъ въ Богѣ двѣ воли; но онѣ составляютъ одну въ ихъ Виновникѣ, который есть Богъ, и въ ихъ основаніи, кото-

рое есть любовь.» Эти мысли лежатъ въ основѣ тайнъ христіанства; истинны ли онѣ или ложны, но сами въ себѣ онѣ ясны: тѣ, кто отрицаетъ ихъ, очень хорошо знаютъ, чего они не хотятъ допустить. — Можетъ-быть, слово: сверхъестественное, которое мы употребляемъ для выраженія нашей мысли, не безъ неудобствъ. Оно подало поводъ къ страшному заблужденію: заключать, будто природа есть сила, независимая отъ Бога, въ которую Онъ привходитъ, какъ чуждая ей сила; а между тѣмъ природа есть только первоначальный планъ, по которому совершается дѣйствіе творческое и вмѣстѣ промыслительное о вселенной. Ошибаются также, если изъ слова, которое мы употребляемъ, выводятъ понятіе, будто Богъ благодати выше Бога природы, тогда какъ Онъ одинаково во всемъ и надъ всѣмъ есть Богъ вѣчно благословенный. Наконецъ: если подъ природою разумѣютъ человѣка такого, какимъ онъ долженъ быть въ планѣ любви Творца свободы, то Іисусъ Христосъ есть единственный человѣкъ *естественный*, а мы чрезъ грѣхъ сдѣлались, если можно такъ выразиться, *ниже-естественными*, или, лучше, противоестественными. Послѣ этихъ объясненій, надѣемся, не можетъ оставаться никакой двусмысленности или сбивчивости въ нашихъ понятіяхъ.

Мы сказали, что двѣ воли: творческая и искупительная, составляютъ въ Богѣ одну волю въ полномъ ихъ согласіи. Эта тайна существуетъ не только на небеси, но мы находимъ ее и въ нашей собственной совѣсти. Что собственно самодѣятельнаго въ человѣкѣ, т. е. что составляетъ природу въ насъ? И что составляетъ благодать Бога, или сверхъестественное въ насъ? Спросите мыслящаго христіанина, можетъ ли онъ указать границы этихъ двухъ силъ? Онъ отвѣтитъ вамъ, что нѣтъ, потому что Богъ есть бе-

зусловная причина нашего существованія, и что дѣло Его благодати состоитъ въ томъ, чтобъ дать намъ волю, которой намъ не достаетъ. Потомъ спросите его: если онъ не можетъ указать границъ между этими силами, то воля человѣческая и благодать божественная суть ли одно и тоже? Понятно, что онъ вамъ отвѣтитъ... Естественное и сверхъестественное въ исторіи представляется въ подобныхъ же условіяхъ: ихъ различіе глубоко, ихъ единство — внутренне; дѣло Евангелія соединяется съ природою, безъ смѣшенія этихъ двухъ элементовъ. Все происходитъ отъ Бога; только грѣхъ, произведеніе сотворенной свободы, преломилъ единый и прямой лучъ вѣчной Любви.

И такъ вопросъ въ томъ: Евангеліе сверхъестественно ли, или оно есть простое произведеніе развитія человѣчества? Евангеліе отъ Бога или отъ человѣка? Постараемся прежде всего точнѣе опредѣлить то, что предполагается этимъ вопросомъ.

Вопросъ о посредствѣ Бога предполагаетъ вѣру въ Бога свободнаго, внѣ вселенной, Бога, который не есть субстанція или законъ міра, но его Творецъ и верховный Владыка. Ясно, что внѣ этой вѣры занимающій насъ вопросъ не можетъ быть и поставляемъ. Тѣмъ, кто отрицаетъ Бога дѣйствительнаго, живаго и свободнаго, мы не будемъ и отвѣчать. Мы обращаемся къ деистамъ, которые, допуская бытіе Творца, считаютъ чудо невозможнымъ.

Относительно сверхъестественнаго порядка дѣлаютъ трояко возраженіе: ему противопоставляютъ естествовѣдѣніе, философію и исторію. Прежде всего, возможности божественнаго посредства противопоставляютъ безусловную твердость законовъ вселенной. Тутъ просто отводъ глазъ.

Естественныя науки, достигшія въ наше время высокой степени развитія, объясняютъ явленія и ихъ законы; но ни одинъ физикъ въ мірѣ не можетъ посредствомъ наблюденія доказать, будто явленія, какъ мы ихъ видимъ, *необходимы*, и будто ихъ порядокъ не можетъ быть ни нарушенъ, ни задержанъ. Такое утвержденіе, безусловно чуждое опытной наукѣ происходитъ изъ философіи, и потому мы прямо и останавливаемся на этомъ пунктѣ спора.

Во имя философіи говорятъ, что несообразно съ премудростію Бога измѣнять свои законы. Только неискусный художникъ подправляетъ свое произведеніе. Посредство Бога ставило бы границу Его премудрости. — Это возраженіе держится на смѣшеніи порядка матеріальнаго и порядка духовнаго. Признаете ли вы, что въ духовныхъ тваряхъ есть начало свободы? признаете ли вы, что мы отвѣтственны за наши дѣла, и что мы можемъ дѣлать дѣла худыя? Кто рѣшится сказать — нѣтъ? Но Богъ святъ: Онъ хочетъ добра, безусловнаго добра; значитъ зло есть противорѣчіе Его волѣ. Если мы совершаемъ дурное дѣло, если мы произносимъ нечестивое слово, если мы имѣемъ нечистую мысль, то это дѣло, это слово, эта мысль, вопіютъ къ небесамъ и говорятъ святѣйшему Существу: «Твоя воля не совершается.» Такъ, она не исполняется; между тѣмъ Онъ всемогущъ! Что жь? Для сохраненія идеи о Его безусловномъ могуществѣ, неужели вы хотите пожертвовать своею совѣстію, скажете, что добро и зло суть одно и то же, что различеніе ихъ есть обманъ глазъ? Рѣшитесь ли вы сказать, что все, что совершается, есть воля Бога? Вы думаете этимъ спасти Его всемогущество, но какою цѣною? Цѣною достоинства человѣческаго существованія. И къ какому результату вы приходите? Къ самому страшному противорѣ-

чію. Вы сдѣлали изъ Бога механическую силу, производящую тѣ или другія дѣйствія; но вы отняли у Него право творить свободныя существа. Чтобы сдѣлать Его всемогущимъ, вы отрицаете у Него высшую дѣятельность Его могущества. Вы сами запутываете себя. Поймите, сотвореніе свободы есть чудо изъ чудесъ: свобода есть высшее твореніе всемогущаго Существа, между тѣмъ грѣхъ есть произведеніе свободы, и является нѣкоторымъ страннымъ ограниченіемъ могущества святѣйшаго Существа, котораго воля нарушена. Вы не хотите понять двоякаго хотѣнія въ Богѣ, и потому вы отвергаете Евангеліе. Но это хотѣніе или воля состоитъ въ томъ: съ одной стороны, чтобъ мы были свободными тварями: эта воля исполнилась; съ другой стороны, — чтобъ мы были добродѣтельны и счастливы: эта воля нарушена. Тайна не на небѣ только, и не на Голгоѳѣ только, тайна — въ самымъ мысляхъ человѣка о добрѣ Когда сойдешь въ глубину этихъ мыслей, когда надолго остановишь взглядъ на этой тьмѣ, гдѣ однако свѣтится свѣтъ; тогда становишься сдержаннѣе, и не станешь спѣшить разрѣшеніемъ великихъ вопросовъ тѣмъ поверхностнымъ пріемомъ, которымъ думаютъ сказать все, повторяя, что премудрый Богъ не можетъ измѣнять своихъ законовъ, что только неискусный художникъ поправляетъ свое произведеніе. Только *одинъ Художникъ* производитъ свободныя существа; и потому, въ такомъ предметѣ всякое сравненіе напрасно, и неизбѣжно приводитъ къ заблужденію.

Если вы вѣрите, что зло существуетъ въ мірѣ, а также, что нравственный законъ есть обнаруженіе Вѣчной воли, то смотрите хорошенько, что̀ вы отнимаете у Бога. Во имя мудрости вы какъ бы запрещаете Ему милосердіе! Во имя Его могущества, вы оспариваете у Него власть — чудомъ

любви возстановить Его нарушенную волю. Тѣ, которые говорятъ такимъ образомъ, либо неясно понимаютъ свою мысль, либо не вѣрятъ въ Бога, живаго и истиннаго. И дѣйствительно, въ настоящемъ движеніи мысли, деизмъ уступаетъ свое мѣсто тѣмъ ученіямъ, которыя прямо или непрямо отрицаютъ нашего Бога. Этотъ Богъ, который есть отецъ Своихъ тварей, который знаетъ насъ и любитъ насъ, которому близки наши страданія, христіанстій Богъ, который отдаетъ Самого Себя человѣку съ тѣмъ, чтобы человѣкъ отдалъ себя Ему, — этотъ Богъ въ глазахъ извѣстной философіи, мы знаемъ, есть идолъ. Но если это есть идолъ, то намъ лучше быть язычниками съ Іисусомъ Назаретскимъ, чѣмъ занять мѣсто въ ряду мудрецовъ въ ледяныхъ храмахъ ихъ узкой, безнадежной и безутѣшной метафизики.

Идолъ! А кто же Богъ этихъ мудрецовъ? Безстрастный геометръ вселенной? Еще менѣе: субстанція, законъ міра, существо (они особенно настаиваютъ на этомъ пунктѣ), безъ сознанія и безъ воли.... мертвый богъ! Правда, эти люди очень хорошо чувствуютъ, что сердце и совѣсть противъ ихъ ученія; но они идутъ на борьбу противъ самихъ себя; они налагаютъ на себя суровый долгъ всецѣло заклать собственную человѣчность на алтаряхъ чистой логики; они утверждаютъ, что полусвѣтъ религій уступилъ мѣсто полному свѣту философіи, и что для мудраго покой — только на ея вершинахъ, можетъ-быть, сверкающихъ, но объятыхъ холодомъ и смертію. Конечно, есть философія, приводящая къ такимъ результатамъ, но есть лучшая философія, приводящая къ другимъ. Какъ бы ни былъ малъ авторитетъ моего слова, впрочемъ оно не слово такого человѣка, который никогда не заглядывалъ дальше тѣснаго кру-

га своей собственной мысли, или преданія, въ какомъ воспитанъ. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ, по расположенію и по долгу, главный предметъ моихъ занятій составляетъ метафизика. Я люблю эту благородную науку, которую называютъ философіею; люблю живою любовію это стремленіе ума, который желая измѣрять, изслѣдовать всякую вещь, самому себѣ даетъ свидѣтельство о своемъ высокомъ происхожденіи и о своихъ высокихъ судьбахъ. И я скажу вамъ, несмотря на немощь моей вѣры и слабость моей мысли: въ Евангеліи я вижу не только средство противъ нашихъ золъ, возстановленіе насъ въ нашихъ паденіяхъ, утѣшеніе въ нашихъ скорбяхъ; — въ смиренной вѣрѣ христіанъ, для рѣшенія самыхъ высокихъ проблеммъ, до какихъ можетъ доходить философія, я нахожу такіе тайны, которымъ ни Греція не учила, и которыхъ многіе изъ нашихъ современниковъ не понимаютъ. Разумъ заблуждается, когда онъ думаетъ быть удовлетвореннымъ чрезъ пожертвованіе благороднѣйшими инстинктами человѣческой природы. Истина познается по тому признаку, что она возстановляетъ гармонію въ нашемъ внутреннемъ мірѣ. Не безбожной философіи, или философіи безъ Бога, — наукѣ христіанской предстоитъ свести миръ въ душу и отвѣтить самымъ высшимъ потребностямъ человѣческаго ума.

Я заключаю: философія напередъ не отрицаетъ сверхъестественное; отрицаетъ его *извѣстная* философія, которая въ сущности есть маскированный атеизмъ.

Перейдемъ къ возраженіямъ, которыя заимствуются изъ критики и изъ исторіи. Говорятъ, будто критика и исторія доказываютъ, что сверхестественное, возможно ли оно или нѣтъ, въ дѣйствительности не существуетъ. Утверждаютъ, будто истинность чудесныхъ дарованій разрушена

трудами ученыхъ, что допускать еще чудеса — значитъ оставатся внѣ научнаго движенія. — Нельзя спорить противъ того, что труды и открытія севременной науки показали нѣкоторую несостоятельность въ постановкѣ тѣхъ или другихъ богословскихъ вопросовъ. Но чтобы эти труды дѣйствительно законно разрушали вѣру въ Евангеліе, — это я отрицаю, и вотъ мои доказательства.

Извѣстно имя Штрауса. Это одинъ изъ ученныхъ противниковъ дѣйствительности евангельскихъ сказаній. Вотъ начала, которыми онъ руководствовался: «Всякое происшествіе, непримиримое съ извѣстными законами природы, не есть историческое. Психологическіе законы не позволяютъ вѣрить, чтобъ какой-нибудь человѣкъ дѣйствовалъ, мыслилъ, говорилъ, иначе, чѣмъ другіе люди.» — Что сказать на это? Конечно, то, что докторъ Штраусъ началъ изслѣдованіе объ евангельской исторіи съ тѣмъ предзанятымъ положеніемъ, что сверхестественнаго факта существовать не можетъ. Онъ пришелъ къ заключенію, что такихъ фактовъ не существовало... Иного заключенія нельзя было и ожидать отъ него.

Беру другой примѣръ, — извѣстнаго французскаго ученаго Ренана. Онъ также отрицаетъ сверхъестественное; и поелику онъ владѣетъ наукою критики, то часто думаютъ, будто его отрицанія суть результатъ этой науки. Но достаточно читать Ренана, чтобы видѣть ошибочность такого мнѣнія. Въ своихъ историческихъ изысканіяхъ онъ также идетъ съ предзанятымъ началомъ, которое становится для него руководительною нитью. Вотъ его начало: «всякій фактъ, выдаваемый за сверхъестественный, есть ложный фактъ». Затѣмъ онъ изглаждаетъ изъ исторіи все, что́ имѣетъ характеръ прямаго посредства Божія, и

уже не видитъ никакихъ слѣдовъ этого посредства.... Заключеніе опять совершенно ожиданное.

Но откуда выводитъ этотъ прославленный писатель высшее правило своей исторической критики? Послушайте: «Богъ, Провидѣніе, безсмертіе — старыя хорошія слова, которыя философія истолковываетъ въ смыслѣ болѣе и болѣе очищенномъ....» (Etude d'histoire religieuse, page 419.) Слышите? Богъ, это священное имя, предъ которымъ самый маловѣрующій изъ насъ останавливается по крайней мѣрѣ съ почтеніемъ, здѣсь — старое слово, которое употребляется только для выраженія мысли ученаго, скрытой подъ нимъ. Что́ жь это за новая мысль, которая скрывается подъ старымъ словомъ? Послушайте дальше: «вѣчная красота всегда будетъ жить въ этомъ высокомъ имени (Іисуса Христа), какъ во всѣхъ тѣхъ, которыя человѣчество избрало, чтобы напоминать себѣ то что оно живетъ по его собственному образу. *Вотъ Богъ живой, вотъ тотъ, кому должно покланяться*» (стран. 215). Не подумайте, что я злоупотребляю отрывочными фразами. Вы можете видѣть такое именно отрицаніе дѣйствительности Бога въ цѣлыхъ статьяхъ автора, напримѣръ въ статьѣ, помѣщенной имъ въ Revue des deux Mondes, 16 января 1860 года. Въ этой статьѣ авторъ отрицаетъ истинность метафизики и тотчасъ противорѣчитъ себѣ, полагая основы для метафизики, которая обожествляетъ человѣка; «въ заключеніи статьи — возваніе къ Отцу Небесному. Признаюсь, на меня непріятно дѣйствуютъ подобныя сочиненія, которыя оканчиваются молитвою, а начинаются утвержденіемъ, что безусловный разумъ и безусловная правда существуютъ только въ человѣчествѣ, а внѣ человѣчества и безусловная правда и безконечный разумъ суть только пустыя отвлеченія. Понят-

но, что въ подобной системѣ вопросъ о сверхъестественномъ не могъ быть и поставленъ.

Итакъ два ученые, о которыхъ я упомянулъ для примѣра, вовсе не приходятъ къ отрицанію сверхъестественнаго путемъ критики и исторіи; это отрицаніе составляетъ для нихъ точку отправленія, ихъ аксіому. Я не знаю ни одного ученаго, который бы отрицая чудо, такъ или иначе, не высказывался, что невозможность чуда напередъ уже положена въ основаніи его мыслей. Дѣло понятное. Въ средніе вѣка алхимики, искавшіе философскаго камня, иногда находили золото на днѣ ихъ тигля.... если они клали въ него золото при началѣ опытовъ. Точно такъ поступаютъ и наши знаменитые критики, когда они находятъ въ концѣ своихъ трудовъ отрицаніе, которое было для нихъ точкою отправленія.

Но, говорятъ, независимо отъ всякаго частнаго изслѣдованія, отъ всякаго спеціальнаго изученія памятниковъ, критическій смыслъ самъ по себѣ не позволяетъ допускать порядка сверхъестественнаго. Отвергать этотъ порядокъ есть законная точка отправленія серьезнаго изслѣдованія; это не результатъ отдѣльнаго изученія, это общій результатъ навыка въ изслѣдованіяхъ и выработки историческаго смысла.— Это доказательство не имѣетъ другаго основанія, кромѣ авторитета тѣхъ, которые полагаютъ его a priori. И потому авторитету противопоставимъ другіе авторитеты. Боссюэтъ представляетъ намъ всеобщую исторію тяготѣющею вокругъ Іисуса Христа, какъ вокругъ своего центра. Но Боссюэтъ былъ епископъ, историкъ — случайно; можетъ-быть его имя не должно входить въ нашъ споръ; поищемъ другаго.

Человѣкъ, писавшій исторію нашего отечества (Швейца-

ріи), не принадлежавшій къ духовенству, ни даже къ числу особенно послѣдовательныхъ и благочестивыхъ христіанъ, Іоаннъ Мюллеръ жилъ послѣ Вольтера и Русо. Въ 1782 году онъ былъ въ Касселѣ, и подъ вліяніемъ своихъ обширныхъ историческихъ изученій, вотъ что̀ писалъ оттуда къ Шарлю Боннэту, нашему соотечественнику, своему другу, который очень хорошо зналъ, какое было различіе ихъ убѣжденій въ отношеніи вѣры:

«Вы меня любите, мой почтенный другъ: вы не полюбите меня больше, если я буду больше походить на васъ — если вы узнаете, что ничто и никогда не будетъ раздѣлять насъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь въ Касселѣ, я читаю древнихъ, не исключая ни одного, въ порядкѣ времени, какъ они жили, и о каждомъ замѣчательномъ фактѣ дѣлаю извлеченія. Мѣсяца два назадъ, не знаю какъ-то мнѣ пришло на мысль посмотрѣть въ Новый Завѣтъ, прежде чѣмъ въ порядкѣ моихъ чтеній я дошелъ до эпохи, когда онъ былъ писанъ. Какъ мнѣ выразить вамъ то, что̀ я нашелъ! Сколько уже лѣтъ я не читалъ Евангелія, и теперь приступилъ къ чтенію съ предубѣжденіемъ противъ него. Свѣтъ, который освѣтилъ св. Павла во время его путешествія въ Дамаскъ, былъ не болѣе чудесенъ, не болѣе неожиданъ для него, чѣмъ чудесно и неожиданно для меня было то, что̀ я вдругъ открылъ: исполненіе всѣхъ надеждъ, завершительную точку всей философіи, объясненіе всѣхъ переворотовъ, ключъ ко всѣмъ кажущимся противорѣчіямъ физическаго и нравственнаго міра, жизнь и безсмертіе. Я увидѣлъ необычайное дѣло, совершенное самыми малыми средствами. Я понялъ отношеніе всѣхъ переворотовъ Азіи и Европы къ тому несчастному народу, который хранилъ залогъ святыхъ обѣтованій. Я увидѣлъ религію, явившуюся въ самое благопріятное

время для ея утвержденія и при условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ для ея усвоенія... Видимо, міръ былъ приготовляемъ единственно для принятія религіи Спасителя, и я рѣшительно тутъ ничего не понимаю, если эта религія не есть Божественная. Я не читалъ ни одной книги возвышеннѣе этой. Но изучая исторію до этой эпохи, я всегда находилъ, что въ ней не достаетъ чего-то, а съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ нашего Спасителя, все стало ясно въ моихъ глазахъ; нѣтъ ничего, чего бы съ Нимъ я не могъ разрѣшить... Извините, что я пишу похвальное слово солнцу; это простительно слѣпому, который вдругъ получилъ прозрѣніе.»

Итакъ вотъ историкъ, который приступаетъ къ Евангелію съ безразличіемъ, даже съ враждебностію, но при встрѣчѣ съ Новымъ Завѣтомъ онъ начинаетъ говорить объ исторіи міра точно также, какъ говорилъ Боссюэтъ.

Скажутъ: Іоаннъ Мюллеръ жилъ въ прошедшемъ вѣкѣ, а вѣрованіе въ сверхъестественный порядокъ разрушено, благодаря возбужденію историческихъ изслѣдованій, характеризующему нашъ вѣкъ. На это я отвѣчу примѣромъ Августина Тьерри, одного изъ вождей исторической науки нашего времени. Я не говорю о позднѣйшей его жизни, гдѣ все хотятъ объяснять его старческою слабостію. Тьерри былъ въ тѣсной дружбѣ съ однимъ изъ нашихъ соотечественникъ, уже умершимъ, о. Еспиномъ (*). Въ письмѣ къ нему, писанномъ въ 1853 году, во время самой громкой своей литературной славы, касаясь религіознаго вопроса;

(*) Г—нъ Еспинъ, изъ Женевы, отецъ доктора Марка Еспина, умершій слишкомъ рано для себя, для друзей и для науки. У соотечественниковъ онъ извѣстенъ своею ревностію къ евангельской вѣрѣ, пріятностію характера и дѣятельною христіанскою благотворительностію. Онъ долгое время жилъ на югѣ Франціи и тамъ подружился съ Тьерри.

онъ говоритъ о христіанской Вѣрѣ, какъ о пристани, которой онъ ищетъ, «пристани, куда разсудокъ не приводитъ», и прибавляетъ слѣдующія замѣчательныя слова, понятныя для тѣхъ, кто знаетъ, каково было религіозное положеніе его корреспондента: «то, чего я желаю, это — имѣть возможность быть въ моей вѣрѣ такимъ, такимъ вы въ вашей, также твердымъ и въ то же время также снисходительнымъ, какъ вы.»

Я не хочу выводить изъ этихъ словъ болѣе, чѣмъ сколько есть въ нихъ; я вывожу только то, что нашъ современникъ, человѣкъ глубоко свѣдущій въ исторической наукѣ, человѣкъ, по общему признанію, не только даровитый, но и геніальный, въ своей наукѣ не нашелъ ничего, что бы попрепятствовало ему идти отыскивать пристань, какую доставила ему Вѣра христіанская.

Такъ, современная наука нисколько не рѣшила вопроса о сверхъестественномъ, хотя и громко кричатъ объ этомъ. Споръ остается открытымъ. Во всякое время найдутся ученые, склонные отождествлять свои личныя воззрѣнія съ *наукою*, и направленіе своей собственной мысли считать общимъ стремленіемъ духа ихъ времени. Во всякое время найдутся люди (и кто не подвергался этому искушенію), готовые говорить, какъ Ормандъ Мольера:

«Всѣ дураки, кромѣ насъ и нашихъ друзей.»

Но глядя на вещи, какъ онѣ есть, никто не имѣетъ права утверждать, будто современная наука разрушила основы христіанской Вѣры, никто не имѣетъ права утверждать этого общими мѣстами и безъ доказательствъ. Подобныя ссылки на современную науку, безпрестанно повторяемыя, только вредятъ самой наукѣ. Какъ скоро извѣстный пунктъ ученія дѣйствительно утвержденъ на не-

зыблемомъ основаніи, онъ держится, его допускаютъ, а не толкуютъ объ немъ тысячу разъ. А когда слишкомъ громко и слишкомъ часто кричатъ о чемъ-нибудь, какъ неоспоримомъ, это нерѣдко бываетъ именно потому, что тутъ тайное чувство подсказываетъ, что едвали это такъ, — что это можетъ быть законно оспариваемо.

Теперь, какія же доказательства можемъ мы представить для утвержденія дѣйствительности (реальности) сверхестественнаго порядка? Прежде всего считаемъ нужнымъ сказать о характерѣ этихъ доказательствъ. Можемъ ли мы здѣсь представить доказательства безусловныя, неопровержимыя, въ смыслѣ математическомъ, противъ которыхъ бы никто и ничего не могъ замѣтить? Легко понять, что это невозможно. Чего въ самомъ дѣлѣ хотятъ, что̀ требуютъ доказать такимъ образомъ? Сверхъестественное-историческое—чудеса? Если вы вѣруете, что Богъ былъ въ Іисусѣ Христѣ, вы не будете удивляться, что природа повиновалась своему Владыкѣ, и что гробъ возвратилъ Начальника жизни. Если жь вы этому не вѣрите, то нельзя васъ принудить принимать чудо. Станутъ вамъ говорить объ этомъ, вы тотчасъ отвѣтите, что законы природы *слишкомъ извѣстны*, чтобы возможно было допустить что-нибудь подобное. Станутъ настаивать на силѣ свидѣтельствъ, вы отвѣтите, что силы природы *слишкомъ мало извѣстны*, чтобъ имѣть право говорить о неоспоримомъ фактѣ, будто онъ превосходитъ природу. Всегда есть средство вывернуться, если хотятъ этого. Можетъ-быть даже, одни и тѣ же лица будутъ поступать такимъ образомъ въ интересахъ своего дѣла, т.-е. будутъ давать попеременно эти два противорѣчащіе отвѣта.

Хотятъ ли рѣшительнаго доказательства относительно сверхъестественнаго-божественнаго, свободнаго опредѣленія любви Творца,—это ли нужно доказать логически безусловно? Но гдѣ же искать такихъ доказательствъ? Логически доказывать значитъ выводитъ изъ законовъ необходимости,—доказывать не то, что извѣстная вещь существуетъ, но что невозможно ей иначе существовать. Въ кругу того, что̀ доказывается такимъ образомъ, по самой природѣ вещей, нельзя имѣть ни свободы, ни любви. Сказать объ актѣ любви, что онъ необходимъ, что онъ есть неизбѣжный результатъ цѣпи причинъ, логически связанныхъ, значило бы отрицать его въ самой его сущности.

Итакъ въ предметѣ, насъ занимающемъ, нельзя имѣть доказательствъ, подобныхъ геометрическимъ. Притязаніе дойдти до такихъ доказательствъ только вызываетъ естественную реакцію и даетъ оружіе невѣрію. Но если наука не всемогуща въ этомъ ряду идей, однако ея задача здѣсь не маловажна. Есть хрістіане, которые, изъ-за злоупотребленій научными пріемами въ отношеніи къ религіознымъ предметамъ, хотѣли бы произвести невозможное раздѣленіе между дѣломъ Евангелія и научнымъ изученіемъ фактовъ, съ которыми находится въ тѣсной связи явленіе Евангелія. Эти люди поддаются напрасному унынію. Постараемся сдѣлать опытъ примиренія научныхъ изслѣдованій съ дѣломъ Евангелія.

Предположимъ, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ современнаго научнаго образованія, строго-методическаго направленія, и сомнѣвающимся въ Евангеліи, впрочемъ не вооруженнымъ противъ истины. Вотъ какъ можно было бы поступить въ этомъ случаѣ, не на почвѣ нравственныхъ доказательствъ, которыя одни и тѣ же во всякое время, но

собственно на почвѣ научныхъ преній. Мы не стали бы прямо доказывать ему истинность Церкви или Новаго Завѣта. Нашъ противникъ знакомъ со всѣми разногласіями, возбужденными по предмету канона Писанія. Что касается до авторитета Церкви, которая образовала этотъ канонъ и приняла его подъ свою защиту, то ясно, что этотъ авторитетъ зависитъ отъ рѣшенія, какое дается главному и первому вопросу—о природѣ и авторитетѣ Іисуса Христа, Основателя Церкви. На это и нужно обратить вниманіе, это — историческая основа, содержащаяся въ памятникахъ, *не подверженныхъ спору.*

Но мы владѣемъ этою основою; эти неоспоримые памятники въ нашихъ рукахъ. Отрицательные германскіе богословы въ этомъ осношеніи оказали намъ истинную услугу; добро можетъ происходить и изъ зла. Они подвергли книги Новаго Завѣта критикѣ самаго разрушительнаго направленія, — и очевидность фактовъ заставила ихъ остановиться предъ 4-мя посланіями ап. Павла: посланіемъ къ Римлянамъ, двумя посланіями къ Коринѳянамъ и посланіемъ къ Галатамъ. Итакъ, при настоящемъ состояніи науки есть четыре письма Павла изъ Тарса, которыя самые отчаянные скептики принимаютъ за подлинныя, которыя писаны около 64 года нашей эры. Если относительно года еще нѣтъ общаго согласія, то вѣдь неизвѣстно также, въ которомъ году Колумбъ открылъ Америку, въ какихъ годахъ Цицеронъ писалъ свои рѣчи. Итакъ, мы имѣемъ основу, историческую точку отправленія, принимаемую учеными, весьма далекими отъ вѣры. Открываемъ одинъ изъ этихъ неоспоримыхъ памятниковъ, и читаемъ въ немъ:

«Напоминаю вамъ, братія, Евангеліе, которое я благовѣстовалъ вамъ, которое вы приняли, и въ которомъ ут-

вердились; которымъ и спасаетесь, содержа ученіе, какое я благовѣствовалъ вамъ, если только вы не безъ основанія увѣровали. Ибо я прежде преподалъ вамъ то, что́ и самъ принялъ, т. - е., что Христосъ умеръ за грѣхи наши, по Писанію, и что Онъ погребенъ былъ, и что воскресъ въ третій день, по Писанію, и что явился Кифѣ, потомъ двѣнадцати, потомъ явился болѣе, нежели пятистамъ братій, въ одно время, изъ коихъ бо́льшая часть донынѣ въ живыхъ, а нѣкоторые и почили. Являлся также Іакову, опять всѣмъ апостоламъ: а послѣ всѣхъ явился и мнѣ, какъ извергу какому» (1 Коринѳ. XV, 1 — 8).

Что́ выражаетъя въ этихъ словахъ? Мысли Павла изъ Тарса? Гораздо болѣе. Когда Павелъ писалъ, Церковь была уже основана, Евангеліе было не только проповѣдано, но и принято, и христіане уже были соединены въ общество вѣрующихъ на основаніи вѣры въ Іисуса Христа, умершаго и воскресшаго. Въ мѣстѣ, которое мы прочитали, Павелъ не учитъ, а напоминаетъ о томъ, чему училъ прежде своего посланія. Павелъ свидѣтельствуетъ о воскресеніи Іисуса Христа, и указываетъ на множество другихъ свидѣтелей, изъ коихъ бо́льшая часть были еще въ живыхъ. Онъ утверждаетъ, что Спаситель явился также и ему самому; и въ своемъ посланіи къ Галатамъ объявляетъ, «что онъ получилъ Евангеліе, и научился ономy не отъ человѣка, но чрезъ откровеніе Іисуса Христа» (Галат. 1 гл., ст. 12). Вотъ положительныя, рѣшительныя утвержденія. Теперь вопросъ въ томъ: то, что́ возвѣщаетъ Павелъ, отъ Бога, или отъ человѣкъ? Апостолъ говоритъ, что онъ получилъ откровенія; что́ надобно думать объ этомъ? Обманываетъ онъ? Этого не дерзаютъ говорить. Есть ли онъ жертва обольщенія чувствъ вслѣдствіе энтузіамза, или онъ свидѣтельст-

вуетъ объ истинѣ? Надѣемся, вопросъ поставленъ точно. Если его рѣшать въ смыслѣ вѣры, отправляясь отъ неоспоримаго основанія, которое доставляетъ намъ наука, то мысль должна именно воспроизвести Христа, Церковь, Писаніе. Если рѣшаютъ этотъ вопросъ въ смыслѣ раціонализма, тутъ мысль входитъ на другую дорогу; ей придется естественными средствами объяснять необыкновенныя обнаруженія, какія окружаютъ явленія Евангелія. Съ одной стороны, изучаютъ исторію божественныхъ откровеній, съ другой — думаютъ приводить безотчетныя вѣрованія къ раціональной истинѣ. Какъ скоро удаляются отъ немногихъ фактическихъ данныхъ, принимаемыхъ всѣми, тогда нѣтъ *одной* богословской науки, а являются двѣ съ совершенно различными началами, — нѣтъ одной научной критики, а являются двѣ: критика невѣрія и критика вѣры. Чрезъ пропасть, которая ихъ отдѣляетъ, никто еще не смогъ перекинуть моста.

Чью же взять сторону? Какъ опредѣлить себя: къ вѣрѣ, или къ отрицанію? Будемъ продолжать собираніе матеріяловъ нашей задачи.

Евангеліе проповѣдано. Послѣдуемъ за его судьбами въ мірѣ. Оно явилось въ странѣ не отличавшейся образованіемъ; проповѣдывалось непосредственно въ знаменитѣйшихъ центрахъ древней образованности. Оно утверждалось нѣсколькими вѣками кровавыхъ гоненій на него и нападеній ученыхъ и философовъ, до самаго того время, когда стало ясно, что слишкомъ поздно уже останавливать его успѣхи. Утвердившись столь необычайнымъ способомъ, Христіанство не менѣе чудесно и поддерживается. Оно торжествовало при нападеніи его противниковъ и преслѣдователей; оно постоянно торжествуетъ надъ всѣмъ, ему враждебнымъ, въ средѣ

самыхъ его послѣдователей. Одинъ общественный ораторъ думалъ обвинять Евангеліе во всѣхъ беззаконіяхъ, совершенныхъ и совершаемыхъ во имя религіи, во всемъ, что̀ бываетъ постыднаго въ жизни обществъ христіанскихъ.... Но я не знаю, есть ли доказательства, болѣе величественныя въ пользу божественности Евангелія, чѣмъ самыя эти беззаконныя и постыдныя дѣла людей. Послушайте поэта, который дѣлаетъ такое обращеніе ко Христу:

«Человѣкъ не могъ очернить Твоего закона истины. Невѣжество облагало мракомъ Твои величественные свѣты, злоба думала смѣшать Твои добродѣтели и наши злодѣянія, льстецы продавали тираннамъ Твои заповѣди: и все-таки пребывали правда, любовь и свобода! Ослѣпленный разумъ спрашиваетъ: чѣмъ, какими чудесами свидѣтельствуется этотъ, будто старѣющійся законъ? Чудо пребывающее и безконечное, заключается именно въ томъ, что эта истина, чрезъ волны обмановъ и лицемѣрія, что этотъ блистающій свѣточъ, чрезъ облегающую его мглу, что это слово, чрезъ наши нечистыя уста, шло въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ и остается еще Божественнымъ» (*).

Ничто не мѣшаетъ въ хорошихъ стихахъ быть основательному доказательству; вообще когда говорятъ, какъ о необычайномъ, о томъ, что Евангеліе противостояло всѣмъ нападеніямъ на него и, какъ еще болѣе необычайномъ, о томъ, что оно противостояло всѣмъ недостаткамъ его послѣдователей, и даже беззаконіямъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; то мнѣ кажется, что этимъ говорится весьма серьезное дѣло. Вамъ хорошо извѣстно, что Евангеліе доселѣ есть источникъ всего лучшаго на землѣ; это въ сущности извѣстно

(*) Ламартинъ, *Hymne au Christ.*

всѣмъ, самымъ маловѣрующимъ изъ насъ. Несмотря на всё, что̀ говорится о фальшивой набожности и лицемѣріи, неужели вы не знаете *ни одного* истиннаго христіанина, т.-е. человѣка, который бы, руководимый Искупителемъ, искалъ у Бога силы служить своимъ ближнимъ, — человѣка, предпочтительно любящаго дѣлать добро втайнѣ, и молиться не на стогнахъ?.. Не знаю я, съ какими людьми вы имѣете дѣло, но во дни скорби всегда близко отъ васъ этотъ желанный человѣкъ.

Мы постараемся сократить въ немногихъ словахъ соображенія, которыя легко было бы распространить.

Христосъ сказалъ: «миръ Мой даю вамъ.» И въ продолженіе XVIII вѣковъ тысячи голосовъ — бѣдныхъ и богатыхъ, ученыхъ и необразованныхъ, отвѣчали ему: «да, Ты даровалъ намъ миръ.»

Онъ сказалъ еще болѣе удивительное слово: «Я есмь истина.» И съ самыхъ вершинъ науки, исторіи и философіи люди, которымъ нѣтъ равныхъ въ мірѣ, отвѣчали: «да Ты истина.»

Онъ сказалъ: «научите *всѣ* народы,» и Его слово исполнено. Если любовь къ пріобрѣтенію далеко заводила промышленниковъ, если любознательность далеко влекла ученыхъ, то мы видимъ также людей, несущихъ слово Евангелія еще въ отдаленнѣйшія страны, и тамъ водружающихъ крестъ Спасителя.

Явленіе безмѣрное; но мы не показали еще дѣйствія, произведеннаго Іисусомъ на законы, нравы, установленія; мы не показали еще той господствующей и владычествующей цивилизаціи, которая есть цивилизація ни востока, ни запада, ни сѣвера, ни юга, ни той или другой расы, но есть христіанская цивилизація, имѣющая на себѣ всѣ признаки превосходства, котораго никто не думаетъ оспоривать.

Такъ, христіанская цивилизація пріобрѣла побѣду надъ міромъ, и соль, которая препятствуетъ ей повредиться и уничтожиться, есть именно Евангеліе. Никто не имѣетъ права сказать намъ, будто мы, вращаясь въ тѣсномъ своемъ горизонтѣ, развиваемъ здѣсь риторическую тему, которую также хорошо можно приложить къ образованности китайской или браманско-индійской. Міровая исторія не есть простое соединеніе отдѣльныхъ исторій. Въ ней замѣтно одно главное теченіе, которое несетъ и приводитъ насъ къ побѣдѣ надъ міромъ. Христіанскіе народы имѣютъ видимое превосходство надъ всѣми другими народами; часто они злоупотребляютъ этимъ превосходствомъ, и нерѣдко злоупотребляютъ гнуснымъ образомъ; но самое это превосходство — кто можетъ не знать его? Восточная ли торговля грозитъ поглотить торговлю европейскую? Китайскія ли арміи грозятъ христіанскимъ государствамъ? Буддисты ли и брамины посылаютъ къ намъ своихъ миссіонеровъ? Насъ что ли открываютъ и изучаютъ другіе народы? Не мы ли, напротивъ, даже помогаемъ ихъ собственному самосознанію; не въ европейскихъ ли библіотекахъ и университетахъ индусъ долженъ будетъ изучать исторію своего народа и истинный смыслъ памятниковъ своей литературы? Превосходство наше неоспоримо, но откуда оно? Еще разъ, это не преимущество племени, или климата. Народы, царящіе въ мірѣ, суть народы, принявшіе Евангеліе; они могутъ забывать объ немъ, повреждать его, отрицаться его въ своихъ дѣлахъ, но оно все-таки составляетъ ихъ силу и ихъ жизнь. Эти народы, даже въ своихъ насиліяхъ, даже въ беззаконіяхъ, являются орудіями божественнаго плана, и исполняютъ пророчество того Обитателя береговъ іорданскихъ, который зналъ, что поле, гдѣ должно быть по-

сѣяно Его слово — это міръ, и что всѣ народы земли — Его достояніе.

Иногда говорятъ, что болѣе обширный взглядъ на исторію долженъ поколебать нашу вѣру, что сравнительное изученіе религій нагонитъ облака, которыя остановятъ лучи божественности Евангелія. Повѣрьте (мы не думаемъ говорить съ авторитетомъ, мы обращаемся къ собственному разсужденію каждаго), повѣрьте, что мы идемъ къ совершенно противоположному результату. Евангеліе — единственно, какъ одна образованность, которой оно служитъ началомъ; чѣмъ болѣе будутъ намъ извѣстны языческія религіи, тѣмъ болѣе возсіяетъ предъ нами божественный свѣтъ, свѣтъ нашего Спасителя. Евангеліе единственно; это признаютъ самые противники его, когда они не стоятъ на стражѣ своихъ теорій. Нельзя считать его частнымъ случаемъ приложенія общаго закона, потому что онъ ускользаетъ отъ всякаго сравненія. Нельзя думать, чтобы какой-нибудь серьезный философъ оспоривалъ это въ наше время: вопросъ о божественности религіи или невозможенъ, или возможенъ только по отношенію къ одному Христіанству.

Итакъ утвержденіе и сохраненіе Евангелія представляютъ намъ безмѣрное, несравнимое явленіе. И что же мы видимъ при его началѣ? Человѣка, вознесеннаго на крестъ, на одномъ изъ холмовъ Іудеи, среди плачующихъ женщинъ и смѣющагося народа; и отъ подножія этого креста, нѣсколько неизвѣстныхъ проповѣдниковъ идутъ во весь міръ, провозглашая: «Сей, повѣшеный на древѣ, есть Сынъ Божій. Обратитесь къ Нему!»

Таковы факты. Мы утверждаемъ, что самое разумное ихъ объясненіе, это — сказать: «Здѣсь дѣло Божіе».

Поставить вопросъ, опредѣлить его въ точныхъ словахъ, показать элементы отвѣта — это всё, что̀ можетъ сдѣлать изученіе и изслѣдованіе, въ предметѣ, который насъ занимаетъ. Наука можетъ рѣшать возраженія, которыя сама же она возбудила въ умѣ; но она не можетъ произвести вѣры. Глубучайшія основанія вѣры находятся не въ области чистой мысли; ихъ твердость зависитъ не отъ обширности нашихъ познаній. Порадуемся же этому. Ежели бы надлежало быть ученымъ, чтобы идти на встрѣчу своему Богу, то, въ виду такого неравенства, что̀ значили бы всѣ другія неравенства человѣческаго существованія?

Умственный трудъ можетъ разсѣять предубѣжденія, враждебныя религіозной истинѣ, приготовить пути къ Евангелію, утвердить признаки его достовѣрности; но въ образованіе собственно вѣрованія, которое становится основаніемъ жизни, входитъ элементъ другаго порядка.

Почему вѣрующіе вѣрятъ? Спросите ихъ объ этомъ. Они вамъ скажутъ, что ихъ вѣра зародилась отъ встрѣчи ихъ съ обѣтованіями, благодатію, свѣтомъ, принесенными Іисусомъ Христомъ. У однихъ эта вѣра развивается мало-по-малу, у другихъ она мгновенно обнимаетъ душу; у всѣхъ она есть произведеніе жизни, жизни души въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова, жизни въ ея отношеніяхъ съ міромъ и съ Богомъ. Чтобъ объяснить вамъ ходъ своихъ мыслей, образованіе своихъ надеждъ, часто необходимо, чтобы христіанинъ разсказалъ вамъ всю свою жизнь и повѣрилъ вамъ самыя сокровенныя тайны своей совѣсти. Какъ показать все то, что̀ приводитъ къ Евангелію? Скорбь, пресыщеніе удовольствіями, разрушившіяся обольщенія, борьба противъ страстей, горькія паденія, существованіе разбитое кровною разлукою, потребность силы, потребность покоя, потреб-

ность свѣта и разумѣнія.... Но кто можетъ исчислить всѣ тѣ пути, по которымъ идутъ души? Кто можетъ указать всѣ тѣ точки на горизонтѣ, откуда приходятъ люди, которые, встрѣчаясь между собою у ногъ Іисуса Христа, единогласно, подъ тысячью формъ, выражаютъ Ему свидѣтельства слѣпорожденнаго: «я былъ слѣпъ, а нынѣ вижу»?

Можно изучать и обозрѣвать въ извѣстной мѣрѣ различные пути, которыми вѣрующіе приходятъ къ вѣрѣ; но что касается до послѣдняго факта, что касается до образованія самаго убѣжденія, это остается непостижимымъ таинствомъ и дѣломъ Божіимъ. Не думайте, чтобы здѣсь мы защищали какое-нибудь исключеніе въ пользу Евангелія, въ пользу религіи истины. Нѣтъ, это одинъ изъ существенныхъ законовъ нравственнаго и духовнаго порядка, что во всей его области, *одинъ* разсудокъ ничего не изъясняетъ полнымъ образомъ.

Лейбницъ сказалъ: «Если бы геометрія противорѣчила нашимъ страстямъ, тогда оказалось бы немало людей, оспоривающихъ твердость ея доказательствъ.» Мы не останавливаемся на этомъ парадксѣ, хотя во всѣхъ лѣтописяхъ рода человѣческаго едва ли можно найдти кого-либо болѣе правомощнаго, чѣмъ Лейбницъ, для сужденія объ этомъ предметѣ. И мы допускаемъ, что въ области наблюденія и вычисленія нѣтъ спора, который не могъ бы быть разрѣшенъ самою наукою. Какъ же скоро вы касаетесь міра духовнаго, здѣсь совершенно другое дѣло. Вы вѣрите въ Бога? И на призывъ къ безбожію, вы могли бы отвѣтить, хотя съ Волтеромъ: «Вселенная отвсюду обнимаетъ меня, и я не могу думать, чтобы эти часы существовали, а не было ихъ Художника.»

Но были же нѣкоторые астрономы-безбожники. Это, конеч-

но, удивительно, но самое это удивленіе наще утверждаетъ, а не разрушаетъ факта. Небеса и земля повѣдаютъ силу и мудрость Строителя міровъ; но если кто не воздаетъ славы Творцу при взглядѣ на былинку травы, при видѣ насѣкомаго, тому и самое глубокое изученіе не покажетъ Творца ни въ свѣтилахъ небесныхъ, ни въ чудесахъ земли. Слѣдовательно, вѣра въ Бога предполагаетъ нѣчто другое, помимо науки.

Вы вѣрите въ нравственность. Вы назовете хулителемъ того, кто бы вамъ въ лицо сказалъ, будто долгъ есть только хорошее слово, которымъ вы прикрываете исканіе собственнаго удовольствія. Но знаете ли, что дѣйствительность нравственнаго порядка была отрицаема не только людьми грубыми или легкими до безразсудства, но и мыслителями, отличавшимися силою ума? Знаете ли, что степенные философы писали толстыя книги, чтобы доказать, будто долгъ есть безсмысленное слово и будто человѣкъ всегда ищетъ только собственнаго интереса? Значитъ, и вѣра въ долгъ предполагаетъ нѣчто другое, помимо науки.

Что же такое происходитъ съ тѣми людьми, которые отвергаютъ существенныя основы духовнаго порядка? Что они, — идутъ ли сознательно противъ истины? Не знаемъ Неизвѣстно, что скажетъ имъ Богъ въ послѣдній день. Многіе изъ нихъ представляютъ задатки нравственнаго характера, достойнаго уваженія; и хотя извѣстна глубокая связь между заблужденіемъ и грѣхомъ, мы не считаемъ себя вправѣ сказать имъ, что ихъ заблужденіе происходитъ именно отъ ихъ испорченности. Но есть право утверждать это; потому что это съ полною очевидностью выводится изъ изслѣдованія фактовъ: вовсе не наука роетъ пропасть, и одна наука не можетъ наполнить эту про-

пасть между чтителями Бога святаго и людьми, отрицающими Бога и Его законъ. Въ образованіи самыхъ первоначальныхъ вѣрованій духовнаго порядка, рядомъ съ умственнымъ трудомъ, является тайна, которую нельзя измѣрить разсудочными понятіями. Говорить, что при зарожденіи христіанской вѣры, помимо науки, совершается въ душѣ нѣчто особенное, что̀ составляетъ тайну Божію, вовсе не значитъ отстаивать исключеніе въ пользу занимающаго насъ вопроса.

Но не будемъ злоупотреблять этою истиной; не будемъ разсчитывать на Божественное дѣйствіе, сами оставаясь въ сонливости; это было бы прямымъ нарушеніемъ самаго перваго нашего долга. Не будемъ разсчитывать только на дѣло благодати, не будемъ ожидать свѣта, который поразилъ Савла на пути въ Дамаскъ. Вѣра, въ ея началѣ, есть весьма часто слабый свѣтъ, который идетъ изъ глубины совѣсти: это — или мысль, иногда посѣщающая васъ, что Евангеліе, можетъ-быть, истинно, или — потребность помилованія, при которой ваши взоры обращаются къ Искупителю, или еще — удивленіе, которое вы испытываете при встрѣчѣ съ истиннымъ христіаниномъ. Такое чувство вашего сердца, такая мысль вашего ума, суть блѣдный свѣтъ утренняго разсвѣта, который, занявшись въ правой совѣсти и проводимый доброю волей, идетъ постепенно возрастая до полноты полуденнаго свѣта. Этотъ путь совершается при двухъ условіяхъ, указанныхъ Христомъ и дознанныхъ опытомъ Его учениками; эти условія: добрая жизнь и молитва, — дѣланіе дѣлъ христіанскихъ, происходящее пока не изъ вѣры, но изъ желанія вѣры; — молитва, покоющаяся пока не на увѣренности быть удовлетворенной, но на надеждѣ быть услышанной.

Здѣсь не излишне привести одинъ достопримѣчательный примѣръ. Нѣкто изъ членовъ національнаго конвента, Иснардъ, слѣдующими словами произвелъ шумъ въ этомъ собраніи, весьма впрочемъ невзыскательномъ въ отношеніи вѣры: «законъ — вотъ мой Богъ, другаго Бога я не знаю».. Спустя нѣсколько времени, онъ былъ присужденъ къ смертной казни за то, что, въ виду угрожающаго бунта, высказалъ, что если Парижъ продолжитъ свое посягательство на народное представительство, то скоро на берегахъ Сены останется только мѣсто, гдѣ былъ Парижъ. Принужденный бѣжать, онъ 16 мѣсяцевъ провелъ въ землянкѣ въ предмѣстьи св. Антонія. Тутъ-то онъ какъ бы поглощенный землею и видя предъ собою смерть, обратился къ Богу. Вотъ какъ онъ самъ передаетъ намъ о своемъ душевномъ состояніи:

«Я понялъ, что въ дѣлѣ религіи рѣшеніе истины зависитъ не столько отъ усилія нашего ума, сколько отъ расположенія нашего сердца.... Я понялъ, что среди темной ночи религіозной метафизики, истина является только проблесками, которые нужно ловить, или подобно свѣточу, который возжигается смиренною молитвой, и погашается гордостью.... Итакъ, я началъ молиться, и чѣмъ болѣе обращался къ Богу, тѣмъ становился лучше, спокойнѣе и способнѣе различать истину» (*). — Это не было минутнымъ движеніемъ сердца: Иснардъ тридцатилѣтнею, истинно-христіанскою жизнію доказалъ дѣйствительность своего обращенія и дѣйственность молитвы въ пріобрѣтеніи вѣры.

Мы не намѣрены здѣсь излагать опытовъ внутренней, духовной жизни. Кажется, мы довольно выяснили, на сколько

(*) *De l'immortalité de l'âme*, par Martin Isnard. Paris, 1802.

имѣютъ силы въ дѣлѣ религіознаго убѣжденія изученіе и изслѣдованіе.

Доселѣ мы особенно старались показать, что внѣшніе признаки откровенія Іисуса Христа представляютъ оное достойнымъ всякаго уваженія со стороны разума. Далѣе мы покажемъ, что Христіанское ученіе о вѣчной жизни совершенно согласно съ потребностями ума, сердца и совѣсти людей съ доброю волей.

ШЕСТОЕ ЧТЕНІЕ.

Христіанское ученіе о вѣчной жизни.

Воскресеніе Христа есть основаніе нашей вѣры въ вѣчную жичнь. — Вѣчная жизнь — не въ будущемъ только, вѣчность обнимаетъ собою еще и настоящее и прошедшее. — Вѣчно-живо только святое, или — что̀ можетъ быть освящено. — Тѣло не есть преходящій элементъ нашей природы. — Ученіе о нашемъ воскресеніи соотвѣтствуетъ даннымъ истинной философіи. — Новое небо и новая земля. — Небесное Царство будетъ обществомъ душъ, соединенныхъ святыми привязанностями, въ ихъ тѣснѣйшемъ единеніи съ Богомъ. — Два періода вѣчной жизни: періодъ вѣры и періодъ видѣнія.

Исторія представляетъ намъ человѣка всюду и всегда — въ заботахъ, въ безпокойствѣ о своемъ будущемъ. На вопросы объ этомъ будущемъ обширный Востокъ, мы слышали, отвѣчаетъ самымъ грустнымъ образомъ; тутъ ожиданіе будущаго есть ожиданіе лишь покоя, глубокаго, безпробуднаго сна. Въ Греціи, кромѣ поэтическихъ представленій народной фантазіи о загробной жизни, мы знаемъ слово мудрыхъ. Они оказали безсмертную услугу человѣческому духу, неоспоримо утвердивши нѣкоторыя его преимущества, выставивши духовную природу мыслящаго начала; но они колебались предъ мыслію о личномъ и сознательномъ будущемъ, и лишь утѣшались разсужденіемъ, что жизнь имѣетъ мало цѣны, что еслибъ ее смѣнило ничтожество, все-

таки сладко умереть. Такъ разсуждалъ даже Сократъ. Вспоминая жизнъ аѳинскаго философа, столь цѣлостную и одушевленную, протекшую подъ прекраснымъ небомъ Греціи, въ кругу самаго благороднаго сообщества, — нельзя не удивляться, что онъ такъ низко оцѣнилъ жизнь.

Съ явленіемъ въ міръ Іисуса Христа, отъ Его слова, у Его учениковъ является глубокая вѣра въ безсмертное будущее. Человѣчество услышало твердое слово, которое, отвѣчая его глубочайшимъ потребностямъ, преобразуетъ его предчувствія смѣшанныя съ сомнѣніемъ въ радостную и свѣтлую увѣренность.

Можемъ ли и мы полагаться еще на эти высокія надежды? Можемъ ли и мы, на голосъ скорби, угрожающей намъ или поражающей насъ, на глаголъ времени, увлекающаго насъ, на всѣ тѣ голоса, которые говорятъ намъ: «я привожу васъ къ смерти», — можемъ ли мы отвѣчать, съ смиренною, но твердою надеждой «нѣтъ, мы идемъ къ жизни»? Можемъ ли мы, когда лишаемся кого-нибудь, — вмѣсто того чтобъ говорить; «ихъ больше уже нѣтъ», можемъ ли говорить: «они родились въ жизнь небесную»? Нѣкоторые говорятъ, что это невозможно. Ссылаются на современную науку, будто она внесла въ число суевѣрій вѣру въ Воскресшаго и даровавшаго жизнь вѣрующимъ въ Него. Мы старались показать противное, и доказать, что *наука* этого не сдѣлала. Злоупотребляютъ именемъ науки, ссылаясь на нее въ своихъ мечтахъ, — «будто скоро придется присутствовать при похоронахъ устарѣвшаго Христіанства, — будто оно ветшаетъ, какъ и все, — будто близко время, когда оно останется только въ воспоминаніи, — будто надежды человѣческаго рода, спасеннаго на Голгоѳѣ, были лишь мечтою двадцативѣковою, — будто эти надежды, наконецъ, снова

слягутъ во гробъ, который запечатается уже на вѣки... Нѣтъ, нѣтъ, оставимъ эти напрасные страхи душамъ разслабленнымъ, у которыхъ сердце оцѣпенѣло и потчи перестало биться, и у которыхъ глаза ослабѣли въ темнотѣ. Не будемъ смущаться мрачною радостью тѣхъ несчастныхъ безумцевъ, которые въ прекращеніи бытія думаютъ видѣть утѣшеніе отъ смерти, воображаютъ, что солнце уже исчезло, когда вокругъ себя они произвели ночь, вздымая прахъ могильный. Христосъ воскресъ, Онъ живъ и будетъ жить вѣчно.» (Lamennais, *Affaires de Rome.*)

Воскресъ Христосъ: вотъ основаніе истиннаго покоя, основаніе вѣры, которая надѣется безъ гордости и смиряется безъ унынія, потому что ея надежда утверждена въ любви Божіей и въ помилованіи отъ Бога.

Іисусъ Христосъ есть *путь жизни* — постоянной и безконечной. Вѣчная жизнь есть примиреніе съ Богомъ; и кто представляетъ себѣ Бога единымъ, вѣчнымъ, тотъ пойметъ, что примириться съ Нимъ значитъ войдти въ вѣчность. Вѣчная жизнь — не въ будущемъ только, вѣчность обнимаетъ собою еще настоящее и прошедшее. И потому вѣчная жизнь уже существуетъ въ душахъ, соединившихся съ своимъ Творцомъ.

Выраженіе: «вѣчная жизнь», если мы не ошибаемся, встрѣчается въ книгахъ Новаго Завѣта сорокъ разъ, и все въ одномъ и томъ же смыслѣ; это — блаженство, назначенное намъ отъ Бога, — состояніе, ради котораго мы и воззваны изъ ничтожества. Ѳома Аквинскій говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Богъ сотворилъ все *для бытія*». Въ первый разъ, какъ мы встрѣтили эти слова, они показались намъ наивными. Вдумываясь въ нихъ, мы увидѣли глубокій смыслъ: они представляютъ собою какъ бы переводъ слѣ-

дующей мысли Іисуса Христа: «Богъ нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ». Богъ сотворилъ все *для бытія;* а такъ какъ дѣйствія Божіи непреложны, то Онъ извлекъ насъ изъ ничтожества не затѣмъ, чтобы опять погрузить въ ничтожество, — Онъ далъ намъ жизнь не затѣмъ, чтобъ умертвить насъ. Мы вовсе не однодѣнное произведеніе игры всеобщей жизни, не преходящее обнаруженіе силъ природы; мы — *существа,* а существа, сотворенныя изволеніемъ Бога, *пребываютъ*: здѣсь основаніе для вѣры, здѣсь также опора и разуму. Матеріалисты, отвергая безсмертіе, тѣмъ самымъ принуждены отвергать *бытіе,* — вводя человѣка въ рядъ переходныхъ явленій, какія производятся и уничтожаются движеніемъ матеріи, единственной дѣйствительности, по ихъ понятію.

Богу угодно, чтобъ мы *существовали.* Но въ какомъ состояніи? Въ состояніи святости, т. е. чтобъ мы желали добра и находили въ немъ свое счастіе, блаженство. Намъ открытъ планъ Вѣчнаго. Онъ сотворилъ насъ по Своему образу, и далъ намъ преимущество: утвердить наше господство надъ элементами природы, въ предѣлахъ, начертанныхъ Его мудростію и благостію. Сущность человѣка состоитъ въ разумной и свободной силѣ; она въ Немъ образъ Того, Который все можетъ. Но сила сотворенная должна согласоваться съ планами силы Творческой. Мы должны говорить: «Да будетъ воля Твоя»; и въ этомъ состоитъ *святость!* Желать того, чего Богъ желаетъ, значитъ желать исполненія безусловнаго порядка; въ этомъ состоитъ *святость,* а также и *блаженство.* Блаженство, счастіе есть свѣтъ, истекающій изъ исполненія долга.

Здѣсь мы должны нѣсколько остановиться, чтобы изслѣдовать мысль довольно распространенную и значительную

по своимъ послѣдствіямъ, ведущимъ къ вредному индифферентизму.

Нерѣдко на мысли о милосердіи Бога отдыхаютъ, какъ на мягкомъ возглавіи, нисколько не заботясь объ исполненіи долга, воображая, что Милосердый съ равною снисходительностью принимаетъ всѣхъ преставльшихся къ Нему, какъ будто послѣдній вздохъ земной жизни уже необходимо, во всякомъ случаѣ, самъ по себѣ есть первое дыханіе жизни небесной. Такимъ людямъ Богъ нуженъ только послѣ ихъ смерти, чтобы простить ихъ! Въ какого бога они вѣруютъ? Ихъ богъ далекъ отъ нихъ, онъ дремлетъ въ продолженіе ихъ настоящей жизни и пробуждается только въ опредѣленное время, вспомнивши о своей благости! Мы не знаемъ такого бога. Тотъ, Котораго мы знаемъ, есть Богъ, *о Немъ же мы живемъ и движемся и существуемъ,* Который присутствуетъ и на землѣ, близъ насъ, также какъ и на небесахъ, Который видитъ насъ и знаетъ наши несчастія лучше, чѣмъ мы сами ихъ знаемъ. Эти несчастія, печальный удѣлъ нашей падшей природы, громко вопіютъ, что счастіе, блаженство — только въ порядкѣ; что Богъ блюдетъ законы, которые Онъ установилъ; что въ Его царствѣ и предъ Его очами грѣху сопутствуетъ страданіе, за заблужденіями сердца слѣдуетъ бѣдствіе, какъ тѣнь слѣдуетъ за тѣломъ подъ лучами солнца. Съ трепетомъ въ сердцѣ и съ ужасомъ въ умѣ, самый умъ, наученный опытностью, заставляетъ насъ заключать, что тамъ будетъ тьма безъ конца, гдѣ возмущеніе противъ свѣта будетъ продолжаться до конца... Не объ этомъ собственно наша бесѣда. Но было бы непростительною слабостью съ нашей стороны совершенно умолчать объ этомъ: это значило бы пожертвовать истиною — желанію не огорчить кого-либо.

Вѣчная жизнь есть святая жизнь. Надъ дверьми царствія небеснаго читается такое надписаніе: «Ничто нечистое или скверное не войдетъ сюда».

Вѣчно только святое, или — что̀ можетъ быть освящено; и такъ какъ святость есть присутствіе самаго Бога въ насъ, общеніе нашей души съ Вѣчнымъ, то все что̀ есть святаго или что̀ можетъ быть освящено, принадлежитъ вѣчной живни. Но что̀ можетъ быть освящено въ насъ? — Все наше существо, какъ это угодно нашему Творцу, ибо Онъ сотворилъ все *для бытія*; говоримъ: «все наше существо», или — словами апостола Павла: *все и духъ, и душа, и тѣло* (1 Θессал. V 23). Остановимся нѣсколько на послѣднемъ словѣ.

Тѣло не есть преходящій элементъ нашей природы. Оно и въ будущей экономіи, какъ въ настоящей, должно составлять необходимую часть нашего существа. Тѣло не должно уничтожиться, но должно подвергнутся преобразованію, которое сдѣлаетъ его неразрушимымъ и славнымъ. Аѳиняне терпѣливо слушали апостола, когда онъ говорилъ имъ о Богѣ-Творцѣ; но смѣялись надъ нимъ, когда онъ сказалъ имъ о воскресеніи. Это ученіе и теперь еще возбуждаетъ противъ себя много возраженій. Однако оно именно есть одинъ изъ краеугольныхъ камней истинной науки о человѣкѣ Время не замедлитъ доказать это. И мы, хотя кратко, можемъ представить нѣсколько указаній касательно этого предмета.

Мысль, вообще довольно распространенная въ древности и преобладающая въ философіи восточной, состоитъ въ томъ, что тѣло есть презрѣнный элементъ, зло. Изъ этой мысли вышли два направленія, совершенно противоположныя. Одни думаютъ, что мудрый долженъ искать себѣ убѣ-

жища въ высшей части своей природы, ни въ какомъ случаѣ не заботясь о сохраненіи грубаго тѣла, и потому собственно, что призираютъ тѣло, даютъ просторъ всѣмъ его склонностямъ, всѣмъ его стремленіямъ. Такимъ образомъ распущенность берется подъ защиту философіи. Другіе мыслители болѣе ненавидятъ, чѣмъ презираютъ тѣло. Они стараются, сколько возможно, угнетать этого врага души, отказыя ему во всемъ, что̀ переступаетъ предѣлы строгой необходимости; такимъ образомъ доходятъ до тѣхъ безразсудныхъ изможденій, примѣры которыхъ особенно видны въ Индіи. Итакъ, изъ мысли, что тѣло презрѣнно и зло, выходятъ два прямо противоположныя слѣдствія: полнѣйшая нравственная разнузданность и самый суровый аскетизмъ. Евангеліе однимъ словомъ изсушаетъ источникъ этихъ заблужденій: тѣло должно быть освящаемо, оно должно быть «храмомъ Святаго Духа». Надобно противиться плоти, т. е. злымъ похотямъ и неправильнымъ пожеланіямъ; надобно господствовать надъ организмомъ, потому что органы должны служить духу: но тѣло само въ себѣ добро и, по своему, призвано къ прославленію Бога.

Обратимся теперь къ другой идеѣ, которая близка къ той, о которой мы сейчасъ говорили. Въ тѣхъ же самыхъ ученіяхъ, которыя смотрятъ на организмъ, какъ на низшее и злое начало, встрѣчается направленіе, думающее видѣть въ тѣлѣ условіе личнаго существованія, слѣдовательно допускающее, что душа безъ тѣла не имѣла бы и самосознанія. Физіологія и психологія доставляютъ наведенія довольно крѣпкія къ поддержкѣ этихъ воззрѣній, такъ что философіи, допускающей существованіе душъ въ чистомъ состояніи, часто приходится быть въ спорѣ съ опытными науками. — Евангеліе говоритъ, что тѣло воскреснетъ, и такимъ

образомъ Евангеліе даетъ твердую почву, гдѣ натуралисты и философы могутъ встрѣтиться въ истинѣ

Таковы важныя слѣдствія христіанскаго ученія о воскресеніи тѣлъ. Но умы, довольствующіеся полузнаніемъ, мы желали бы сказать *полунаукою*, — опираясь на то, что частицы матеріи переходятъ изъ одного организма въ другой, со смѣхомъ спрашиваютъ: что будутъ дѣлать души въ минуту воскресенія,— какъ онѣ станутъ отыскивать свою оболочку, которую онѣ сбросили, когда однѣ и тѣ же частицы преемственно принадлежали множеству душъ? Поверхностное знаніе удаляетъ отъ религіи, говорилъ Бэконъ, а неповерхностное приводитъ къ религіи. Эти слова приложимы и въ настоящемъ случаѣ. Развѣ наука говоритъ только одно, что разрушающееся тѣло уступаетъ свои частицы другимъ организующимся формамъ? Наука говоритъ также, что въ продолженіе жизни матеріальныя частицы тѣла всецѣло возобновляются. Въ нашемъ настоящемъ тѣлѣ уже нѣтъ ни одной изъ матеріальныхъ частицъ его, какія были въ немъ назадъ двадцать лѣтъ. Не препятствуетъ же это — считать намъ наше тѣло однимъ и тѣмъ же? Что же это за тѣло, всегда тождественное себѣ, несмотря на возобновленіе всѣхъ его частицъ? Это есть то начало органической жизни, которое имѣетъ силу владѣть элементами матеріи, давать имъ форму и жизнь, совлекаться ихъ въ извѣстное время, чтобъ отдать ихъ въ общее обращеніе, принявъ въ себя новые элементы. Это-то начало, тѣсною связью связанное съ душою, и есть единое и пребывающее тѣло. Вотъ чему учитъ *наука;* но, еще прежде науки, св. Павелъ довольно ясно высказалъ это, когда говорилъ Коринѳянамъ (1 посл. XV) о зернѣ, которое умирая даетъ жизнь растенію, въ которомъ однако уже нѣтъ ни одной изъ частицъ самаго сѣмени. Стоитъ про-

читать вполнѣ изложеніе мысли апостола, чтобъ понять это преображеніе тѣла, дѣлающагося славнымъ и духовнымъ въ будущей экономіи; тогда станетъ также понятнымъ все, что̀ есть поверхностнаго въ извѣстныхъ возраженіяхъ невѣрія. Возвратимся къ главному нашему предмету.

Мы сказали, что вѣчной жизни принадлежитъ все, что̀ есть въ насъ. Это – разумъ, воля, законныя привязанности, чистыя радости и самые предметы нашихъ привязанностей, неотдѣлимые отъ нихъ. Всѣ праведно умершіе живы, или лучше, на небѣ и на землѣ нѣтъ мертвыхъ, кромѣ насъ и нашихъ страстей, доколѣ мы пребываемъ въ удаленіи отъ Того, Кто есть Источникъ жизни. Здѣсь мы не будемъ приводить текстовъ. Возьмите сами Новый Завѣтъ, читайте со вниманіемъ и смотрите, есть ли въ немъ хоть одна страница, одна строка, которая бы позволяла предполагать, будто послѣ смерти мы не будемъ жить, не будемъ имѣть самосознанія, не будемъ въ святомъ обществѣ, котораго средоточіемъ и вѣчнымъ свѣтомъ будетъ Тотъ, Кто благоволилъ быть здѣсь нашимъ братомъ. Относительно этого предмета одинъ изъ писателей древней Церкви, Тертулліанъ, такъ говоритъ: «Наши взаимныя связи сдѣлаются тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ лучше самая жизнь, къ которой мы назначены, — въ воскресеніи мы будетъ жить въ духовномъ общеніи. Когда мы будемъ близь Бога, то будемъ также близь другъ друга, потому что въ Богѣ мы всѣ будемъ какъ одинъ.» Да, «души, которыя здѣсь встрѣтились и сошлись въ чистой, взаимной любви, еще лучше узнаютъ одна другую, и еще крѣпче полюбятъ одна другую, когда встрѣтятся предъ лицомъ Бога. Когда несовершенство разсѣется отъ совершенства, когда вѣра измѣнится въ видѣніе, тогда и любовь, приближенная

къ источнику всякой любви, къ Богу, Который есть любовь, — будетъ еще расти и очищаться» *(Неандеръ)*.

Итакъ все, что есть въ насъ, должно войдти въ царство небесное, кромѣ грѣха, потому что грѣхъ не есть *бытіе*, а только уклоненіе отъ того, что дѣйствительно существуетъ. Грѣхъ есть возмущеніе нашей воли, а не сама воля; онъ есть заблужденіе мысли, но не мысль, — есть безпорядокъ сердечныхъ движеній, а не сила любви. И это уклоненіе, это извращеніе природы не есть дѣло Божіе, а печальное твореніе самой твари. Все наше существо создано для небеснаго будущаго, только — существо, совлеченное отъ эгоизма, который есть корень грѣха. Надобно отречься отъ этого *я*, чтобъ оно не становилось центромъ нашей жизни, своего рода божествомъ, которому воздвигается алтарь предъ лицемъ Бога живаго; надобно войдти въ планы общаго Отца, любить себя какъ одного изъ членовъ великаго семейства, такою же любовію, какою любимъ другихъ, — почувствовать, что всякая эгоистическая радость есть зло, что наше счастіе должно состоять въ счастіи всѣхъ. Надобно разрушить тѣ средостѣнія, которыя воздвигаетъ гордость, — понять, что въ вѣчныхъ обителяхъ, если будемъ достойны войдти въ нихъ, мы встрѣтимъ самаго бѣднаго, самаго слабаго, самаго ничтожнаго, самаго презрѣннаго изъ подобныхъ намъ, если онъ отзовется на призывъ Бога, хотя бы *въ единонадесятый часъ!* Пусть эта мысль иногда противорѣчитъ нашему сердцу. Изъ подобныхъ намъ есть и такіе, о которыхъ подчасъ мы готовы сказать, что съ ними мы не желали бы быть и въ раю. Но въ подобныхъ случаяхъ надобно представлять себѣ: что̀ еслибы, по особеннымъ судьбамъ Промысла, этотъ презираемый, или этотъ достойный презрѣнія былъ нашимъ братомъ, или отцемъ, или

сыномъ, неужели мы возстали бы противъ опредѣленія, которое даруетъ ему милосердіе и благодать? Будемъ же поступать въ отношеніи къ другимъ такъ, какъ мы желаемъ, чтобъ другіе поступали съ нами!

Итакъ все, что способно быть освященнымъ, принадлежитъ вѣчности, и потому вѣчность нѣкоторымъ образомъ начинается еще здѣсь. То, что́ чисто, что́ благо, что̀ угодно Богу,—угодно Ему на вѣки. Опытъ жизни не даетъ ли намъ въ этомъ отношеніи высокаго вразумленія? Всякая грѣховная радость производитъ отвращеніе; всякое незаконное удовольствіе производитъ пресыщеніе; душа, отдавшаяся похотямъ, непрестанно увлекается отъ желанія къ желанію, отъ обольщенія къ обольщенію, между тѣмъ какъ чистыя радости однѣ тверды и пребывающи; и душа, обратившаяся къ Богу и въ Богѣ ищущая своего покоя, и здѣсь представляется уже избѣгающею, въ нѣкоторой мѣрѣ, быстрой скоротечности земныхъ вещей. Такимъ образомъ погибнующіе элементы нашего существа какъ бы заранѣе сказываются и опредѣляются собственною ихъ устойчивостью. Царствіе небесное есть и на землѣ, только оно тутъ какъ бы подъ покровомъ, какъ свѣтъ неба въ самый сумрачный день. Не будь облаковъ, и мы увидѣли бы вѣчную лазурь. И вотъ, Іисусъ Христосъ, Который есть путь для насъ, *имѣетъ жизнь въ Самомъ Себѣ,* — свободный отъ мрака грѣха, Онъ есть живое осуществленіе первоначальнаго плана творенія; сверхъестественный въ мірѣ грѣха, Онъ есть единственный естественный человѣкъ по опредѣленію Вѣчной Любви. Но Онъ пришелъ къ намъ для того, чтобъ истинная жизнь началась и здѣсь, въ душѣ Его учениковъ. Вѣчная жизнь будетъ только раскрытіемъ того сѣмени, которымъ отнынѣ обладаютъ всѣ тѣ, которые отдались Богу.

Зерно, которое бросаютъ въ землю, уже заключаетъ въ себѣ и цвѣты и плоды, какіе оно принесетъ подъ вліяніемъ плодотворнаго дождя и живительныхъ лучей солнца. Такъ точно Богъ вложилъ въ насъ плодотворное сѣмя, для всецѣлаго раскрытія котораго не достаетъ только небеснаго воздуха и солнца вѣчности.

Не забудемъ впрочемъ всей важности преображенія, которое готовится намъ въ будущемъ: вѣчная жизнь есть и здѣсь, но въ какихъ условіяхъ? Здѣсь святость постоянно вблизи скверны, здѣсь только бѣглые проблески свѣта, исчезающіе въ темнотѣ, — минутныя радости, быстро уносимыя вѣтромъ непостоянства. Но у насъ есть болѣе высокая надежда. Мы ожидаемъ лучшаго, чѣмъ одно, болѣе или менѣе славное, продолженіе настоящей жизни; мы ожидаемъ *новаго* неба и *новой* земли, гдѣ будетъ обитать правда, не нарушаемая оскорбленіями несчастія и грѣха.

Попытаемся подняться до представленія этой будущей экономіи. Приступимъ къ этому съ вѣрой дѣтей, но съ умомъ взрослыхъ, какъ внушаетъ апостолъ Павелъ. Не будемъ навязывать нашей вѣрѣ всѣхъ капризовъ нашей мысли и всѣхъ фантазій нашего воображенія.

Каково будетъ вѣчное царство? Отдайтесь самымъ лучшимъ вашимъ мечтамъ; представьте въ мірѣ будущемъ холмы, покрытые цвѣтами, красоты которыхъ не вѣдаетъ земля; пусть этотъ видъ отражается въ водахъ чистѣйшихъ самаго чистаго кристалла нашихъ водъ; освѣтите эти мѣста лучами никогда незаходящаго солнца; представьте, что изъ глубины долинъ Рая и съ вершинъ горъ Вѣчности несутся звуки безконечнаго славословія.... Чего, — какого представленія вы достигли? Предъ вами поэтическій образъ, украшенный идеалами той дѣйствительности, которая вамъ

извѣстна. Провѣрьте теперь этотъ образъ размышленіемъ. Оно научаетъ насъ, что звукъ зависитъ отъ уха и цвѣтъ отъ глаза. Всѣ представленія, составляемыя при посредствѣ настоящей нашей организаціи, не имѣютъ никакой цѣны въ другомъ образѣ существованія. Земной глазъ не можетъ воспринимать другаго свѣта, кромѣ земнаго; земное ухо не можетъ дать намъ никакой мысли о мелодіи небесной. Измѣнись наши органы, все измѣнится для насъ; самая высокая поэзія не можетъ поднять даже края той завѣсы, которою закрывается отъ насъ будущее.

Вотъ что́ говоритъ умъ людей взрослыхъ. Будущій міръ всецѣло ускользаетъ отъ настоящаго нашего воображенія. Итакъ если кто думалъ, быдто мы взялись воспроизвести исторію Рая, точную картину будущей жизни, тѣ ошиблись въ своемъ ожиданіи. Но пусть это не возмущаетъ никого. Знаніе имѣетъ предѣлъ, но вѣра безконечна. Имѣть великую вѣру не значитъ много знать, многое умѣть *представить* себѣ, но значитъ много *любить* и много довѣряться. Вѣра есть чудное познаніе которое наполняетъ свои собственные пробѣлы и само собою восполняетъ свою недостаточность; ибо вѣра есть увѣренность, что воля Бога добра и совершенна, и что, когда мы удостоимся вполнѣ узнать ее, она будетъ пріятна нашему сердцу.

Итакъ, оставимъ напрасныя попытки *представить* себѣ Рай. Но съ другой стороны остережемся того отвлеченнаго идеализма, который готовъ изгладить всѣ обѣтованія, которыя составляютъ нашу силу и нашу надежду. Наше будущее есть жизнь, — жизнь дѣйствительная и полная. Мы будемъ, съ *тѣлами* духовными и прославленными, въ святомъ *обществѣ;* и если небесныя красоты не соотвѣтствуютъ нашимъ самымъ лучшимъ мечтамъ, это не отъ того, будто

наше воображеніе беретъ слишкомъ высокій полетъ, но — отъ его безсилія достигнуть той дѣйствительности, которая превышаетъ его. Итакъ будемъ исполнены надежды въ смерти; и, не вдаваясь въ мечтательныя представленія, постараемся, — сколько это возможно для нашей слабости, —испытать глубину слова: вѣчность. Для этой цѣли, возьмемъ жизнь и постараемся освободить ее отъ смерти, — не отъ предѣла только жизни, но отъ того постепеннаго, продолжающагося умиранія, которому служитъ только видимымъ окончаніемъ то, что̀ обыкновенно называютъ смертію.

При первомъ взглядѣ на вселенную, кажется, что въ нашемъ мірѣ происходитъ только однообразное преемство всегда однихъ и тѣхъ же предметовъ. Воды изъ нашихъ источниковъ текутъ въ океанъ. Подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, онѣ переходятъ въ пары, образуютъ облака, и дождемъ и снѣгомъ опять спускаются въ тѣ же источники, изъ которыхъ вышли. Зима смѣняется весною, весна лѣтомъ, лѣто осенью, и опять наступаетъ зима. По видимому всё — смѣны, но смѣны однообразныя! Всмотритесь ближе. Въ дѣйствительности, все мало по-малу разрушается медленнымъ дѣйствіемъ времени. Горы нечувствительно понижаются и спускаются въ долины. Наука говоритъ объ исчезнувшихъ видахъ животныхъ, которыхъ она находитъ остатки, и все лучше и лучше даетъ уразумѣть намъ, что почва нашей планеты есть огромное кладбище того, что̀ прежде жило. Астрономы говорятъ также о звѣздахъ, что и онѣ старѣются и исчезаютъ въ пространствахъ небесныхъ. Правда, жизнь поддерживается. Но что̀ значитъ одно поколѣніе въ ряду поколѣній, которыхъ нѣтъ уже больше, и тѣхъ, которыхъ еще нѣтъ? Такимъ образомъ вокругъ насъ время всюду яв-

ляется силою смерти. А что мы находимъ въ насъ самихъ? Одна мысль раждается въ нашемъ умѣ только подъ условіемъ смерти другой мысли, предшествовавшей: мы не можемъ образовать двухъ мыслей заразъ. Еслибы намъ не было дано удерживать въ памяти нѣкоторыя частицы прошедшаго, и предвидѣніемъ нѣсколько простираться въ будущее, — еслибы мы были поставлены въ предѣлахъ только настоящаго мгновенія, то мы имѣли бы развѣ время только сознать самихъ семя и сказать *я;* потому что настоящее есть ни что иное, какъ неуловимой мигъ, отдѣлящій то, чего нѣтъ *уже,* отъ того чего нѣтъ *еще.* Равнымъ образомъ наши радости и наши скорби умерщвляются временемъ. Что болѣе скоропреходяще, какъ не удовольствія нашего сердца? И не испытываемъ ли мы всей дѣйствительности этихъ словъ: «наше несчастіе такъ велико, что мы не имѣемъ даже силы быть долго несчастными.» — Теперь, снимите съ жизни это разрушеніе, это постоянное умираніе; вмѣстите зрѣлость опытности въ порывы молодости; присоедините мудрость старца къ энтузіазму юноши; пусть сердце, богатое радостями, не лишается ихъ, предаваясь новымъ радостямъ: тогда предъ вами будетъ жизнь полная, постоянно возрастающая, всегда поднимающаяся, никогда не упадающая, въ сравненіи съ которою теперешняя жизнь представилась бы подобіемъ смерти; при всемъ томъ вы не достигнете еще понятія о жизни вѣчной.

Чтобъ имѣть вѣчность, нужно не преемство смѣняющихся мыслей, но единая мысль всегда тождественная себѣ; нужна не смѣна стремленій, но единая воля, утвержденая на неизмѣнномъ ея предметѣ; нужны не радости, восполняющіяся одна другою, но одна радость полная, совершенная, для которой невозможно никакое увеличеніе. Этимъ

требованіямъ отвѣчаетъ только единое: *Богъ, Богъ знаемый, желаемый, любимый;* въ этомъ-то познаніи, въ этой волѣ и въ этой любви — вѣчное обращеніе жизни Божественной. Не это ли самое внушается намъ словомъ Божіимъ: «Мы увидимъ Бога», сказалъ Іисусъ Христосъ; «Мы узнаемъ какъ сами познаны», сказалъ апостолъ Павелъ. Но какимъ образомъ Богъ знаетъ насъ? Онъ знаетъ наши мысли не изъ нашихъ словъ, наши желанія не изъ нашихъ дѣлъ, нашу природу не изъ внѣшнихъ ея обнаруженій; Онъ знаетъ насъ прямо, въ нашемъ средоточіи. Мы же теперь не знаемъ Его такимъ образомъ. Теперь мы видимъ лишь въ природѣ нѣкоторые слѣды Его славы и въ человѣчествѣ нѣкоторыя лучи Его любви. Въ другой экономіи, мы прямо увидимъ природу и человѣчество въ самомъ ихъ центрѣ; мы узнаемъ всѣ вещи въ Богѣ, Который есть ихъ начало. Тогда снимутся всѣ покровы, и нашъ взоръ будетъ въ состояніи погрузиться съ самый источникъ безконечной любви. Тогда мы будемъ имѣть только одну мысль. но она будетъ обнимать все существующее: мы будемъ дѣйствовать по одной только волѣ, но волѣ, которою все держится. Тогда откроется предъ нами разрѣшеніе тайнъ, гармонія всѣхъ противоположностей, неисчерпаемое разнообразіе въ совершенномъ единствѣ. Тогда природа станетъ благодатію, а благодать будетъ природою; или лучше, внѣ области грѣха, которымъ преломленъ единственный лучъ Вѣчной любви, благодать и природа, въ ихъ высшемъ единствѣ, получатъ новое имя, которое здѣсь никому не дано выговорить

Итакъ есть двоякое видѣніе Бога: одно неясное, видѣніе времени,—другое ясное, видѣніе вѣчности. Но кто сей Богъ, котораго мы познаемъ? Будемъ ли мы поглощены въ Богѣ съ забвеніемъ всѣхъ подобныхъ намъ и всей твари?.. Оста-

новимся нѣсколько на этой печальной мысли, которую мы уже опровергали и которую надлежитъ опровергать и опровергать. Есть ученіе, которымъ отрицается то, что утверждается нашею Вѣрою: бытіе вѣчнаго *общества* чадъ Божіихъ. Отправляясь отъ мысли, что Богъ все создалъ для *Своей* славы, это ученіе заключаетъ, будто въ *Его* присутствіи нельзя имѣть мысли *о тваряхъ*. Дѣйствительно, Богъ все создалъ для Своей славы; но кто читалъ Евангеліе, тотъ долженъ понимать, что Его слава состоитъ въ Его благости. Тотъ долженъ понимать также, кто помимо грѣховныхъ привязанностей, нельзя противополагать Творца Его твореніямъ,—любовь Отца любви Его дѣтей. Богъ есть любовь; познать Его значитъ познать планъ и предметы Его милосердія; желать того, что Ему угодно, значитъ желать счастія всѣмъ, кого Онъ любитъ. Правда, Богъ есть ревнитель, Онъ желаетъ всего нашего сердца, потому что Онъ одинъ можетъ удовлетворить его; но если Онъ желаетъ овладѣть нашимъ сердцемъ, то съ цѣлію—очистить его, исторгнуть изъ него эгоизмъ, удаляющій насъ отъ подобныхъ намъ также, какъ и отъ Бога; — чтобъ мы возмогли, въ Немъ и чрезъ Него любить всѣхъ членовъ Его безпредѣльнаго семейства. Ахъ, какъ намъ трудно вѣрить въ Божественную любовь! Но вотъ, Богъ Всевышній, который во дни Моисея наименовалъ Себя «*Сущимъ*», который весь Ветхій Завѣтъ наполнилъ свидѣтельствами о Своей верховности, — сей Богъ водни Евангелія пріемлетъ новое имя; и изъ всѣхъ именъ, могущихъ обозначать Его свойства, избираетъ одно: Онъ именуетъ Себя *Отцемъ*, и чтобъ мы, обращаясь къ Нему, никогда не отдѣляли себя отъ своихъ братьевъ, Ему угодно, чтобъ мы взывали: «Отче *нашъ*»! Іисусъ Христосъ не опускаетъ ни одного случая напоминанія, что любовь къ Богу неотдѣлима отъ любви къ ближнему. Когда апостолъ гово-

ритъ, что Богъ будетъ *все*, онъ прибавляетъ *во всѣхъ*, чтобъ никто не подумалъ, будто Богъ поглотитъ въ Себѣ существа, Имъ сотворенныя. И этимъ-то высокимъ и сладостнымъ откровеніямъ противополагаютъ теорію, которая выдаетъ за истину выводы ограниченнаго и произвольнаго смышленія человѣческаго!

Нѣтъ, — мы знаемъ, что Богъ сотворилъ все *для бытія*; посему наши братья суть братья наши на вѣкъ; Творецъ создалъ сердце человѣка, чтобъ оно вѣчно любило небеснаго Отца и въ Немъ вѣчно любило каждаго изъ Его дѣтей. Святыя привязанности вѣчны; ибо любовь пребываетъ всегда.

Такимъ образомъ, вѣчная жизнь является намъ въ двоякомъ видѣ: она начинается для насъ во времени, это—пора *вѣры;* она будетъ продолжаться въ вѣчности, то—вѣкъ *видѣнія;* но въ своей сущности она всегда состоитъ въ одномъ и томъ же: «желать угоднаго Богу».

Но теперь,—намъ, поставленнымъ въ условія времени, дано ли обнять что-нибудь будущаго вѣчнаго? не отдаваясь обманчивымъ фантазіямъ воображенія, душа наша можетъ ли обладать хотя нѣкоторымъ предчувствіемъ своего будущаго состоянія?

Назадъ тому болѣе 1400 лѣтъ, занимающій насъ вопросъ о вѣчной жизни былъ предметомъ бесѣды между одною женою, близкою къ смерти, и юношею, который рѣшился умереть для страстей. Случалось ли вамъ видѣть гравюру картины *Эри Шефферъ:* «Августинъ и его мать Моника»? Замѣчали ли вы эти два взора обращенные къ небу, гдѣ одинъ ищетъ обрѣсти предвкушеніе близкаго блаженства, а другой—силу необходимую для подвига въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Церкви? Вотъ страница изъ Блаженнаго Августина, послужившая вдохновеніемъ для кисти художника:

«Съ приближеніемъ дня, когда моей матери надлежало оставить эту жизнь, разъ мы стояли съ нею у окна, видъ изъ котораго простирался въ садъ дома, въ который мы вошли, у пристани Остіи. Здѣсь, вдали отъ толпы, послѣ труда долгаго пути, мы собирались съ силами на дальнѣйшее плаваніе. Мы были одни, бесѣдуя съ невыразимою сладостію; и, «забывая прошлое, простираясь же впередъ», мы разсуждали между собою о томъ, какова будетъ для святыхъ та вѣчная жизнь, «которой ни глазъ человѣка не видѣлъ, ни ухо его не слышало, и которая на сердце ему не всходила». И, носимые порывомъ любви къ *Сущему,* мы восходили по степенямъ тѣлъ даже до пространствъ небесныхъ, откуда луна, солнце и звѣзды посылаютъ намъ свой свѣтъ. И восходя еще выше нашею мыслію, нашимъ словомъ, нашимъ удивленіемъ къ Твоимъ дѣламъ, Господи, мы устремлялись нашими душами за предѣлы всего видимаго, силясь постигнуть Мудрость несотворенную, которая есть, была и будетъ всегда тою же, или лучше для которой нѣтъ ничего прошедшаго и ничего будущаго, но — единое всегда сущее настоящее, ибо она вѣчна. Бесѣдуя такимъ образомъ, въ нашихъ стремленіяхъ къ оной жизни, мгновенно мы касались ея порывомъ сердца, и вздыхали о ней, слагая тамъ плѣнными наши начатки духа, и, снова нисходили въ область звуковъ голоса, отдаваясь слову, которое начинается и оканчивается. Мы говорили: что̀ еслибъ въ душѣ смолкли возмущенія плоти, и сама она погрузилась въ молчаніе и, такъ сказать, забывши саму себя, переступила бы свой внутренній порогъ; что̀ если бы всякій голосъ замеръ въ молчаніи, когда душа возвышается къ Творцу всяческихъ; — и возглаголалъ бы ей Онъ одинъ, уже не чрезъ твореніе, но Самъ Собою,— Онъ,

котораго мы любимъ въ твореніи;—что̀ если бы мысль наша продлила это свое пареніе, если бы устранились предъ ней всѣ виды порядка низшаго, и если бы она одна увлекла, плѣнила, поглотила созерцателя своими таинственными радостями!... Такое состояніе духа не было ли бы подобно его состоянію въ жизни вѣчной? Не то ли даетъ чувствовать слово обѣтованія: *Внiди въ радость Господа твоего?*.... Таковы были мысли нашей бесѣды; и въ этотъ самый день моя мать сказала мнѣ: Сынъ мой, теперь меня ничто не привязываетъ къ здѣшней жизни; что̀ мнѣ здѣсь дѣлать? Было одно, для чего я желала оставаться въ этой жизни; это, чтобъ увидѣть тебя христіаниномъ прежде моей смерти; Богъ даровалъ мнѣ это съ преизбыткомъ; что̀ же еще дѣлать мнѣ здѣсь» (Август. *Confessions*, Кн. IX)?

Мы передали фактъ, не утверждая никакого ученія. Въ этихъ словахъ глубокой вѣры христіанина, блаженный Августинъ говоритъ, что онъ, хотя на мгновеніе, но имѣлъ нѣкоторое видѣніе жизни вѣчной, — нѣчто, превышающее мысль и невыразимое словомъ или звукомъ голоса. Мы знаемъ опасности исканія подобныхъ состояній, опасности ложнаго мистицизма; но не менѣе того, мы знаемъ также опасности разсѣянности въ вѣрѣ, благочестія безъ сообразности, которое свой скудный елеемъ свѣтильникъ предоставляетъ всѣмъ четыремъ вѣтрамъ неба. Мы не можемъ спрашивать у Бога, какъ и почему даруетъ онъ душамъ тѣ или другіе особые дары благодати. Въ исканіи тѣснаго общенія съ Нимъ нѣтъ опасности, лишь бы незабывали, что Богъ пріемлетъ только то поклоненіе, какъ достойное, котороео прсиходитъ изъ любви; лишь бы незабывали, что Богъ Іисуса Христа есть Богъ совѣсти, котораго вѣчная воля получила между людьми славнѣйшее, священное имя: ДОЛГА.

СЕДЬМОЕ ЧТЕНІЕ.

Религія.

Религія язычника за три съ половиною вѣка до Р. Х.—Религія идеала въ XIX вѣка — Религія безъ Бога и безъ долга.— Чувство человѣчества протестуетъ противъ такой религіи.—Евангеліе есть религія для всѣхъ людей и для *цѣлаго* человѣка.—Религія и жизнь: два крайніе исхода изъ жизненной борьбы—бездѣйствіе и аскетизмъ.—Какимъ образомъ жить въ мірѣ и быть всегда въ чувствѣ присутствія Божія?—Вѣроисповѣдныя разности.—Характеръ истинной христіанской полемики вообще.—Современное положеніе христіанина въ отношеніи къ инымъ вѣроисповѣданіямъ.—Борьба противъ основъ Христіанства. Къ чему обязываетъ она вѣрующихъ?—Необходимость для нашего времени рѣшительно проповѣдывать слово о вѣчной жизни.

Въ твореніяхъ греческаго историка Ксенофонта, въ книгѣ подъ заглавіемъ: *Экономикъ*, превосходно изображается внутренній бытъ одного честнаго аѳинскаго семейства, — за три съ половиною вѣка до христіанской эры. Герой, по имени Исомахъ, такъ говоритъ о своемъ религіозномъ состояніи: «праведною молитвою я забочусь заслужить крѣпость, здоровье, уваженіе, и снисходительность ко мнѣ друзей, и счастливый выходъ изъ всякой борьбы; я прошу еще у боговъ богатства, какъ плода отъ честнаго промысла».

Въ этой молитвѣ ясно выражается взглядъ на религію, по которому небо должно служить землѣ. Если есть боги,

вліяющіе на нашу судьбу, то надобно дѣлать возможное, чтобъ пріобрѣсти ихъ благоволеніе и найдти у нихъ покровительство себѣ и своему достоянію. Такимъ образомъ богопочтеніе становится лишь дополненіемъ къ обыкновеннымъ путямъ, которыми человѣкъ обезпечиваетъ себѣ блага и выгоды этого міра. Молитва возносится къ небу съ тѣмъ, чтобы сойдти оттуда подъ формою приращенія богатства, славы, здоровья; благочестіе условливается обѣтованіями настоящей жизни и на нихъ останавливается. Не трудно встрѣтить и среди насъ явные признаки религіозныхъ мыслей, подобныхъ мыслямъ Исомаха. Сколько людей, которые молятся Богу больше о здѣшнемъ благосостояніи, и призываютъ Его какъ Владыку радостей и скорбей здѣшней жизни, а не какъ Бога вѣчности! О недостаточности такой религіи нечего и говорить.

Есть другой взглядъ на религію, также ложный, впрочемъ болѣе возвышенный и серіозный; на немъ намъ нужно нѣсколько остановиться.

Человѣкъ имѣетъ способность,—рядомъ съ дѣйствительностію, подлежащею наблюденію, постигать нѣчто лучшее, чѣмъ эта дѣйствительность. Несовершенство, неполнота, неясность его мысли внушаютъ ему идею о мысли болѣе высокой, болѣе полной, болѣе свѣтлой. Его скоропреходящія и смѣшанныя радости внушаютъ ему идею о полной и пребывающей радости. Слѣды красотъ, примѣчаемыхъ имъ въ природѣ и человѣчествѣ, возводятъ его къ понятію полной красоты, которой здѣшнія красоты суть только блѣдное отраженіе. Словомъ, у насъ есть способность понимать безконечное, идеалъ. И въ соотвѣтствіе съ этой чудной способностію у насъ есть особаго рода чувство съ видимою печатью благородства и возвышенности.

Признавши этотъ фактъ со всѣми его послѣдствіями, нетрудно придти къ убѣжденію, что цѣпу жизни составляютъ не деньги, не имущество, не мелкія и ничтожныя желанія, обыкновенно занимающія насъ, по образованіе ума, развитіе искусства, поэзіи, — стремленія души выдти изъ тѣснаго круга дѣйствительности и отдаться идеалу, — стремленіе къ безконечному. Послушайте, какъ разсуждаетъ по этому поводу человѣкъ, противъ котораго мы уже говорили и еще должны говорить, какъ противъ опаснаго противника истины.

«Истинная религія, говоритъ Э. Ренанъ, есть плодъ безмолвія и собранности мысли... Она зараждается въ минуту, когда добродѣтельный человѣкъ, входя въ самаго себя, прислушивается къ голосамъ, раздающимся внутри его. Когда всѣ чувства утихаютъ, и всякій внѣшній шумъ смолкаетъ, тогда изъ глубины души исходитъ нѣкоторое сладкое, плѣнительное вѣщаніе, и, какъ отдаленный звукъ благовѣста, напоминаетъ о тайнѣ безконечнаго. Мыслящій человѣкъ чувствуетъ себя тогда какъ бы внѣ отечества, которое припоминается, предносится ему, и грусть налегаетъ ему на сердце.... Онъ отрѣшается отъ земной, темной дѣйствительности, и устремляется мыслію въ страны, полныя свѣта. Смерть въ одеждѣ странника, идущаго изъ святой земли, стучится въ дверь души, и человѣкъ начинаетъ чувствовать, что ему сладко будетъ умереть, — чего онъ не чувствовалъ въ шумѣ житейскомъ».

Прекрасныя слова! Правда, что для человѣка, погруженнаго въ обыденныя заботы, который не хочетъ ничего видѣть далѣе этихъ заботъ или наслажденій, для такого человѣка нѣтъ ни поэзіи, ни религіи. Въ этомъ смыслѣ справедливо положеніе, высказанное недавно однимъ изъ нашихъ

соотечественникомъ, профессоромъ Рамбертомъ, что «между поэзіею и религіею есть существенное, родственное отношеніе.» Это положеніе безупречно въ его общности; но если частнѣе опредѣлить его, оно даетъ мѣсто двумъ религіознымъ понятіямъ, не только различнымъ, но совершенно противоположнымъ.

Богъ не только всемогущъ, но и всесвятъ, всеблагъ, безконеченъ во всѣхъ совершенствахъ. Зная Его и покланяясь Ему, душа во всѣхъ своихъ высшихъ стремленіяхъ будетъ восходить къ Отцу жизни. Всякая возвышенная мысль, всякое благородное движеніе сердца, всякое восхищеніе красотою будетъ пѣснію Вѣчному. Но въ понятіи идеала можно также,— и здѣсь-то страшная опасность,— можно удалиться отъ Бога и остаться лишь съ одними отвлеченностями, которыя вовсе не суть свойства дѣйствительнаго существа, всемогущаго Творца. Еще болѣе, есть умы, которые даже, во имя безконечнаго и идеала, думаютъ уничтожить вѣру въ Бога живаго и истиннаго. Самое имя имъ кажется устарѣвшимъ, понятіе — дѣтскимъ и грубымъ. Существованіе Бога полагаетъ предѣлы нашей мысли; а безконечное, говорятъ, не хочетъ предѣловъ. Законъ Божій поставляетъ границы нашей волѣ, а идеалъ не хочетъ границъ. Утверждаютъ, будто единственное богопочтеніе, достойное возвышеннаго ума, состоитъ въ томъ, чтобы ничего не осмѣливаться утверждать о безконечномъ. Приписывать Ему волю значитъ, говорятъ, умалять Его; говорить о Его любви значитъ уничижать Его и дѣлать Его по нашему образу. При помощи такихъ софизмовъ приходятъ къ заключенію, что только извѣстнаго рода атеизмъ есть настоящее благочестіе!?....

И такое-то религіозное, правильнѣе — антирелигіозное

понятіе не мало распространено въ наше время. Ибо что подъ нимъ скрывается? Что такое идеалъ безъ Бога? Мысль самого человѣка. Обожаютъ силу, которая производитъ эту мысль; — человѣкъ обожаетъ свой собственный разумъ въ его высшихъ обнаруженіяхъ. Послѣ этого, Вѣчный Творецъ есть идолъ, который надобно разбить и на мѣсто его поставить святой образъ человѣчества!?.... Такъ въ области высшей, чѣмъ обыденная жизнь, обнаруживаются два совершенно противоположныя направленія: или человѣкъ превозносится въ чувствѣ своего божества и опирается лишь на свою собственную силу, или — смиряется предъ своимъ Творцемъ и видитъ для себя опору только въ любви своего Бога. Вотъ двѣ несовмѣстимыя религіи! Чтобъ сдѣлать между ними разумный выборъ, изслѣдуемъ ближе религію чистаго идеала. Посмотримъ, чему она насъ научаетъ.

Она учитъ, что человѣческій умъ заблуждается, теряя изъ виду великія стороны своей природы, — отдаваясь или подчиняясь исключительному стремленію къ интересамъ матеріальнымъ; но человѣкъ не можетъ ни грѣшить противъ Бога, котораго нѣтъ, ни нарушить законъ, котораго никогда не было дано. И такъ эта религія, требуетъ отъ своихъ послѣдователей возвышенности въ мысляхъ и благородства въ чувствахъ, но это — религія безъ обращенія, безъ смиренія, безъ раскаянія. Мы не выдумываемъ здѣсь произвольной химеры. Два вѣка назадъ, въ Голландіи жилъ еврей, по имени Спиноза, человѣкъ замѣчательный; онъ такъ полно прошелъ весь кругъ заблужденія, что новое невѣріе, сознательно или безсознательно, часто лишь воспроизводитъ его, два раза свѣковавшія, положенія. Спиноза былъ человѣкъ скромный и чистосердечный, любимый знавшими его современниками; изъ-за куска хлѣба онъ за-

нимался шлифовкою стекла, и не желая богатства, не ища почестей, въ скромномъ уединеніи трудился надъ сочиненіями, которыя поставили его имя въ первомъ ряду великихъ философовъ. Онъ обладалъ въ высшей степени идеею, чувствомъ и благоговѣніемъ къ безконечному. Но этотъ человѣкъ, отрицая свободу и даже дѣйствительность тварей, смотрѣлъ на смиреніе, какъ на слабость, и думалъ, будто раскаяніе есть нелѣпѣйшая изъ всѣхъ нелѣпостей, какія когда-либо приходили на умъ человѣку. Говорите послѣ этого, что чувство безконечнаго не можетъ служить основаніемъ двумъ противорѣчащимъ религіямъ!..

Воззрѣнія Спинозы въ наше время развиты подъ особенною, частною формою. Чувство безконечнаго особенно разсматривается, извѣстною школою, въ его приложеніи къ красотѣ. «Красота оправдываетъ все. Она есть высшее изъ понятій, и должна быть высшею нормою нашихъ сужденій».—Красота, безъ сомнѣнія, божественна въ себѣ самой, мы не желали бы отрицать этого. Искуство, слѣдуя своему собственному закону, и развиваясь сообразно своей собственной природѣ, возвышаетъ души и облагораживаетъ ихъ. Доброе и прекрасное суть два луча высшаго свѣта, которыя сближаются по мѣрѣ своего восхожденія; достаточно слѣдить за ихъ направленіемъ чтобъ понять, что онѣ происходятъ изъ одного и того же источника. Такъ — въ условіяхъ порядка. Но нужно ли напоминать, что совсѣмъ другое случается подъ вліяніемъ заблужденія человѣческаго сердца? Если потребность идеала не приводитъ къ Богу, значитъ небесный лучь преломился; падая на низшія дѣйствительности, онъ окрашиваетъ ихъ дожнымъ свѣтомъ, и тогда красота можетъ соединяться и со зломъ также, какъ съ добромъ? Въ «Митридатѣ» Расина

мы видимъ закоренѣлаго врага Рима, который умираетъ также, какъ и жилъ, съ единственнымъ сильнымъ чувствомъ, наполнявшимъ все его существованіе; — готовы ли вы во всемъ принять его сторону. Испуская послѣдній вздохъ, онъ имѣлъ силу говорить: «умирая я утѣшаюсь вотъ какою радостію: я умираю окруженный врагами, которыхъ я истребилъ, въ чьей ненавистной крови я вымылъ руки, и мой послѣдній взоръ видитъ римлянъ предавшихся бѣгству»!...

Въ этихъ словахъ—ненависть, страшный грѣхъ для христіанина. А можетъ ли и христіанинъ отрицать, что эти слова запечатлѣны печатію красоты? Въ *Потерянномъ Раѣ* Мильтона, поэтическій геній не облекъ ли также мрачно-высокою красотою врага Божія, виновника погибели человѣческаго рода? Значитъ есть основаніе говорить, что доброе не всегда сопутствуетъ изящному. Поймите же, до чего можно дойдти, когда вмѣсто Святаго Бога подлагаютъ отвлеченное понятіе красоты. Эрнестъ Ренанъ, въ той же самой статьѣ, изъ которой мы взяли выше приведенныя замѣчательныя слова, высказалъ иныя слова, которыя, для внимательнаго ума, разрываютъ тѣ блестящіе покровы и даютъ видѣть всю гнустность дѣйствительности, которую они прикрываютъ. Говоря объ одномъ изъ сильныхъ, но безнравственыхъ писателей, объ одномъ изъ людей, жестоко оскорблявшихъ человѣческій стыдъ, онъ выражается:« Боккачіо не обратился. Это очень просто: великая мысль не знаетъ раскаянія, *и великое искусство никогда не раскаевается*» (*).

(*) «Лафонтенъ обратился. Боккачіо и Аріостъ не обратились.Это очень просто: басни Лафонтена были безчинны; писанія Боккачіо и Аріоста лишь прекрасны. Великая мысль не знаетъ раскаянія и великое искусство никогда не раскаевается». *Journal des Debats*. 17-го дек. 1859). Читатель

И вотъ — устраняется и нравственность. Вмѣстѣ со святымъ именемъ Бога и священное имя долга считается лишь старымъ словомъ, котораго смыслъ совершенно измѣняется. Различіе добра и зла замѣщается различіемъ обыденнаго и возвышеннаго; изящный вкусъ заступаетъ мѣсто совѣсти. *Новая* религія столь широка и такъ терпѣлива, что она принимаетъ все, и самый грѣхъ, если онъ окрашивается блестящимъ колоритомъ, — все, и самый порокъ, лишь подъ условіемъ благовидности и возвышенности (*).

Мы не все еще высказали.

Утонченность мысли и вкуса — не всеобщій удѣлъ; не всякому пришельцу земли суждено понимать высокія отвлеченности человѣческаго ума, и религія безъ Бога вѣчно останется непонятною людямъ простымъ. Но этотъ выводъ принимается и провозглашается поборниками религіи идеала. Они толкуютъ, будто человѣчество неизмѣнно раздѣлено на двѣ касты: съ одной стороны толпа узкихъ и грубыхъ умовъ, вѣчно осужденная на суевѣріе; съ другой стороны меньшинство — аристократія мудрыхъ, которая, отдаваясь свободному саморазвитію, не хочетъ и заботиться объ остальномъ человѣчествѣ. А мы съ вами думали, что чувство человѣчности сдѣлалось рѣшительнымъ пріобрѣтеніемъ новаго міра. А мы думали, что мысль о религіозномъ равенствѣ отнынѣ принадлежитъ общему сознанію. Напрасно. Вотъ въ нашемъ XIX

видитъ, что мы не злоупотребляемъ словами, и не искажаемъ ихъ смысла, когда говоримъ, что у автора нравственность подчинена *эстетикѣ* и для него искусство, на извѣстной его степени, *все оправдываетъ*.

(*) Лабулэ, въ *Journal des Debats* 3 февр. 1860, опредѣляя тенденціи Ренана, хотя безъ упоминанія его имени, такъ возражается: *Не добро и ни зло насъ трогаютъ,* а величіе, сила, блескъ, страсть, скорбь, поэзія, *все блестящее*. .. Къ этому признанію прибавлять нечего.

вѣкѣ пишутъ, что «истинная религія есть удѣлъ только *отличія* (distinction) и *утонченности* (raffinement). Тогда какъ христіанинъ, помышляя о несчастныхъ братьяхъ, обдѣленныхъ судьбою, утопающихъ въ темныхъ суевѣріяхъ, и погруженныхъ въ страшную бѣдность, изумляется этому таинственному неравенству и молится, — тогда, какъ христіанскіе проповѣдники бросаютъ свое отечество, и несутъ слово жизни къ падшимъ и страждущимъ твореніямъ Божіимъ, — образованнѣйшій человѣкъ, членъ ученыхъ обществъ (мы говоримъ все о Ренанѣ) хладнокровно пишетъ постыдную фразу: «что̀ касается до меня, я не вижу резона къ тому, чтобъ папуанецъ былъ безсмертенъ» (*).

Чувство человѣчества протестуетъ противъ этихъ печальныхъ теорій. Есть *отличіе*, къ которому всѣ должны стремиться. Искренняя вѣра облагораживаетъ самыя обыкновенныя дѣла, и можетъ сообщить самымъ обыкновеннымъ людямъ неподражаемое величіе. Но это величіе и это благородство *прилагаются только ищущимъ прежде всего царствія Божія и правды его*. А искомыя сами по себѣ, это величіе и благородство, принимаютъ другой видъ, ускользаютъ отъ васъ, и, вмѣсто простаго величія христіанина, предъ вами является лишь искомое отличіе образованнаго ума.

Мы всею душею вѣримъ въ равенство людей предъ Богомъ. Въ другихъ областяхъ жизни неравенство неизбѣжно. Но предъ лицемъ общаго Отца, въ области благочестія, между людьми нѣтъ другаго различія, кромѣ того, которое происходитъ изъ самаго же благочестія. Религія, которая была бы монополіею науки и высшаго образованія вкуса, которая вмѣсто того, чтобы возстановлять, разру-

(*) *Revue des Deux Mondes* 15 Января 1860

шала бы единство человѣческаго рода, которая бы проповѣдывала вѣчно-невозможнымъ общее единеніе душъ въ свѣтѣ и въ любви, — такая религія тѣмъ самымъ обличаетъ свою ложность. Не такова религія смиреннаго Сына Маріи, который призывалъ къ покаянію бѣдныхъ обитателей Галилеи и обѣщалъ вѣчную жизнь рыбакамъ генисаретскимъ. Богъ Іисуса Христа не есть отвлеченность мысли, не есть Богъ, который открываетъ себя только высоко-образованному уму, способному къ философскимъ умозрѣніямъ, и о которомъ простая душа имѣетъ лишь обманчивый образъ. Богъ Іисуса Христа есть общій всѣхъ Отецъ, которому можетъ покланяться образованнѣйшій изъ людей рядомъ съ самымъ простымъ и малымъ, въ одной и той же вѣрѣ и въ общей надеждѣ. Все Евангеліе направлено къ возстановленію душъ; и начало этого возстановленія не есть актъ разсудка или эстетическое чувство, но обращеніе сердца, обращеніе воли къ ея закону. Здѣсь — святое равенство! Чтобъ принять дѣло искупленія, не нужно ни особенныхъ изслѣдованій, ни изящныхъ чувствованій, вырабатываемыхъ утонченнымъ образованіемъ, — нужна только правая совѣсть, которая сознаетъ свой грѣхъ и проситъ помилованія. И человѣкъ въ самомъ низкомъ состояніи, безграмотный, занимающійся самыми тяжелыми работами, можетъ быть болѣе великимъ предъ Богомъ, чѣмъ иные высокоученые и геніальные люди. Что составляетъ цѣну и достоинство жизни, это — начало, которымъ она управляется, каковы бы ни были обстоятельства — обыкновенныя, или необыкновенныя, въ которыхъ оно проявляется. Лучъ солнца одинаково свѣтелъ и одинаково чистъ, какъ въ хижинѣ бѣдняка, такъ и въ великолѣпномъ жилищѣ великихъ міра.

Дѣло религіи состоитъ въ томъ, чтобъ измѣнить самое

начало жизни. Посему, пока душа свободно не отдалась намѣреніямъ вѣчнаго милосердія, пока эгоизмъ не уступилъ своего мѣста любви, дотолѣ самое высокое развитіе ума и самое высокое образованіе идеала не имѣютъ никакой религіозной цѣны. Если даже языческіе мудрецы предвидѣли это; то, въ свѣтѣ Евангелія, уже рѣшительно неумѣстно сомнѣніе въ этомъ. Такова и есть религія Іисуса Христа.

Религія Исомаха, видящая въ благочестіи только средство земнаго счастія, и религія людей вкуса, смѣшивающая благочестіе съ образованіемъ эстетическаго чувства, въ сущности имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ. Мысль останавливается на элементахъ жизни настоящей. Здѣсь смотрятъ на эту жизнь съ положительной ея стороны, обыденной; тамъ — съ точки зрѣнія артистической, въ ея проявленіяхъ идеальныхъ; но ни тамъ, ни здѣсь не возвышаются до созерцанія дѣйствительности, высшей непосредственнаго нашего опыта: цѣль образованія души полагается на землѣ.—Религія Евангелія изъемлетъ насъ изъ почвы жизни настоящей, чтобъ вкоренить за ея предѣлами; это—религія вѣчности.

Читайте въ началѣ перваго Евангелія бесѣду Спасителя, извѣстную подъ именемъ «нагорной проповѣди». Здѣсь религіозная мысль представляется вовсе не какъ нѣчто внѣшнее для жизни, направляемой по соображеніямъ другаго порядка; но Царство Божіе представляется, какъ средоточіе и цѣль всего существованія. Сказано, что это царство должно быть искомо прежде всего, и все будетъ дано съ нимъ, — *все*, то есть, здоровье, почетъ, успѣхъ, сообразно планамъ Провидѣнія; а также — и другіе дары Промысла, въ самой ихъ горечи драгоцѣнные: испытаніе,

болѣзнь, несчастіе. Все должно споспѣшествовать ко благу тѣмъ, кто любитъ Бога; потому что все, радость и скорбь, успѣхъ и неудача, исполненіе желаній и неисполненіе, все должно служить лишь къ тому, чтобъ душа отрѣшалась отъ любви ко всему этому и созрѣвала для вѣчной жизни; ибо наша цѣль не на землѣ, наше отечество не здѣсь. Душа, испытавши непостоянство всего окружающаго её, легко приходитъ къ понятію, что вѣчность есть единая законная цѣль времени. Затѣмъ она понимаетъ, что религія, связь неба съ землею, приготовленіе къ безсмертному будущему въ нашей убѣгающей жизни, должна быть управляющимъ началомъ всего нашего существованія.

Религія, исполняя свое дѣло въ мірѣ, принуждена пользоваться вещами міра; но нужно, чтобъ она пользовалась всѣмъ, а ею чтобъ ничто не пользовалось. Изъяснимся примѣромъ. Религія есть вѣнецъ и охрана домашняго очага, но только ли это? Ограничивается ли она одними отношеніями къ земному семейству? Не обольщайтесь; заключенная въ эти только предѣлы, она теряетъ свою силу даже въ отношеніи къ земной цѣли, какую признаютъ за ней. «Религія не должна имѣть другой цѣли, кромѣ себя самой; употребляемая, какъ средство, она оказывается недѣйствительною; обѣтованія настоящей жизни она исполняетъ только для тѣхъ, кто ищетъ въ ней лишь торжества вѣчной истины». *(Неккеръ).*

Религія должна пользоваться всѣмъ, но она имѣетъ свои собственныя обнаруженія, употребляетъ особенныя орудія: богослуженіе, чтеніе Писанія и дѣла благочестія. Эти самыя средства, которыми пользуется религія и въ которыхъ она выражается, могутъ отдѣляться отъ духа, который

долженъ оживотворять ихъ, могутъ обратиться въ пустыя формы и стать на степень тѣла лишившагося души, т. е. на степень трупа. Извѣстно, что сказалъ Іисусъ Христосъ о добрыхъ дѣлахъ, дѣлаемыхъ изъ тщеславія. Извѣстны также слова апостола Павла: «если я раздѣлю все мое имѣніе бѣднымъ, если самое тѣло отдамъ на сожженіе, но если не имѣю любви, то все это не принесетъ мнѣ пользы». Дѣла благочестія, отдѣленыя отъ духа благочестія, изъ котораго они должны происходить, не суть благочестивыя дѣла. Чтеніе Писанія, если мы изъ него дѣлаемъ только пищу сухой любознательности, не имѣетъ ничего религіознаго. Св. Писаніе не есть энциклопедія человѣческихъ знаній, оно есть хранилище Божіихъ откровеній ради нашего спасенія; и чтеніе его тогда только благочестиво, когда мы читаемъ въ виду вѣчности, и подъ вліяніемъ того самаго духа, который открывается въ немъ. «Если бы ты зналъ всю Библію на память, отъ начала до конца, говорится въ *Подражаніи Іисусу Христу*, и притомъ не имѣлъ любви, твое знаніе было бы тщетно». Чтеніе Писанія, богослуженіе, дѣла благочестія, все это — ничто, если душа не трогается, если эгоизмъ не уменьшается, если любовь не увеличивается.

Религія есть *единое на потребу*, но это единое есть всё; она есть все, не будучи ничѣмъ въ частности. Чтобъ объяснить это, мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности. Вы встрѣтите религію вездѣ. Вы найдете ее въ пограничной таможнѣ и на дорожной заставѣ — не съ словомъ о томъ, хороша или дурна запретительная система, — это дѣло политической экономіи; но, съ словомъ напоминанія вамъ, что контрабанда есть воровство, и почти всегда воровство усиленное ложью. Вы найдете ее въ кабинетѣ банкира, — не

съ словомъ о выгоднѣйшихъ спекуляціяхъ, но съ напоминаніемъ, что есть спекуляціи, которыя слишкомъ похожи на игру, и что трудъ и экономія суть единственныя честныя средства для пріобрѣтенія состоянія. Вы найдете религію въ политикѣ; тутъ она не-то, чтобъ предписывала ту или другую форму правленія: это не ея область; но она здѣсь спрашиваетъ васъ, не есть ли то, что̀ вы называете вашею твердостію, просто ослѣплѣніе вашихъ страстей, — то, что̀ вы называете вашею снисходительностію, не есть ли низость, — что, будучи обязаны строго противостоять неправдѣ, жертвовать вашими личными интересами, не приносите ли вы правосудіе въ жертву вашимъ интересамъ? Религія есть все, не будучи ничѣмъ въ частности, подобно какъ солнце на всѣ мѣста распространяетъ свой свѣтъ, хотя ни одинъ изъ предметовъ, отражающихъ его, не есть этотъ свѣтъ.

Впрочемъ, мы этимъ не говоримъ, что надобно постоянно говорить о религіи; но обо всемъ надобно говорить религіозно. Невозможно постоянно дѣлать дѣла благочестія; но необходимо цѣлый кругъ жизни проходить благочестиво. Религія должна быть центромъ, — внутреннимъ солнцемъ, постоянно присущимъ, потому что религія выражается подъ формою долга, который долженъ быть началомъ, управляющимъ всею жизнію. Нравственность не составляетъ собою всего Евангелія; но Евангеліе все-цѣло не имѣетъ другой цѣли, какъ возстановить нравственный порядокъ. Такъ какъ нравственный порядокъ былъ нарушенъ,то и сошелъ на землю Іисусъ Христосъ.

Итакъ религія есть все, потому что, во внѣшнемъ своемъ выраженіи, она разрѣшается въ исполненіи долга. Есть два нравственныхъ ученія: одно отъ человѣковъ, другое отъ

Бога. Здѣсь мы вовсе не прибѣгаемъ къ пустой классификаціи. Нѣтъ, когда говорится о нравственности, возводимой къ ея началу и самосознательной, —о нравственности, которая могла бы обнять все существованіе, тутъ дѣйствительно возможны двѣ, одна—нравственность эгоизма, другая—самоотверженія. Человѣкъ слишкомъ хорошо знаетъ достоинство своей природы, чтобъ отдаться кому-нибудь, кромѣ своего Творца; онъ отдается только Богу, чтобъ обрѣсти себя въ Богѣ.

Воля Бога составляетъ все для того, кто понялъ Евангеліе; она даетъ единство, одно возможное единство жизни. Энергія въ дѣятельности и терпѣніе въ скорби, утѣшеніе въ страданіяхъ и умѣренность въ радости, — всё это для него есть воля Божія, бываетъ по волѣ Божіей; она есть единство его жизни. Говорить ли, что въ этомъ-то единствѣ, въ этой-то цѣльности жизни и состоитъ счастіе? Кому не извѣстно, что источникъ нашихъ бѣдствій заключается въ раздвоеніи сердца? Кто не понимаетъ вещей небесныхъ, пусть пойметъ по крайней мѣрѣ вещи земныя. Не трудно встрѣтить человѣка, который въ обстоятельствахъ, завидныхъ для другихъ, наслаждаясь здоровьемъ, богатствомъ, успѣхами во всемъ, однако томится неисцѣльною скукою. Отъ чего это? Отъ того, что у этого человѣка не достаетъ цѣли въ жизни, единаго интереса; отъ того, что его дни идутъ одни за другими безъ связи, которая бы объединяла ихъ; отъ того, что, самымъ разнообразіемъ его наслажденій, всякое наслажденіе ослабляется и оканчивается отвращеніемъ. Да, не одни праздные, но и счастливцы міра, можетъ-быть даже гораздо чаще, чувствуютъ тягость жизни. Но представьте, что этимъ душамъ, утомленнымъ жизнію, данъ какой-нибудь одинъ инте-

ресъ. Сердце молодаго человѣка исполнилось романической страсти. Зрѣлый мужъ привязался къ какому-нибудь полезному дѣлу; одинъ пріобрѣлъ живой и постоянный вкусъ къ искусству или наукѣ; другой привязался въ политикѣ. Теперь у нихъ есть одна мысль, всегда присущая, которая объемлетъ ихъ при каждомъ пробужденіи утромъ, и не оставляетъ ихъ до времени покоя ночи... они спаслись отъ скуки.

Но все здѣшнее, земное подчинено измѣнчивому непостоянству. Привяжешься къ любимому существу, — смерть отниметъ его. Отдашь свое сердце доброму дѣлу — злоба испортитъ его, или оно само погибнетъ отъ своихъ собственныхъ недостатковъ. Посвятишь себя отечеству... одно только отечество вѣчно: Царство небесное; одинъ только интересъ, который въ состояніи пережить все, среди колебаній жизни, это—воля Божія; одно только существо, которое не можетъ быть никогда у насъ отнято, это —Вѣчный. Для Него-то и должно жить. Понимаете ли, что тогда жизнь будетъ единая, цѣлостная, и она будетъ счастливою? Послушайте, какъ говоритъ Расинъ о радостяхъ души, умиротворенной Божественною любовію: «Въ сердцѣ, которое любитъ Тебя, Боже, кто можетъ нарушить его миръ? Оно во всемъ ищетъ верховной воли, и никогда не ищетъ само себя. Ни на землѣ, ни даже въ небѣ, нѣтъ другаго счастія, какъ миръ и спокойствіе сердца, которое любитъ Тебя.» *(Choeurs d' Athalie)*.

Итакъ вотъ покой, вотъ вѣчная жизнь: желать того, что Богу угодно. Въ сущности, въ своемъ началѣ, вѣчная жизнь и теперь такова, какою она будетъ, и будетъ такою же, какова она теперь, — только нынѣ она подъ облакомъ вѣры, а когда снимется покровъ она явится въ блескѣ видѣнія.

Вотъ религія. Если вы нринимаете ее, ты вы, между

людьми, вѣстникъ вѣчной жизни. Возвѣщайте ее. Еще болѣе: совершайте ее, подражая Іисусу Христу, Который не только сѣялъ слово, но и орошалъ сѣмя пóтомъ Своей жизни и кровію Своей смерти. Исполняйте планъ Вѣчной любви; вносите чистоту въ міръ скверны; вносите любовь въ міръ эгоизма; вносите счастіе въ міръ скорби. Жизнь, полная такой мысли, не будетъ знать ни пустоты, ни скуки. Скажете ли, что у васъ не достаетъ вѣры? Но кто можетъ сказать, что у него нѣтъ недостатка въ вѣрѣ? Вспомните при этомъ слова, записанныя въ Евангеліи, трогательныя слова человѣка, который на колѣняхъ предъ Спасителемъ говорилъ: «Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію.» Господь помогъ ему. У васъ не достаетъ вѣры? Но вѣдь вы вѣрите чему-нибудь? вы вѣрите, что чистота лучше, чѣмъ скверна? вы вѣрите, что любовь лучше, чѣмъ эгоизмъ? что миръ лучше, чѣмъ безнадежность нашихъ скорбей или горечь нашихъ удовольствій? Вѣрите? Поступайте же сообразно съ тѣмъ, какъ вы вѣрите. Будьте хотя тѣмъ, что́ вы есть, ни больше, ни меньше; но знайте, что вы таковы въ дѣлѣ вѣры и благочестія — благодатію Бога. Будьте же такими открыто, рѣшительно, предъ глазами всѣхъ. Вотъ религія, и вотъ задача, заключающаяся въ ней!

Мы сотворены для вѣчности, но поставлены во времени. Вся судьба наша заключается въ слѣдующихъ словахъ: «повиновеніе Возлюбившему насъ». Это-то повиновеніе требуется отъ насъ доказать въ этомъ мірѣ, т. е. исполнить Его волю въ нашихъ отношеніяхъ съ предметами жизни и съ людьми,—въ отношеніяхъ, составляющихъ наши обазанности. Вотъ задача. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного предмета въ нашихъ обязанностяхъ, который бы не былъ для насъ предметомъ искушенія, потому что въ нашемъ

сердцѣ гнѣздится зло. Когда намъ приходится идти на встрѣчу зла, на борьбу съ нимъ; часто, увы, мы выходимъ изъ нея пораженными! Еще болѣе: мы находимся не только въ опасности быть побѣжденными отъ зла, которое намъ надобно побѣдить, но и въ дѣлахъ добрыхъ, честныхъ, даже въ дѣлахъ благочестія, мы встрѣчаемся съ опасностію — душевнаго разсѣянія. Не рѣдко дѣла истинно благочестивыя, благотворительныя, которыя должны проистекать изъ божественнаго источника, у насъ становятся предметомъ интереса чисто человѣческаго. Рѣшаемся на доброе дѣло, идемъ напримѣръ въ церковное собраніе, но идемъ рѣшительно съ такими же чувствами, съ какими отправляются въ театръ, или въ какое-нибудь житейское собраніе... Не легко жить въ мірѣ и держаться постоянно въ присутствіи Бога; трудно пройдти временный путь и никогда не терять чувство вѣчности. Вотъ задача!

Есть два крайнихъ исхода изъ этой борьбы. Одни, послѣ нѣсколькихъ усилій, отказываются слѣдовать за идеаломъ, который легко не дается. Они начинаютъ жить со дня на день, забываются, теряются въ предметахъ, разсѣяваются и больше уже не заглядываютъ за горизонтъ этой жизни. Это значитъ отказаться отъ того, что̀ есть въ насъ для вѣчной жизни. Другой исходъ, это — разорвать связи съ міромъ, заключиться въ монастырь или уйдти въ пустыню, чтобъ все время посвятить дѣланію святыхъ дѣлъ, созерцанію и молитвѣ, вдали отъ обыкновенныхъ отношеній человѣческаго общества и отъ искушеній, неизбѣжныхъ въ обществѣ. Въ этомъ выражается усиліе—начать жизнь вѣчности еще здѣсь, сколько это возможно. И такимъ образомъ поступаютъ нѣкоторыя души. Если Богъ призываетъ ихъ къ тому, если Богъ внушаетъ имъ это; то что̀ мы тутъ

можемъ говорить? Развѣ мы не знаемъ, что эти отшельники міра иногда производятъ самое сильное вліяніе на міръ? Паскаль, оставаясь физикомъ и свѣтскимъ человѣкомъ, конечно не написалъ бы своихъ *Мыслей*; и не малымъ благодѣтелемъ человѣчества былъ тотъ монахъ, который для монастырей XV вѣка написалъ *Подражаніе Іисусу Христу*, сдѣлавшееся руководствомъ для столькихъ благочестивыхъ душъ.

Но это—не правило, не норма. Норма есть жизнь, борьба жизни. Какимъ же образомъ жить въ мірѣ и быть всегда въ чувствѣ присутствія Божія? Жизненный путь таковъ: дѣйствовать и обновлять живыя силы дѣйствія въ созерцаніи и молитвѣ, и такимъ образомъ, доходить до собранности болѣе и болѣе дѣятельной и до дѣятельности болѣе и болѣе сосредоточенной. Этотъ путь совсѣмъ не такъ труденъ, какъ можно представить. «Не много нужно времени, чтобъ возлюбить Бога, чтобъ обновляться въ Его присутствіи, чтобъ открыть Ему свое сердце, представить Ему свои дѣла и свои страданія; вотъ *царствіе Божіе, которое внутрь насъ*, котораго ничто не можетъ возмутить. Когда разсѣяніе чувствъ и живость воображенія препятствуютъ душѣ сосредоточиться легкимъ и видимымъ образомъ, нужно по крайней мѣрѣ успокоивать себя правотою воли; тогда самое желаніе собранности будетъ своего рода собранностію достаточною; надобно обратиться къ Богу и съ искреннимъ вниманіемъ дѣлать всѣ дѣла, какія Ему угодно». *(De la presence de Dieu)*.

Это слова Фенелона. Здѣсь мы повторимъ прежнее наше замѣчаніе. Иногда слишкомъ забываютъ, что нельзя противополагать Бога творенію, потому что Богъ есть нашъ Отецъ, и что мы не должны противополагать святость сча-

стію, потому что, въ планѣ Того, который есть любовь, святость и счастіе или блаженство, суть только два имени одного и того же предмета. Притомъ нужно помнить, что жизнь питается въ ея источникѣ. Надобно непрестанно черпать въ Богѣ чувство вѣчности, которое нужды нашего временнаго существованія всегда угрожаютъ отнять у насъ. А для этого, нужно вѣрить въ дѣйствительность присутствія и дѣйствія Божія въ насъ. Этого-то намъ и не достаетъ. Мы приведемъ здѣсь прекрасныя слова одного современнаго намъ писателя.

«Вѣрите ли вы во взаимное общеніе и проникновеніе душъ? Вѣрите ли вы, что независимо отъ слова и голоса, независимо отъ разстояній, съ одного конца міра до другаго, души дѣйствуютъ одна на другую и взаимно проникаются? Вѣрите ли вы, что, какъ говоритъ Фенелонъ, въ Богѣ люди соприкасаются? Вѣрите ли вы, что мысль, любовь, порывъ могутъ придти къ намъ посредствомъ тайнаго вліянія сердца и ума другаго? Или лучше, знаете ли вы, что всякая душа живетъ постоянно въ движеніи другихъ душъ, борется съ ними, противодѣйствуетъ, сочувствуетъ, соглашается? Знаете ли вы, что одна душа можетъ чувствовать въ себѣ прикосновеніе другой? Если вы не знаите этого, то вы не знаете самыхъ обыкновенныхъ земныхъ вещей; какъ же вамъ понять небесныя? Если вы знаете это, если вы вѣрите въ это общеніе между душами и умами сотворенными, тѣмъ съ большимъ основаніемъ вы должны вѣрить въ общеніе Божіе съ вами. Да, Богъ близь васъ, въ васъ — болѣе глубоко, чѣмъ какъ можетъ проникнуть въ васъ какой-либо умъ сотворенный, и чѣмъ, какъ сами вы можете проникнуть въ другой умъ, — въ васъ есть Богъ, Его вліяніе и Его присутствіе распространены во всей вашей душѣ, во всѣхъ

ея силахъ. И это — не сила только Божественная и безмѣрная, въ которой вы погружены, но Духъ, который просвѣщаетъ вашу душу, умъ и сердце.

«Да, въ васъ есть нѣкто, кромѣ васъ самихъ. Вы не одни. Кто это, Онъ или я, кто говоритъ во мнѣ? сказалъ блаженный Августинъ. Такъ, въ васъ есть нѣкто, кто въ сію самую минуту смотритъ на васъ и любитъ васъ. Вы мало чувствуете это, вы мало вѣрите этому, потому что вся ваша душа еще погружена и увлечена другими радостями, другими мыслями, другими стремленіями, привязанностями. Пусть онѣ умолкнутъ, и вы тотчасъ почувствуете присутствіе и влеченіе Того, Кто давно уже бесѣдовалъ съ вами, смотрѣлъ на васъ, любилъ васъ» (*).

Богъ, Духъ Божій — вотъ источникъ религіозной жизни. Но Евангеліе, посредствомъ котораго Богъ открылся и обѣщана помощь Божія человѣкамъ, — Евангеліе утверждается и сохраняется въ мірѣ чрезъ внѣшнія установленія. Обратимъ вниманіе и на эту сторону нашего предмета.

Іисусъ Христосъ сталъ исходнымъ пунктомъ христіанскаго общества. По слову апостоловъ, церкви поднялись какъ сѣмя. Онѣ сходились одна съ другой, какъ путники одной вѣчности, чтобъ бесѣдовать объ обѣтованіяхъ Господа и о радостяхъ общей отчизны. Онѣ соединялись, чтобъ собрать священныя памятники своихъ надеждъ и сберечь этотъ драгоцѣнный залогъ. И каждый изъ насъ получилъ Евангеліе и научился разумѣть его отъ христіанскаго общества. Но видимая, внѣшняя цѣлость Церкви по времени распалась на отдѣльныя общества, которыя те-

(*) *De la connaissance de Dieu,* par Gratry.

перь находятся во взаимной борьбѣ. Нельзя смотрѣть съ безразличіемъ на это раздѣленіе. Кто можетъ сказать, будто устройство Церкви, ея богослуженіе, правило ея вѣры, будто все это безразлично въ отношеніи къ развитію благочестія, и слѣдовательно къ раскрытію вѣчной жизни въ насъ? Безъ сомнѣнія, здѣсь есть вопросы и второстепеннаго, но всё-таки дѣйствительнаго значенія. Скажемъ мимоходомъ о томъ, кокова должна быть христіанская полемика?

Что такое христіанское преніе? Это — разсужденіе между двумя человѣками, которые оба исповѣдуютъ вѣру въ Іисуса Христа и въ ожидаемую обоими вѣчную жизнь. Отсюда слѣдуетъ, по отношенію къ характеру ихъ пренія, что оно должно быть ведено по слѣдующему царскому закону: «истина въ любви».

Истина не позволяетъ себѣ не только приводить факта ложнаго, но и видоизмѣнять истинный фактъ произвольнымъ толкованіемъ, — она не позволяетъ не только навязывать своему противнику слова измышленныя, предполагаемыя, но и брать его собственныя слова внѣ связи съ тѣмъ, что имъ предшествуетъ и послѣдуетъ и объясняетъ ихъ, — истина не только избѣгаетъ умышленной лжи, но и употребляетъ все благоразуміе, чтобы избѣжать даже неумышленной ошибки. — *Любовь* состоитъ не въ томъ, чтобы выражаться какими-то подслащенными фразами, но она искренно уважаетъ своего противника, не позволяя себѣ по напрасну заподозривать его намѣреній; и, когда въ борьбѣ ее саму язвятъ какою-либо ядовитою стрѣлою, она никогда не позволитъ себѣ поднять и бросить эту стрѣлу въ своего противника. Таковы требованія, налагаемыя христіанскому пренію уже тѣмъ однимъ, что оно — христіанское. То преніе

гнусно, которое, подъ предлогомъ защиты вещей небесныхъ, даетъ просторъ теченію дурныхъ земныхъ страстей.

Итакъ въ истинѣ и любви производимое преніе нельзя осуждать; оно — законно и можетъ сдѣлаться необходимымъ, даже — долгомъ, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Но, каковы ни были бы права вѣроисповѣдной полемики, въ настоящихъ обстоятельствахъ мы можемъ и должны воздержаться отъ пренія. Предъ нами — дѣло болѣе неотложное.

Христіанство утверждаетъ: дѣйствительность Бога, опредѣляющаго Своихъ тварей къ вѣчной жизни, — грѣхъ твари, который отдѣляетъ ее отъ Бога, — благодать искупленія, которая приводитъ тварь къ Богу, какъ скоро она пріемлетъ эту благодать. Вотъ основы Евангелія! Эти основы видны одинаково и въ Священныхъ книгахъ, и въ общемъ церковномъ Преданіи. Эти основы принимаются всѣми обществами христіанскими. Потому всѣ христіане безъ различія исповѣданій, не останавливаясь на томъ, что ихъ раздѣляетъ, могутъ согласно проповѣдывать истины, всюду сохраняемыя вѣчною волею и силою Бога, не попускающаго имъ изчезнуть съ лица земли.

Нынѣ болѣе, чѣмъ когда либо, эти общія основы поколеблены невѣрующими. Не надлежитъ ли прежде всего позаботиться о поддержаніи этихъ основъ? Не долгъ ли членовъ всѣхъ церквей — соединиться на общій подвигъ? Мы говоримъ не о внѣшнемъ соединеніи церквей, которое еще составляетъ предметъ вѣры и надежды, превосходящей всякую надежду. Мы не знаемъ, можно ли нынѣ примѣчать хоть малѣйшія явленія, которыя бы предвозвѣщали это великое событіе. Все возможно Богу! Но человѣкамъ пока возможно одно. Въ борьбѣ, гдѣ завязаны общія убѣжденія, христіане, не жертвуя ни однимъ изъ своихъ особенныхъ

вѣрованій и не входя здѣсь ни въ какія мировыя сдѣлки, но оставаясь вѣрными знамени своей Церкви, — могутъ вмѣстѣ, согласно подвизаться за дѣло, которое для всѣхъ ихъ одинаково важно. Неужели здѣсь кто скажетъ, что поступать такимъ образомъ значитъ жертвовать правами истины? Жертвовать правами истины! Кто же намъ открылъ, будто наши взаимныя пренія и несогласія суть лучшее средство къ обладанію и защищенію истины? Безъ сомнѣнія, когда Евангелію противопоставляютъ науку и изслѣдованіе, то надобно вооружаться наукою и изслѣдованіемъ. Когда, во имя разума, хотятъ воздвигнуть средостѣніе между душами и Богомъ, то надобно прибѣгать къ разуму, чтобъ произвести разрушеніе этого средостѣнія. Но въ оградѣ вѣры, говоря, что утверждать эту вѣру ея словомъ и особенно жизнію есть могущественнѣйшее средство ея распространенія; говоря также, что духъ мира можетъ сдѣлаться предтечею духа свѣта, — неужели этимъ говорится что-нибудь противное Евангелію?

Вокругъ насъ идетъ оживленная, жестокая борьба противъ Вѣры, общей всѣмъ христіанамъ. Размѣры этой борьбы растутъ съ каждымъ днемъ, изумляя тѣхъ, кто слѣдитъ за нею. Отрицаютъ Бога, отрицаютъ Іисуса Христа, отрицаютъ вѣчную жизнь. Борьба началась въ Германіи, гдѣ, послѣ идеалистической философіи, которая хотѣла все изъяснить однимъ духомъ человѣческимъ безъ Бога, явился грубый матеріализмъ, который хочетъ все объяснить природою безъ духа. Борьба перенеслась и во Францію, гдѣ ученые, историки, критики, кажется, сговорились, чтобы потрясти основы всякой религіозной вѣры. И гдѣ не завязывается этой борьбы?... И ее ведутъ не какъ-нибудь скрытно, подъ спудомъ, но въ-явь: антирелигіозныя ученія про-

водятся въ самыхъ распространенныхъ журналахъ, безъ зазрѣнія совѣсти со стороны редакторовъ, и часто безъ негодованія со стороны читателей. Тутъ право свободы! Но поймите, — мы говоримъ не противъ свободы, но противъ того, что̀ выказалось, благодаря свободѣ; въ этомъ можетъ быть еще счастіе, что существующее зло *выказалось*.

Это не все. Тогда какъ Евангеліе осаждается со внѣ, его врагами, внутри самаго христіанства есть нападенія на Евангеліе, можетъ быть, еще болѣе опасныя. Въ ученой Германіи есть люди, принадлежащіе къ церкви и возстающіе противъ другихъ, тоже членовъ церкви, — въ чемъ, противъ чего? — противъ дѣйствительности откровеній Божіихъ, противъ дѣйствительности воскресенія Іисуса Христа, этого историческаго основанія всей апостольской проповѣди, — противъ воскресенія Христа, о которомъ св. Павелъ сказалъ христіанамъ: «Если Христосъ не возсталъ, то суетна и вѣра ваша, и вы остаетесь еще во грѣхахъ вашихъ.» Говорить ли все? Есть люди, принадлежащіе къ Церкви, и возстающіе противъ личнаго безсмертія, этой славной надежды вѣрующихъ всѣхъ временъ. Не подумайте, что мы извлекаемъ изъ школьной пыли фактъ давній и давно забытый. Нѣтъ, все это происходитъ теперь, не въ школѣ, а въ обществѣ. Вотъ въ какомъ мы положеніи!

Въ подобномъ положеніи, христіанскія церкви имѣютъ болѣе важную миссію, чѣмъ вѣроисповѣдная полемика. Нынѣ надлежитъ полемировать противъ тѣхъ, кто отрицаетъ Бога, а не съ тѣми, которые поклоняются Ему. Нынѣ надобно оспоривать тѣхъ, кто отрицаетъ нашего Спасителя, а не входить въ преніе съ тѣми, кто свою надежду несомнѣнно полагаетъ въ крестѣ и воскресеніи Богоче вѣка Нѣнѣ слово ничтожества (нигилизма) распространяется въ

мірѣ; оно имѣетъ свои клубы, свои журналы, свою пропаганду. Люди, желающіе наслаждаться жизнію, воспѣваютъ: «кто знаетъ, будемъ ли мы живы завтра?» Люди обездоленные говорятъ: «мы обижены, и никто не видитъ этого: либо небо пусто, либо Богъ глухъ». Ученые, вырывая всякую надежду изъ человѣческаго сердца, однихъ себя провозглашаютъ понимающими и мудрыми по преимуществу. Странное согласіе, въ которомъ безумный голосъ оргіи, отчаянный крикъ горя и смѣхъ самодовольства соединяются въ одно мрачное слово: «нечего надѣяться послѣ емерти,» и—хотятъ начертать надъ дверью жизни страшное надписаніе, сдѣланное Дантомъ надъ дверью ада: «Кто входитъ сюда, тотъ простись со всякою надеждою,»

Итакъ необходимо, чтобъ тѣ, кто не потерялъ всякую надежду,—бѣдный и богатый, неученый и ученый,—кто обрѣлъ Воскресшаго въ скорби и почти при смерти, кто встрѣтилъ Спасителя въ раскаяніи, кто въ изученіи увидѣлъ блеснувшій ему свѣтъ Вѣчнаго Слова,—необходимо, чтобъ всѣ вѣрующіе въ Бога, въ душу, въ долгъ, въ святость, въ безсмертное будущее, сблизились, соединились, и на голосъ ничтожества, распространяющійся по землѣ, съ твердостію говорили и проповѣдывали о ВѢЧНОЙ ЖИЗНИ!

КОНЕЦЪ ЧТЕНІЙ.

ОБОЗРѢНІЕ

СОДЕРЖАНІЯ ЧТЕНІЙ

(RÉSUMÉS).

ПРИМѢЧАНІЕ АВТОРА.

Многіе изъ слушателей и читателей этихъ *Чтеній о Вѣчной Жизни* жаловались, что не для всѣхъ довольно легко представляется общій ходъ мысли, въ ея существенныхъ элементахъ. Для устраненія этого неудобства еще во второмъ изданіи (французскомъ), въ самомъ текстѣ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія. Но дабы еще болѣе удовлетворить читателей, здѣсь предлагаются отдѣльно краткія обозрѣнія (résumés) содержанія каждаго чтенія, гдѣ главныя идеи и ихъ связь изображаются съ достаточною ясностію.

ПЕРВОЕ ЧТЕНІЕ.

Вопросъ о назначеніи человѣка и его загробномъ будущемъ, по существу своему, есть проблемма всѣхъ временъ. Она необходимо представляется всякому серьёзному уму.

Эта проблемма полагается:

1) Внѣ насъ:

Непрестаннымъ теченіемъ и разрушительнымъ характеромъ времени. Время, приводя къ ихъ концу всѣ вещи и насъ самихъ, оставляетъ такъ сказать родъ полу-существованія существамъ подверженнымъ постоянному умиранію, и не даетъ жизни настоящей, удовлетворить насъ (ссылка на Боссюета).

Своенравнымъ характеромъ смерти. Большая часть существованій разрушаются прежде ихъ естественнаго развитія. Этотъ фактъ возбуждаетъ въ насъ мысль о безпорядкѣ, самое возникновеніе которой свидѣтельствуетъ, что мы обладаемъ чувствомъ порядка. Бытіе въ насъ этого чувства полагаетъ вопросъ о будущемъ, гдѣ это чувство можетъ быть удовлетворено

2) Въ насъ самихъ:

Чувствомъ идеала. Можно понимать идеалъ какъ простое психологическое явленіе, которому не соотвѣтствуетъ дѣйствительный предметъ. Можно также разсматривать его какъ стремленіе къ безконечной красотѣ. Въ послѣднемъ случаѣ идеалъ будетъ въ насъ предчувствіемъ міра высшаго, и неясною, но дѣйствительною, связью съ міромъ божественнымъ.

Нашею безконечною потребностію знанія. Человѣкъ обладаетъ желаніемъ знать, независимо отъ всякаго практическаго приложенія знанія, и вовсе не въ соразмѣрности съ удовлетвореніемъ своихъ временныхъ нуждъ. Это желаніе не имѣетъ границъ; но познанія, какихъ мы достигаемъ, крайне ограниченны. Что же? Это стремленіе разума, переступающее свой дѣйствительный предметъ, есть ли состояніе болѣзненное, или естественное направленіе нашей души къ странѣ свѣта, который блюдется для насъ въ будущемъ?

Нашимъ желаніемъ святости, которое здѣсь недостигаетъ вполнѣ своего предмета, даже у лучшихъ людей.

Нашею потребностію правды. Сознаніе требуетъ соразмѣрности между добродѣтелію и счастіемъ. Эта соразмѣрность въ настоящей жизни осуществляется столь неполнымъ образомъ, что естественно возникаетъ вопросъ о будущемъ, гдѣ будетъ жить полная правда.

Нашимъ желаніемъ счастія. Наша душа такъ устроена, чтобъ желать блаженства. Въ порядкѣ настоящей дѣйствительности, это желаніе не удовлетворяется (ссылка на Жуфруа). Дурно ли мы устроены? Или есть иной родъ существованія, гдѣ радость можетъ быть нашимъ удѣломъ?

Хотя проблемма о будущемъ глубоко вкоренена въ нашей природѣ, однако различныя философскія школы усиливаются уничтожить ее.

Школа критическая видитъ въ вѣрованіяхъ религіозныхъ только предметъ любопытства. Она проповѣдуетъ, будто умъ просвѣщенный не долженъ брать на себя и труда серьёзнаго изслѣдованія силы этихъ вѣрованій.

Школа позитивизма учитъ, будто, по закону прогресса, умъ человѣческій прошелъ фазу религіозную и даже метафизическую фазу своего развитія, и что въ настоящее время онъ долженъ заниматься лишь предметами чистаго опыта: природою и человѣчествомъ.

Эти взгляды, усиливающіеся изгладить въ душѣ человѣческой знаменія ея достоинства, стали подъ защиту духа времени. Они стараются установить полный скептицизмъ въ отношеніи ко всему, что переступаетъ границы наблюденія.

Скептицизмъ серьезный и грустный достоинъ почтенія. Но скептицизмъ надменный и презрительный возбуждаетъ совсѣмъ другаго рода чувства.

ВТОРОЕ ЧТЕНІЕ.

Матеріализмъ, признавая въ человѣкѣ только тѣло, отвергаетъ для него всякое существованіе за предѣлами жизни настоящей.

Древніе матеріалисты часто смотрѣли на души, какъ на особый родъ тѣлъ тонкихъ: въ наше время эта точка зрѣнія оставлена. Новые матеріалисты вообще допускаютъ только единую матерію тождественную во всѣхъ своихъ частяхъ, а въ явленіяхъ духовныхъ видятъ только результатъ организаціи. Изслѣдуемъ это ученіе.

I. Явленія чувственныя и явленія сознанія столь различны и наблюдаются столь различными пріемами, что *здравый смыслъ* всегда раздѣлялъ ихъ и приписывалъ разнымъ дѣятелямъ (тѣлу и душѣ,—физическому и нравственному).

Эти два класса явленій, при всемъ ихъ различіи, тѣсно связаны между собою. Разсматривать душу какъ независимую отъ органовъ въ дѣятельности ея силъ, есть спиритуализмъ—ложный и опасный.

Тѣло—болѣе, чѣмъ простое орудіе разума и воли; оно есть условіе дѣятельности всѣхъ нашихъ способностей.

Тѣло производитъ на душу или случайныя вліянія (каковы дѣйствія веществъ одуряющихъ), и вліяніе существенное (темпераментъ).

Но съ другой стороны, и душа дѣйствуетъ на тѣло, такъ что постоянное дѣйствіе воли можетъ надолго измѣнять состояніе и дѣятельность органовъ (болѣзни, происходящія отъ причинъ нравственныхъ, — дѣйствіе привычки,—физіономія).

Состояніе организма, въ данное время, есть двойной результатъ первоначальнаго его устройства и дѣйствія свободы, такъ что ежели тѣло есть условіе состоянія души, то и душа въ свою очередь есть условіе состоянія тѣла.

Итакъ два начала находятся въ борьбѣ въ цѣломъ нашемъ существованіи. Сознаніе громко свидѣтельствуетъ, что достоинство человѣка (осуществленіе (rèalisation) собственной его природы) требуетъ верховности духа надъ матеріей. Такимъ образомъ матерія не можетъ составлять цѣлости его существа

Разстройство тѣла можетъ парализовать дѣйствіе духа; но духъ сохраняетъ свои силы, и можетъ снова оказать ихъ, съ уничтоженіемъ препятствія.

Коротко: здравый смыслъ, просвѣтленный мышленіемъ, признаетъ въ цѣлости жизни человѣка присутствіе тѣла и души, какъ двухъ элементовъ глубоко различныхъ, но въ то же время тѣсно связанныхъ. Отъ соединенія этихъ различныхъ природъ матеріализмъ несправедливо заключаетъ къ ихъ тождеству.

II. Наука, строго разумѣемая, подтверждаетъ, въ отношеніи къ предмету нашего изслѣдованія, данныя здраваго смысла.

Физіологія, предполагая ее вполнѣ законченною, будетъ

въ состояніи изъяснить во всѣхъ подробностяхъ гармонію физическаго и нравственнаго. Но эти объясненія никогда и нисколько не наполнятъ пропасти, отдѣляющей тѣла отъ душъ.

Успѣхи Психологіи всегда болѣе и болѣе давали чувствовать безусловное различіе свойствъ матеріи и свойствъ души.

Новая философія природы старается установить, что ежели уединять естественныя явленія отъ впечатлѣній, производимыхъ ими на наши органы, эти явленія всѣ приводятся къ факту движенія, управляемаго по законамъ механики; но нелѣпо утверждать, будто чувства, мысли и воля суть лишь движенія въ пространствѣ.

Метафизикѣ легче утверждать небытіе тѣлъ (чистый идеализмъ), нежели небытіе душъ (матеріализмъ).

III. Матеріализмъ непримиримъ съ данными сознанія, потому что онъ прямо отвергаетъ нравственную свободу и чувство отвѣтственности. Отъ того защитники этого ученія, на практикѣ, большею частію впадаютъ въ противорѣчія съ своими принципами (медики).

IV. Слѣдствія матеріализма въ теоріи, а также и въ дѣйствительной жизни, — въ исторіи суть:

1) Въ нравственности: ученіе объ удовольствіи, естественно приводящее къ отчаянію (школа киринейская).

2) Въ политикѣ: ученіе о безусловномъ деспотизмѣ (Ѳома Гоббесъ).

Матеріализмъ чуждъ общему преданію Женевы и Швейцаріи.

ТРЕТЬЕ ЧТЕНІЕ.

Отрицанія матеріализма составляютъ исключеніе. У всѣхъ народовъ есть религіозныя вѣрованія и извѣстныя мысли о жизни загробной.

Міръ Греко-римскій. По мысли древнихъ Грековъ, выраженной въ поэмахъ Гомера, будущая жизнь представляется слишко неопредѣленно и подъ образами слишкомъ неясными для того, чтобы она могла освободить умъ отъ исключительнаго предзанятія настоящею дѣйствительностью. Болѣе раздѣльныя идеи являются съ развитіемъ миѳологіи; но въ то же время миѳологія, перенося на небо пороки и страсти людскіе, производитъ разрушительное дѣйствіе въ отношеніи нравственнаго порядка.

Древніе философы отвергаютъ суевѣрія идолопоклонства. Они выражаютъ благородныя надежды на безсмертіе (Сократъ, Цицеронъ); но эти надежды смѣшаны съ сомнѣніемъ. Съ большею увѣренностію у нихъ обоснована невещественная природа мыслительнаго начала, чѣмъ личное безсмертіе и правда въ будущемъ.

Мудрые изъ язычниковъ не успѣли провести въ народъ

свои ученія; самыя высокія ихъ понятія остаются монополіею небольшаго числа умовъ просвѣщенныхъ.

Слѣдуя за развитіемъ цивилизаціи въ классической древности, не видишь, чтобы религіозныя идеи укрѣплялись, напротивъ, — духъ сомнѣнія распространяется болѣе и болѣе.

Міръ восточный. Великія цивилизаціи Индіи и особенно Китая развивались внѣ хода греческой исторіи.

Въ восточныхъ религіяхъ надобно различать суевѣрія, которыми питается народъ, и серіозную мысль, лежащую въ основѣ ученія.

Общее религіозное преданіе утверждаетъ, подъ различными формами, другую жизнь, послѣ смерти (рай и адъ, переселеніе душъ); но подъ этими народными представленіями скрывается безнадежное ученіе.

Ученіе Браминовъ покоится на идеѣ, что личная жизнь есть зло, и что поглощеніе душъ въ безсознательномъ началѣ вселенной есть предѣлъ высшихъ желаній мудраго.

Буддизмъ, основанный Сакіамуни, есть секта или ересь религіи Браманской. Она удерживаетъ идею переселенія душъ, составляющую народную сторону ученія, но обѣщаетъ своимъ послѣдователямъ, какъ самую высокую надежду, *Нирвана*, т. е. или совершенное уничтоженіе (мнѣніе Бюрнуфа), или по крайней мѣрѣ разрушеніе личной жизни (мнѣніе другихъ ученыхъ).

Древняя религія Китайцевъ, въ принципѣ, кажется, учила о переживаемости душъ, и слѣды этого ученія остаются въ религіозной практикѣ (поклоненіе умершимъ). Но трудъ мысли, движеніе которой было ускорено Конфуціемъ, болѣе или менѣе изгладилъ надежды на будущее. Въ весьма древнихъ памятникахъ уже находятъ вмѣсто идеи о буду-

щей жизни идею о безсмертіи дѣлъ человѣка, вліяніе которыхъ продолжается на землѣ.

Основаніе восточныхъ религій есть пантеизмъ. Съ точки зрѣнія философской пантеизмъ весьма отличенъ отъ матеріализма, но съ точки зрѣнія религіозной онъ имѣетъ одинаковое значеніе и тѣ же самыя слѣдствія, потому что отрицая продолжаемость и почти дѣйствительность отдѣльной жизни, онъ разрушаетъ нравственную отвѣтственность.

Встрѣча греческой мысли съ мыслію восточною. Школа Александрійская является въ исторіи какъ результатъ попытки сліянія идей Востока и Запада, религіи и философіи. Результатомъ этой попытки было пантеистическое ученіе, которое ввело на Западѣ понятія, сходныя съ понятіями Браминовъ и Буддистовъ.

Итакъ, исторія религій всюду показываетъ различные слѣды вѣрованія въ будущую жизнь; но это вѣрованіе является или затемненнымъ легкомысленными суевѣріями, или спутаннымъ философскою мыслію, которая начинала очищеніемъ вѣрованія и кончала разрушеніемъ его.

Явленіе Евангелія. Школа Александрійская, соединивши въ себѣ философію греческую и восточную, вела неравную борьбу противъ Евангелія. Евангеліе одно утвердилось на землѣ, и съ нимъ проникла во всѣ классы общества живая и чистая вѣра въ безсмертіе.

Важность Евангелія, по отношенію къ вопросу насъ занимающему, не есть только историческая; еще въ наше время, мыслители, порвавшіе всякую связь съ христіанскимъ преданіемъ и его вліяніемъ, часто перестаютъ вѣрить и въ жизнь загробную.

ЧЕТВЕРТОЕ ЧТЕНІЕ.

Для нѣкоторыхъ изъ современныхъ философовъ не существуетъ и вопроса объ истинѣ Евангелія. Они утверждаютъ, будто религія всегда есть лишь произведеніе человѣческаго воображенія, при пробуждающемся только мышленіи (рефлексіи); и отсюда, какъ изъ совершенно достовѣрнаго, заключаютъ, что безусловная истина религіи, даже въ смыслѣ гипозы не можетъ быть принимаема умомъ серіознымъ.

Положенія этихъ философовъ прямо противны исторіи. Особенно, Христіанство утвердилось въ римской имперіи въ эпоху зрѣлой цивилизаціи. Итакъ, мы не можемъ отстранить вопроса о Евангеліи.

I. Іисусъ изъ Назарета обѣщалъ душамъ освященнымъ вѣчную жизнь, то есть состояніе пребывающаго блаженства, основанное на полномъ единеніи съ Богомъ.

Онъ говорилъ во имя Творца признаваемаго народомъ Израильскимъ, Бога, который есть безусловное начало вселенной, но который живетъ внѣ Своего творенія, въ полной своей свободѣ, и можетъ сообщать Своимъ тварямъ жизнь божественную, высшую настоящей ихъ жизни.

Въ Его ученіи долгъ и счастіе были только два вида одного и того же факта — единенія воли человѣческой съ волею Божественною. Мысль, что Богъ есть любовь, полагаетъ конецъ борьбамъ, которыя происходили въ древней философіи изъ противоположенія долга и радости. Коль скоро воля Божественная есть наше безусловное правило, а эта воля состоитъ въ томъ, чтобы мы были блаженны, тогда долгъ и счастіе сходятся въ одной и той же мысли — желать того, что Богу угодно.

Богъ есть Отецъ всѣхъ; посему всякое эгоистическое исканіе радости противно Его верховной волѣ. Слѣдовательно истинное счастіе, результатъ исполненія долга, встрѣчается только въ любви.

Вѣчная жизнь, въ своемъ основаніи есть единеніе съ Богомъ и радость происходящая изъ этого единенія. Христіанинъ увѣренъ въ будущемъ за гробомъ; но божественная жизнь должна начаться въ немъ еще теперь, ибо вѣчность обнимаетъ собою настоящее и прошедшее также какъ и будущее.

Радостная увѣренность Вѣры христіанской особенно поразительна вслѣдствіе контраста, — если сравнивать ее съ надеждами Сократа смѣшанными съ сомнѣніемъ, и съ безнадежнымъ самопожертвованіемъ учениковъ Будды.

II. Возвѣщеніе любви Божіей къ Его твореніямъ есть одна сторона Евангелія, или лучше приготовленіе *Евангелія*, въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Предъ требованіями любви, мы чувствуемъ въ себѣ существенное разстройство. Посему Іисусъ является намъ какъ Спаситель, и объявляетъ о дѣйствіи милосердія (помилованія и благодати), котораго Онъ Самъ есть исполненіе Вотъ собственный и существенный элементъ *благой вѣсти*. Чув-

ство грѣха удаляетъ насъ отъ жизни божественной и отъ вѣры въ верховную благость. Необходима мысль о милосердіи, дабы намъ получить твердую надежду на жизнь вѣчную.

Наше единеніе съ Богомъ есть первоначальный планъ творенія. Разрушенный царствомъ зла, этотъ планъ возстановленъ пришествіемъ Бога въ Евангеліи. Итакъ, въ единствѣ любви Божественной, можно различать волю творческую, назначившую намъ небесное блаженство, и волю искупительную, возвращающую намъ это благо, потерянное черезъ грѣхъ.

III. Посредство Бога въ нашемъ спасеніи составляетъ сверхъестественный порядокъ, въ его сущности. Іисусъ Христосъ, въ Своемъ лицѣ и Своемъ дѣлѣ, есть чудо по преимуществу Итакъ, нельзя, оставивши въ сторонѣ всѣ вопросы о подробностяхъ, уничтожать чудо, не уничтожая Евангелія.

Теряя вѣру въ сверхъестественный порядокъ, отваживаются потерять существенное вѣрованіе порядка религіознаго,—въ бытіе Бога и будущую жизнь, и такимъ образомъ стать гораздо ниже учениковъ Сократа (ссылка на Шерра).

Въ самомъ дѣлѣ, — какъ показываетъ и наше время, — между вѣрою въ Евангеліе и твердою надеждою на вѣчную жизнь есть тѣсная связь, которая, не будучи строго и безусловно логическою, тѣмъ не менѣе дѣйствительна для многихъ умовъ.

Утверждаютъ, будто вѣрованіе въ сверхъестественный порядокъ непримиримо съ просвѣщеніемъ и наукою нашего времени. Это положеніе надобно изслѣдовать въ немъ самомъ, не останавливаясь на предразсудкахъ въ его пользу, и совлекши съ него титло *современности*.

ПЯТОЕ ЧТЕНІЕ.

Опытъ открываетъ въ мірѣ вещественномъ, равно и въ мірѣ нравственномъ, хотя съ другими признаками, — извѣстный опредѣленный ходъ событій, составляющій то, что мы называемъ *законами*.

Христіане утверждаютъ, что явленіе въ міръ Іисуса Христа, приготовленіе Его пришествія и его слѣдствія не входятъ въ законы познаваемые обыкновеннымъ опытомъ, и составляютъ порядокъ сверхъестественный.

Историческій вопросъ о чудесахъ есть вопросъ второстепенный.

Основный вопросъ относительно порядка сверхъестественнаго не касается исторической дѣйствительности того или другаго чуда, но — дѣйствительности опредѣленія Божественной воли, разрушающей, чрезъ помилованіе и благодать, естественную цѣпь слѣдствій грѣха.

Этотъ вопросъ возникаетъ только для теиста; но онъ не имѣетъ значенія для атеиста или пантеиста.

I. Возможности сверхъестественнаго порядка противополагаютъ: 1) науку о природѣ; 2) философію; 3) исторію.

Возраженіе заимствованное изъ науки о природѣ основывается на необходимости физическихъ законовъ, которая будто утверждается опытомъ. Такое возраженіе, если только оно не имѣетъ характера софизма, есть результатъ смутности идей. Изъ того, что извѣстное явленіе представляется какъ постоянное въ предѣлахъ нашего опыта, невозможно заключать къ его необходимости.

Возраженіе, заимствуемое изъ философіи, утверждаетъ, будто, если Богъ безусловно премудръ, то нельзя допустить, что Онъ измѣняетъ законы, установленные Его же мудростію, или, другими словами, нельзя допустить въ Богѣ двѣ воли. Эта трудность происходитъ не изъ Евангелія и слѣдовательно не можемъ служить возраженіемъ собственно вѣрѣ христіанъ. Нравственный порядокъ предполагаетъ волю Бога, содѣлавшаго Свое твореніе свободнымъ,—волю, которая исполняется; и—волю Бога, полагающаго законъ сотвореннымъ волямъ, которая не исполняется, какъ скоро содѣлано зло. Тайна—въ свободѣ тварей. Итакъ тутъ затрудненіе лишь для разумнаго деизма. А въ настоящемъ состояніи философіи, возраженія противъ сверхъестественнаго порядка покоются, большею частію, на скрытомъ атеизмѣ. Онѣ свойственны не философіи вообще, но особой философіи, которая отрицаетъ Бога.

Отрицаніе сверхъестественнаго порядка, являющееся въ изслѣдованіяхъ критики, въ сущности покоится не на изысканіяхъ исторіи, но на *апріорическомъ* принципѣ. Это отрицаніе не есть результатъ, но точка отправленія невѣрующей критики (Штраусъ, Ренанъ).

Историческимъ авторитетамъ, приводимымъ противъ порядка сверхъестественнаго, легко противопоставить другіе (Іоаннъ Мюлеръ, Августинъ Тьери).

II. Устранивши возраженія противъ сверхъестественнаго порядка, надобно представить доказательства въ его пользу.

Сверхъестественный порядокъ не можетъ быть предметомъ доказательства *a priori*. Въ самомъ дѣлѣ онъ есть свободный актъ Божественной любви, а притязаніе установить *a priori* свободный актъ заключаетъ въ себѣ совершенное противорѣчіе.

Неоспоримыми памятниками утверждаются факты, по поводу которыхъ возникаетъ вопросъ: Евангеліе отъ Бога или отъ человѣкъ? Критика раздѣляется на двѣ различныя партіи, смотря по тому, какое рѣшеніе дается этому первому вопросу.

Утвержденіе Евангелія, его исторія, его дѣйствительное вліяніе какъ на отдѣльныя лица, такъ и на ходъ жизни общественной, повсюдное господство видимо предоставленное христіанской цивилизаціи, составляютъ совокупность фактовъ совершенно исключительныхъ въ исторіи міра. Самое разумное объясненіе этихъ фактовъ есть вѣрованіе въ особое посредство Бога.

Соображенія этого рода могутъ разрѣшить возраженія и склонить умы къ признанію божественности Христіанства, но ихъ недостаточно, чтобы произвести собственно вѣру.

Вѣра имѣетъ не одни умственные основанія, но также и нравственныя. Это не есть исключеніе въ отношеніи къ Евангелію, но—законъ, имѣющій приложеніе во всей области духовныхъ вѣрованій.

ШЕСТОЕ ЧТЕНІЕ.

Выраженіе *Вѣчная Жизнь* означаетъ въ Новомъ Завѣтѣ состояніе блаженства, назначеннаго Богомъ тварямъ, которое должно начинаться въ жизни настоящей и раскрыться въ будущей экономіи.

Воля Божія состоитъ въ томъ, чтобы тварь имѣла свое блаженство въ святости. Всякое понятіе о будущемъ блаженствѣ независимомъ отъ нравственнаго порядка — прямо противно Евангелію.

Вѣчность принадлежитъ всѣмъ элементамъ нашего существа, способнымъ воспринять освященіе.

Тѣло есть устойчивый элементъ нашего существованія, а не преходящій и злой. Долгъ освященія тѣла долженъ занять мѣсто заблужденія крайняго аскетизма (ненависти къ тѣлу), равно и распущенности, принятой подъ покровъ философіи (презрѣніе къ тѣлу).

Ученіе о воскресеніи соотвѣтствуетъ данпымъ философіи, утверждающей особенную природу духовнаго начала, и наведеніямъ физіологіи, которая по видимому указываетъ въ тѣлѣ условіе личности. Чтобъ понять это, надобно помнить, что не матерія, постоянно возобновляемая, составляетъ постоянное тѣло, но тождественное начало организма.

Всѣ элементы нашего существа угодны Богу, и, изъятые отъ безобразія грѣха, назначены къ вѣчной жизни; посему и законныя привязанности безсмертны. Будущее царство должно быть обществомъ душъ имѣющихъ самосознаніе и связанныхъ святыми связями, — котораго средоточіемъ и началомъ будетъ Богъ.

Эта вѣчная жизнь долженствуетъ теперь начинаться въ душахъ, а смерть обозначаетъ лишь эпоху великаго преобразованія.

Наше воображеніе, поставленное въ зависимость отъ настоящихъ нашихъ органовъ, безсильно представить будущую жизнь; но мы знаемъ, что это — будетъ жизнь дѣйствительная и полная.

Чтобы возвыситься до идеи о вѣчности, надобно устранить разрушающую силу времени; потомъ надобно придти къ понятію о жизни соединенной съ Богомъ, то-есть съ вѣчнымъ и безусловнымъ началомъ знанія, любви и добра.

Надобно различать неясное познаніе Бога, удѣлъ временнаго существованія, и познаніе ясное, — условіе вѣчнаго существованія.

Противополагать видѣніе Бога познанію и любви тварей есть заблужденіе (Паскаль). Поелику Богъ есть общій всѣхъ тварей Отецъ, то единеніе съ Нимъ необходимо сдѣлается началомъ любви, которая отразится на всѣхъ Его дѣтяхъ.

И такъ вѣчная жизнь, единая въ своемъ началѣ (единеніе съ Богомъ) имѣетъ періодъ вѣры (жизнь во времени) и періодъ видѣнія (вѣчность).

Усиліе души напередъ достигнуть нѣкотораго видѣнія вѣчнаго существованія (блаж. Августинъ) должно быть охраняемо отъ опасностей ложнаго мистицизма дѣланіемъ дѣлъ любви и чувствомъ долга.

СЕДЬМОЕ ЧТЕНІЕ.

Истинная религія есть приготовленіе къ вѣчности еще во времени. Ея дѣло—просвѣтить совѣсть и измѣнить естественное направленіе воли, эгоизму противопоставляя любовь какъ начало нашей жизни.

Два заблужденія являются противными такому понятію. Первое, мало достойное серьезнаго вниманія, есть понятіе о религіи какъ средствѣ для временныхъ интересовъ. Второе есть подставленіе чувства естетическаго на мѣсто совѣсти, въ такъ называемой религіи идеала.

Чувство идеала должно возвышать насъ къ Богу. Если оно не достигаетъ этой цѣли, тогда оно есть лишь возвышеннѣйшее произведеніе человѣческой природы, и приводитъ къ обожанію человѣка. Отсюда — религія безъ идеи о нравственной отвѣтственности (Спиноза), и стремленіе мириться съ зломъ, какъ скоро оно представляется съ видимостями красоты (Ренанъ).

Отсюда еще (поелику такая религія неудобопонятна для простыхъ) раздѣленіе человѣчества на двѣ касты, и, для касты высшихъ умовъ, теорія и практика презрѣнія къ нисшимъ.

Эти два религіозныя понятія имѣютъ одинъ общій характеръ: они остаются заключенными въ области опыта, не признавая ничего выше земныхъ интересовъ, или чувствъ человѣка.

Евангеліе предлагаетъ намъ религію вѣчности, дѣлая изъ жизни земной приготовленіе къ царству небесному, и изъ высшихъ элементовъ человѣческаго духа—средства для возвышенія къ Богу.

Религія не есть особый элементъ жизни, но управляющее начало всей жизни. Она входитъ во все, потому что въ практикѣ разрѣшается въ исполненіи долга, а долгъ обнимаетъ весь кругъ существованія.

Воля Бога, управляющее начало всей жизни, въ то же время дѣлается условіемъ счастія, доставляя жизни основу, въ противоположность разсѣянію нашихъ желаній, и—основу пребывающую, въ противоположность непостоянству земныхъ вещей.

Повиновеніе воли Божественной, или единеніе нашей души съ планами вѣчной Любви, составляетъ сущность религіи, и образуетъ общій элементъ жизни настоящей и жизни будущей.

Отсюда раждается борьба. Обязанные долгомъ, жить земною жизнію, мы находимся въ затрудненіи примирить ея потребности съ приготовленіемъ къ вѣчности.

Нѣкоторые думаютъ выдти изъ этой борьбы такимъ образомъ: или отказываясь отъ жизни вѣчной и отдаваясь жизни временной, или разрывая связь съ міромъ и посвящая себя жизни исключительно религіозной.

Правило, въ обыкновенныхъ условіяхъ, состоитъ въ томъ, чтобы святить временную жизнь, дѣлая ее, какъ и слѣдуетъ, искусомъ для вѣчности. Это достигается единеніемъ

души съ Богомъ, виновникомъ нашихъ обязанностей и источникомъ необходимой силы для ихъ исполненія (ссылка на Фенелона и Гратри).

Евангеліе, основаніе надежды христіанъ, сохраняется въ мірѣ посредствомъ церковныхъ установленій.

Единство Христіанства нарушено, и несогласія раздѣляющія христіанъ не могутъ считаться безразличными въ отношеніи къ раскрытію Божественной жизни въ душахъ.

При всѣхъ правахъ добраго спора, можно думать, на основаніи разумныхъ соображеній, что настоящія обстоятельства призываютъ христіанъ къ инымъ, болѣе важнымъ спорамъ, чѣмъ споры взаимные.

Въ наше время болѣе, чѣмъ во всякое другое, благодаря религіозной свободѣ, легко различить основанія Евангелія.

Эти основанія, допускаемыя всѣми христіанскими вѣроисповѣданіями, подвержены нынѣ открытымъ нападеніямъ въ движеніи современной мысли. Первая обязанность христіанъ, кажется, есть обязанность соединиться для защиты ихъ общей Вѣры противъ напора ученій атеизма и матеріализма.

Великій духовный споръ нашего времени есть борьба вѣрующихъ въ вѣчную жизнь съ тѣми, которые отрицаютъ ее.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

Стр.

Отъ переводчика . . . . . **III**

Первое чтеніе. Назначеніе человѣка **1**

Второе чтеніе. Матеріализмъ **19**

Третье чтеніе. Мысли человѣчества **42**

Четвертое чтеніе. Евангеліе **67**

Пятое чтеніе. Евангеліе предъ наукою и вѣрою **89**

Шестое чтеніе. Христіанское ученіе о вѣчной жизни **119**

Седьмое чтеніе. Религія **139**

Обозрѣніе содержанія чтеній **165**

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

Предисловіе переводчика.
Чтеніе первое — Назначеніе человѣка.
Чтеніе второе — Матеріализмъ.
Чтеніе третье — Мысли человѣчества.
Чтеніе четвертое — Евангеліе.
Чтеніе пятое — Евангеліе предъ наукою и вѣрою.
Чтеніе шестое — Христіанское ученіе о вѣчной жизни
Чтеніе седьмое — Религія.
Обозрѣніе содержанія чтеній.

Экземпляръ книги въ Москвѣ 75 к. сереб.,
съ пересылкой въ другіе города 1 руб. сереб.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

ГИЗО.

РАЗМЫШЛЕНІЯ О СУЩНОСТИ ХРИСТІАНСКОЙ ВѢРЫ.

ПЕРЕВОДЪ

Свящ. П. Сергіевскаго.

Цѣна въ Москвѣ 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 20 к.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: August 2005

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 014 652 951 3